

ISSN 2078-7626

ВЕСТНИК

Сургутского
государственного
педагогического
университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (77) 2022 г.

ВЕСТНИК

**СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

Основан в августе 2007 г.
№ 2 (77) 2022 г.

«Вестник Сургутского государственного педагогического университета» входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук».

Журнал включён в индексы научного цитирования и в международные библиографические базы данных: РИНЦ, Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJI, Ulrich Plus.

Учредителем и издателем СМИ «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» является бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный педагогический университет».

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-29393 от 24 августа 2007 г.

Главный редактор: КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор,
Президент Сургутского государственного педагогического университета

Адрес издательства, редакции и типографии:
г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2.
Телефон: 8 (3462) 22-31-87 (доб. 4-493).
E-mail: vestnik@surgpu.ru

Периодичность издания: 6 выпусков в год.

Выход в свет: 20.05.2022 г.
Формат 70x100/16. Авт. л. 14,12.
Печать цифровая.
Гарнитура DejaVu Serif.
Тираж 1000. Заказ № 24.

Отпечатано в РИО СургПУ.
© Сургутский государственный педагогический университет, 2021.

Распространяется бесплатно, 12+

ISSN 2078-7626

**Surgut
State
Pedagogical
University**

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№ 2 (77) 2022 г.

SURGUT STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№ 2 (77) 2022.

This Bulletin has started its publishing activity since 2007.

«Surgut State Pedagogical University Bulletin»
is in «The List of Russian peer-reviewed journals
recommended by State Commission of Academic Degrees
and Titles for publication of main scientific results of Doctor and Ph.D. theses».

The Journal is in the list of Science Citation Index and international bibliographic database:
RSCI, Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJL, Ulrich Plus.

This academic journal has been registered
in the Russian Federal Agency supervising over the mass media,
tele- and radio-communication saving
in its way the Russian Federation State Cultural Heritage.

The Mass-Media Information Registration Certificate
is ПИ № ФС 77-29393, August 24, 2007.
Founder of journal: Budgetary Institution of Higher Education
of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra
«Surgut State Pedagogical University».

The Chief Editor: KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
President of the Surgut State Pedagogical University.

Address of the publishing house, editorial office and printing house is:
628417 Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra,
Surgut, 50 let VLKSM st., 10/2.
Phone: 8 (3462) 22-31-87 (ext. 4-493). E-mail: vestnik@surgpu.ru

Publication frequency: 6 issues per year.

Release date: 20.05.2022
Format 70x100/16. Auth. I. 14,12.
Digital printing.
The DejaVu Serif headset.
The circulation is 1000.
Order No. 24. Printed in RIO SurGPU.

Distributed for free, 12+

© Сургутский государственный педагогический университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. СОЦИОЛОГИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.

Социология высшего образования в СССР / России:
этапы сложного пути.....9

Богдан Д.И., Власова О.В.

Воспитательная работа в педагогическом вузе
как условие обеспечения качества высшего образования
(на материалах пилотажного социологического исследования)....22

Виниченко М.В., Макушкин С.А.

Отношение студентов поколения Z к оценке
исторических событий искусственным интеллектом
в условиях цифровизации общества.....29

Гоголева Е.Н.

Студенчество в структуре социально-экономических отношений
(по результатам социологического исследования).....37

Тостановский А.В., Барсегян С.Т., Литовченко О.Г.

Образ жизни студентов северного вуза
в период дистанционного обучения.....46

РАЗДЕЛ 2. СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Чуркин М.К.

Условия и факторы формирования профессиональной
ориентации и идентичности советских беби-бумеров
в эпоху «позднего социализма»
(на материалах интервью с представителями
научно-образовательного сообщества ОмГПУ).....55

Стоянов А.С., Ермолаева А.В.

Ожидания как фактор миграции трудоспособного населения.....67

Ткачук Н.В.

Этнические автостереотипы коренных малочисленных
народов Севера (социологический опрос в Югре).....81

Гаврилов В.В.

К вопросу изучения профессиональной самоидентификации
студентов-журналистов цифровой эпохи.....89

Пиньковецкая Ю.С.

Возрастная структура педагогического персонала
общеобразовательных школ в регионах России.....99

РАЗДЕЛ 3. СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

Филиппова И.Н.

РИНЦ: проблемы и перспективы публикационной активности.....113

РАЗДЕЛ 4. ИСТОРИКИ В ГОСТЯХ У СОЦИОЛОГОВ

Качесова С.П.	«Старое отжило и не имеет силы, а новое еще не сложилось»: способы решения семейных конфликтов крестьянами в России первой трети XX века.....	122
Морозов Н.М.	Проблема планирования угледобычи в Кузбассе в годы I пятилетки.....	137
Рашевская Н.Н.	Роль ведомственности в формировании повседневных практик рабочих Ханты-Мансийского национального округа во второй половине 1940-х — 1960-е годы.....	145
Чернов В.А.	Реализация антиалкогольной кампании второй половины 1980-х гг. на местном уровне (по материалам г. Когалыма, ХМАО).....	160
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....		172
ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ.....		174

CONTENTS

SECTION 1. SOCIOLOGY OF HIGHER EDUCATION

Zborovsky G.E., Ambarova P.A.

Sociology of Higher Education in the Ussr / Russia:
Stages of a Difficult Path.....9

Bogdan D.I., Vlasova O.V.

Educational Work in a Pedagogical University as a Condition
for Ensuring the Quality of Higher Education
(Based on the Materials of a Pilot Sociological Study).....22

Vinichenko M.V., Makushkin S.A.

The Attitude of the Z-Generation Students
to the Artificial Intelligence's Assessment of Historic Events
in Conditions of Digitalization of Society.....29

Gogoleva E.N.

Students in the Structure of Socio-Economic Relations
(by the Results of Sociological Research).....37

Tostanovsky A.V., Barsegyan S.T., Litovchenko O.G.

Lifestyle of Students of Northern University
During Distance Learning.....46

SECTION 2. SOCIOLOGY OF SOCIAL GROUPS AND IDENTITY ISSUES

Churkin M.K.

Conditions and Factors for the Formation
of Professional Orientation and Identity of Soviet
Baby Boomers in the Era of «Late Socialism»
(Based on Interviews with Representatives
of the Scientific and Educational Community
of the Omsk State Pedagogical University).....55

Stoyanov A.S., Ermolaeva A.V.

Expectations as a Factor of Migration of the Working Population.....67

Tkachuk N.V.

Ethnic Autostereotypes of Indigenous Peoples of the North
(Sociological Survey in Yugra).....81

Gavrilov V.V.

On the Issue of Professional Self-Identification
of Students-Journalists of the Digital Era.....89

Pin'kovetskaya Yu.S. Age Structure of Teachers of Secondary Schools

in Russian Regions.....99

SECTION 3. SOCIOLOGY OF SCIENCE

Filippova I.N.

Russian Science Citation Index: Problems and Prospects
of Publication Activity.....113

SECTION 41. HISTORIANS VISITING SOCIOLOGISTS

Kachesova S.P.	«Old Has Outlived Its Usefulness and Has No Force, and New Has Not Yet Developed»: Peasants' Ways of Resolving Family Conflicts in Russia in the First Third of the XX Century.....	122
Morozov N.M.	The Problem of Coal Mining Planning in Kuzbass in the Years of the First Five-Year Plan.....	137
Rashevskaya N.N.	The Role of Narrow Institutional Interests in the Formation of the Daily Practices of the Workers of the Khanty-Mansiysk National District in the Second Half of the 1940–1960 Years.....	145
Chernov V.A.	The Anti-Alcohol Campaign Implementation of the Second Half of the 1980s at The Local Level (Based On The Materials of Kogalym, Khanty-Mansi Autonomous Okrug).....	160
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....		172
RULES FOR SUBMITTING MANUSCRIPTS BY AUTHORS.....		174

РАЗДЕЛ 1. СОЦИОЛОГИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ**SECTION 1. SOCIOLOGY OF HIGHER EDUCATION**

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.014

УДК 37.015.4:316.346.32-053.6(470+571)"19/20"

ББК 60.561.9(2)6

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ,
П.А. АМБАРОВА**СОЦИОЛОГИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В СССР / РОССИИ:
ЭТАПЫ СЛОЖНОГО ПУТИ**G.E. ZBOROVSKY,
P.A. AMBAROVA**SOCIOLOGY OF HIGHER EDUCATION
IN THE USSR / RUSSIA:
STAGES OF A DIFFICULT PATH**

В статье дается определение объекта и предмета одной из отраслей социологической науки — социологии высшего образования. Показывается процесс ее возникновения, становления и развития, охватывающий последние 60 лет. Раскрываются предпосылки появления отрасли. Характеризуются критерии периодизации социологии высшего образования. Дается содержательная трактовка каждого из трех периодов ее возникновения и развития. В процессе анализа третьего периода показывается конституирование социологии высшего образования. В заключении называются основные проблемы социологии высшего образования, привлекающие исследовательский интерес. Публикация основана на материалах авторской монографии «Социология высшего образования» (2019), развивает ключевые идеи, заложенные в ней и требующие своей диссеминации в социологическом сообществе.

The article defines the object and the subject of the sociology of higher education, one of the branches of the sociological science. The process of its emergence, formation and development, covering the last 60 years, is shown. The background for the emergence of the branch of science is revealed. The criteria of periodization of sociology of higher education are characterized. A meaningful interpretation of each of the three periods of its origin and development is given. In the process of analyzing the third period the constitution of the sociology of higher education is shown. In conclusion, the main problems of sociology of higher education that attract research interest are named. The publication is based on the materials of the author's monograph «Sociology of Higher Education» (2019) and develops the key ideas embedded in it and requiring their dissemination in the sociological community.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: высшее образование, социология высшего образования, объект и предмет социологии высшего образования, периодизация социологии высшего образования, критерии периодизации.

KEY WORDS: higher education, sociology of higher education, object and subject of sociology of higher education, periodization of sociology of higher education, periodization criteria.

ВВЕДЕНИЕ. Социология высшего образования является одной из тех отраслей социологической науки в нашей стране, возникновение и становление которой происходило в XX в. (начиная с 1960-х гг.), а развитие пришлось на XXI в. Если социология как наука

в целом (и многие ее отрасли) переживала во второй половине прошлого столетия процесс «второго рождения», на основе чего происходило ее возрождение, то социология высшего образования в это время только появилась на свет. В отличие от отечественной социологии, имевшей свою значительную историю после 1917 г. (вплоть до середины 1930-х гг.), социология высшего образования такой истории не имела по очень простой и понятной причине — не было самого высшего образования как социальной системы и института.

Только в таком качестве высшее образование и могло стать предметом социологического исследования. Его конституирование на системно-институциональном уровне произошло гораздо позже. Вновь рождавшаяся отечественная социология в период после окончания Великой Отечественной войны (начиная с рубежа 1950–1960-х гг.) вплотную соприкоснулась с набиравшим силу высшим образованием на рубеже 1960–1970-х гг. и постепенно превратила его в объект исследовательского внимания.

В 2022 г. исполняется 50 лет со времени принятия важного государственного документа, во многом определившего развитие высшего образования в СССР. Речь идет о Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 июня 1972 г. № 463 «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы». Это решение государства стало триггером для развития социологии высшего образования, потому что было направлено на развитие этого вида образования через всеобщее среднее образование молодежи. Когда все школьники получают среднее образование, среди значительной их части созревает желание и готовность учиться дальше. Тем более что народное хозяйство страны в период своего восстановления после войны остро нуждалось в молодых специалистах. Другим триггером стало развитие самой социологической науки, в том числе таких ее отраслей, как социология образования, социология молодежи, социология студенчества. На их пересечении и возникла социология высшего образования.

ЦЕЛЬ СТАТЬИ состоит в анализе процесса возникновения, становления и развития социологии высшего образования, основных проблем и перспектив этой отрасли социологической науки. Конкретизацией цели стали следующие задачи: 1) рассмотрение специфики социологии высшего образования сквозь призму объекта и предмета ее исследования; 2) выявление критериев периодизации и характеристика основных периодов возникновения, становления и развития этой отрасли социологической науки.

Необходимость данной статьи была вызвана недостатком публикаций по истории и современному состоянию социологии высшего образования в нашей стране. В 2019 г. авторами была опубликована первая в России монография, посвященная этому вопросу [2]. Ограниченность тиража указанной работы и ее публикация в региональном издательстве не позволили познакомиться с ее основными идеями широкому кругу социологов и специалистов по проблемам высшего образования. Этим обстоятельством объясняется обращение авторов к ключевым положениям монографии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Объектом изучения в статье являются материалы исследований высшего образования, вузов, учащейся молодежи и студенчества в нашей стране, проведенных с 1960-х гг. по настоящее время. Особый интерес вызвали публикации по социологии образования — как монографические работы и сборники научных трудов конференций, так и статьи в журналах «Социологические исследования», «Социологический журнал», «Мир России», «Вопросы образования», «Высшее образование в России», «Высшее образование сегодня», «Университетское управление: практика и анализ» и др. Большая часть журнальных публикаций, посвященных непосредственно проблемам высшего образования, приходится на последние 20–25 лет. Для сравнительного анализа отечественной и зарубежной социологии высшего

образования немалое значение имели авторские работы¹, отдельные идеи которых были использованы при подготовке статьи.

В качестве основных методов исследования были использованы историко-социологический анализ и вторичный анализ данных, опубликованных в работах, тематически близких к проблематике статьи.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Специфика социологии высшего образования сквозь призму объекта и предмета ее исследования

Социология высшего образования — это отрасль социологического знания, которая изучает высшее образование как социальный институт и социальную систему, его функции в обществе и взаимосвязи с другими общественными институтами и системами. В самом общем виде в качестве объекта исследуемой нами отрасли будем рассматривать высшее образование — и как объективную данность, то есть как систему и социальный институт, и как субъективную реальность — как знание о высшем образовании и его исследованиях.

В первом случае мы имеем в виду общество и информацию о нем [1, с. 91–94], а во втором случае — высшее образование и информацию о нем. По нашему мнению, к объекту социологии высшей школы следует относить также деятельность различных субъектов (агентов и акторов) высшего образования, направленную на его изменение, преобразование, трансформацию. Это та сторона объекта, которую можно определить как сконструированную, преобразованную реальность.

Предмет рассматриваемой отрасли социологии составляет изучение реальных и возможных практик высшего образования конкретных социальных общностей в вузе, их потребностей, интересов, ценностных ориентаций, мотивов поведения в связи с образовательной и научной деятельностью, взаимодействием этих общностей в рамках ее различных способов и видов, в том числе с теми институтами, системами, структурами и организациями государства и гражданского общества, которые осуществляют определенную политику в отношении высшего образования.

Рассмотрим объект и предмет социологии высшего образования более конкретно. Конкретизация объекта означает выделение и трактовку системы и института высшего образования. Система включает в себя три основных элемента — образовательные организации (вузы), образовательные общности (студенчество, научно-педагогическое сообщество, управленческий персонал), управление высшим образованием в целом и конкретными образовательными организациями.

Институт высшего образования означает конкретизацию управления как его центрального элемента в рамках трехуровневой структуры. Это управление на мегауровне (субъекты управления — высшее руководство страны, правительство), макроуровне (субъект — Министерство науки и высшего образования РФ), микроуровне (субъект — образовательная организация). В рамках названных уровней осуществляется вертикаль власти в высшем образовании России, что является наиболее характерной особенностью его линейной модели. К этой вертикали подключаются в разных формах властные и управленческие структуры в регионах (субъектах Федерации) и макрорегионах (федеральных округах).

Институт высшего образования в рамках его структурирования и воплощения в конкретном вузе предполагает возможность организации взаимодействия образовательных

1 Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Социология высшего образования. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. 539 с.; Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Становление и развитие зарубежной социологии высшего образования // Высшее образование в России. 2020. № 11. С. 33–50.

общностей. В этом случае оно становится элементом структуры института, связывающим, скрепляющим эти общности через совместные практики и соучастие в управлении.

Второй элемент объекта — вслед за системой и институтом высшего образования — информация о нем. Она оказывается не менее значимым объектом социологии высшей школы, чем ее реальность. Строго говоря, эта информация также выступает как разновидность социальной реальности, изучаемой социологией высшего образования. Более того, изучение и знание такой информации зачастую дает социологу гораздо больше возможностей для исследования, чем знакомство с самой социальной реальностью высшего образования, его организациями и структурами. Это информация объективная и субъективная, первичная и вторичная, собранная с помощью самых различных методов на основании многочисленных источников. Она собирается путем использования различных количественных и качественных методов — изучения официальных и личных документов, опросов, наблюдения, фокус-групп, интервьюирования, case study и т.д.

Информация о высшем образовании, его отдельных проблемах, явлениях и процессах становится объектом социологии высшей школы намного чаще, чем сама ее реальность, и приобретает для науки особое значение. Ведь социология высшего образования имеет дело со смыслами, значениями, символами, понятиями. Поэтому не случайно в ней проблема доступности, надежности, достоверности информации, возможности ее максимально полного и полезного использования является одной из наиболее актуальных.

Основными информационными блоками, отражающими объект социологии высшего образования, выступают:

- 1) статистический (данные — в статике и динамике — о численности образовательных организаций, о количестве студентов и преподавателей, аспирантуре и докторантуре, уровне острепенности кадров, среднем балле ЕГЭ, специальностях и направлениях подготовки бакалавров и магистров, финансировании высшего образования и т.д.);
- 2) демографический (сведения демографического характера о поле и возрасте обучающихся и работающих в вузах, о городах, в которых они расположены, среднем возрасте кандидатов и докторов наук и т.д.);
- 3) психологический (сведения об установках и мотивах поведения студентов, педагогов, менеджеров вузов, о взаимодействиях людей, групп, обусловленных их социальными ролями и занимаемыми позициями);
- 4) социокультурный (информация о поведении участников образовательного процесса в вузах, детерминированном нормами и ценностями жизни и культуры);
- 5) общностный (информация о социальных общностях, группах, слоях в организациях высшего образования).

В целом объект социологии высшего образования — это его социальная реальность, выраженная в информации о ней, это социальные факты о высшей школе, взятые в их совокупности и взаимосвязи и проинтерпретированные на языке социологического теоретико-эмпирического исследования.

Предмет социологии высшего образования — это совокупность центральных проблем ее объекта. Ядром предметного поля социологии высшего образования являются, по нашему мнению, социальные, прежде всего образовательные, общности. Это следует из особенностей высшего образования, основными субъектами которого являются общности студентов, научно-педагогических и управленческих работников, в действиях и взаимодействиях которых в процессе реализации образовательных и научных программ существует рассматриваемый институт.

Образовательные общности в вузе характеризуются определенными потребностями, интересами, ценностными ориентациями, установками, мотивами, целями, без изучения

и знания которых составить социальный портрет той или иной общности в вузе невозможно. Это вторая предметная зона в нашем представлении о предмете социологии высшего образования, вслед за его ядром. Судить о действиях и взаимодействиях образовательных общностей мы можем, лишь изучая мотивационные и диспозиционные механизмы поведения их участников.

Образовательные общности вуза выступают как источник и движущая сила социальных действий, взаимодействий и процессов, имеющих в нем место. Их взаимодействие составляет содержание следующей предметной зоны, идущей за ядром и первой зоной. Действия субъектов высшего образования есть цель, процесс и реальный результат. Совокупность действий и взаимодействий общностей в вузе создает в нем социальный процесс.

Следующая предметная зона социологии высшей школы — практики высшего образования, на которые направлены эти социальные действия и процессы. Эта предметная зона, с одной стороны, выступает как относительно самостоятельный объект исследования, с другой — она включается в орбиту деятельности социальных общностей. Более того, эти практики сами являются ее результатами. Но однажды возникнув в силу потребностей образовательного и научно-исследовательского процессов, практики высшего образования получают право на самостоятельную жизнь и превращаются в особую предметную зону, требующую исследовательского внимания.

Еще одна предметная зона социологии высшего образования — организации и учреждения высшей школы. Их можно определить как своеобразные «узлы», связывающие, скрепляющие вузовские общности, их социальные действия, взаимодействия, процессы, практики высшего образования в единое целое. От характера функционирования и используемых способов управления в учреждениях высшего образования зависит их стабильность, устойчивость, динамизм, поскольку эти «узлы» являются не только организованными, но и организующими формами совместной деятельности вузовских общностей. Следовательно, динамика и взаимосвязь этих общностей, социальных действий, взаимодействий, процессов, практик высшей школы, учреждений и организаций высшего образования формируют его структуру.

2. Критерии периодизации и характеристика основных периодов становления и развития социологии высшего образования

Наша трактовка периодизации отечественной социологии высшего образования имеет точкой отсчета 1960-е гг. Критериями этой периодизации для нас выступают ее темпорально-содержательные характеристики. В соответствии с этими критериями выделим три основных периода — возникновения, становления и развития социологии высшего образования.

Первый период охватывает 1960-е — середину 1980-х гг. Это время проведения первых социологических исследований высшей школы в рамках изучения проблем образования, студенчества, молодежи. Второй период — от середины 1980-х гг. до рубежа XX–XXI вв. — время созревания предпосылок для становления социологии высшего образования как особой отрасли социологической науки. Третий период, начинаясь с рубежа веков, охватывает оба десятилетия XXI в. и продолжается по настоящее время. Это период превращения социологии высшего образования в самостоятельную отрасль социологической науки.

Первый период. Как уже отмечалось, большую роль в процессе появления социологии высшего образования сыграли социологические исследования образования, молодежи и студенчества. Они осуществлялись в рамках соответствующих отраслей научного знания — социологии образования, социологии молодежи, социологии студенчества, возникших и оформившихся в 1960–1970-е гг.

Существенную роль в появлении социологии высшего образования сыграла реализация принципа всеобщего среднего образования, которая дала большой приток подростков в старшие классы [4]. Она означала качественный скачок в развитии не только школы, но и всей системы образования, в том числе высшего. Быстро увеличивался контингент учащихся профессионально-технических училищ, студентов техникумов и вузов, в последних росли конкурсы. Уровень образования стал одним из основных социальных показателей развития в стране. Активное развитие, наряду с дневным, вечернего и заочного, особенно профессионального образования позволило вовлечь в его сферу многие миллионы людей не только из молодежи, но и из групп населения зрелого возраста.

Описанные тенденции формировали позитивный социальный фон для возникновения социологии образования, а в перспективе — и социологии высшего образования. Постепенно изучение образования становится особым направлением в социологии. Определяется его предметная зона, формулируются наиболее важные задачи и проблемы исследований.

Реально социологические исследования образования, молодежи и студенчества, подготовившие изучение высшего образования в нашей стране с 1960-х гг., были тесно связаны между собой. Впрочем, иную ситуацию трудно себе представить. Во-первых, образование было одной из основных форм деятельности молодежи и студентов, во-вторых, студенчество рассматривалось как передовая — в смысле образования — часть молодежи. В остальном передовой частью молодежи, носителем идеалов социализма и коммунизма официально считались рабочие в возрасте до 30 лет.

Это приводило к тому, что в рамках социологии молодежи изучались в первую очередь представители рабочего класса и крестьянства, студенты же «шли» вслед за ними. Тем более, что многие студенты были выходцами из рабочей и сельской молодежи, при поступлении в вузы им отдавалось предпочтение перед детьми представителей интеллигенции. Вузы должны были воспроизводить классовую структуру социалистического общества, в которой ведущую роль играли рабочий класс и колхозное крестьянство. Это было одно из основных требований КПСС, которое свято выполнялось в вузах, наряду с другим требованием — воспроизводством национально-этнической структуры советского общества.

В целом же для социологов исследования среди студентов были зачастую предпочтительнее исследований среди рабочей и сельской молодежи. На то были свои причины. Первая — авторами исследований являлись в основном преподаватели вузов, и студенты находились, что называется, «под руками», не нужно было затрачивать усилия на поиск респондентов. Вторая причина — студенты быстрее и лучше ориентировались в заполнении социологических анкет. Письменные опросы считались в тот период основным методом эмпирического исследования.

Первые центры исследований образования, высшего образования, студенчества, молодежи были созданы в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Свердловске, Ростове, Украине, Белоруссии, Эстонии, Грузии, других городах и республиках². В рамках первого периода формирования социологии высшего образования (1960-е — середина 1980-х гг.) возникают научные центры изучения образования, молодежи, студенчества в системе учреждений АН СССР (Москва, Ленинград, Новосибирск, Свердловск, Эсто-

² В Москве работали Э.А. Абгарян, Н.М. Блинов, В.Г. Васильев, Б.А. Грушин, Г.Т. Журавлев, И.М. Ильинский, А.С. Кулагин, В.Б. Ольшанский, Б.А. Ручкин, В.И. Чупров и др.; в Ленинграде — В.Н. Боряз, В.В. Водзинская, С.И. Голод, А.В. Дмитриев, А.Г. Здравомыслов, С.Н. Иконникова, И.С. Кон, В.Т. Лисовский, В.А. Ядов и др.; в Новосибирске — Д.Л. Константиновский, В.А. Устинов, Г.А. Чередниченко, В.Н. Шубкин и др.; в Свердловске и области — Ю.Е. Волков, Ю.Р. Вишневский, Г.Е. Зборовский, Л.Н. Коган, В.Г. Мордкович, Б.С. Павлов, Л.Я. Рубина, М.Н. Руткевич, Ф.Р. Филиппов и др.; на Украине — А.С. Капто, Е.А. Якуба и др.; в Ростове — Ю.С. Колесников, Б.Г. Рубин и др.; в Грузии — В.М. Квачахия и др.; в Эстонии — Э.А. Саар, М.Х. Титма и др.; в Литве — А.А. Матуленис и др.

ния, Украина, Белоруссия и др.). Так, в 1973 г. в Институте конкретных социальных исследований АН СССР была создана лаборатория по изучению социальных проблем студенческой молодежи. Параллельно (а иногда и раньше академических) создавались вузовские социологические лаборатории, изучавшие в числе других проблемы высшей школы. Конечно, это касается в первую очередь крупных учебных заведений, ведущих университетов страны (Московского, Ленинградского, Новосибирского, Киевского, Харьковского, Уральского и др.).

Второй период. Вторая половина 1980-х — 1990-е гг. знаменует собой период массовизации высшего образования и появления общественной потребности в его специальном социологическом исследовании. В ряду радикальных общественных трансформаций особое место занимают глубокие изменения в высшем образовании — демократизация высшей школы; введение выборности всех основных должностей, вплоть до ректоров вузов; появление негосударственного высшего образования; открытие целого ряда новых вузов и расширение приема в уже существующие. Таким образом, были созданы необходимые предпосылки для превращения высшего образования в массовый феномен и перехода к его всеобщей доступности.

Если в 1980-е гг. в вузы страны поступало 20% выпускников школ, то к концу 1990-х гг. — началу XXI в. эта цифра выросла в разы. Высшее образование стало превращаться в социальную норму. Тем более, что для этого не было никаких серьезных ограничений, а бурное развитие негосударственного образования с невысокими требованиями к поступлению и обучению в частных вузах только способствовало этому. Получение высшего образования перестало быть трудно решаемой проблемой. В жизненные планы многих молодых, и не только молодых, людей вошел вопрос о втором высшем образовании.

Наряду с позитивными аспектами развития высшего образования в конце прошлого столетия (1985–2000 гг.) имели место противоречия, трудности и проблемы в его функционировании. Главные были связаны с резко снизившимся финансированием вузов. В высшем образовании страны возникла весьма своеобразная и противоречивая ситуация. С одной стороны, существовала позитивная стратегия его развития на основе перехода к рыночным отношениям и демократизации внутривузовских процессов, с другой — государство оказалось не в состоянии обеспечить решение повседневных проблем жизни вузов. В 1990-е гг. началась активная «утечка мозгов» за рубеж, среди уезжающих было немало представителей вузовской науки, особенно талантливой молодежи. С сожалением следует отметить, что процесс этот продолжается и сейчас, спустя 30 лет.

В рамках рассматриваемого периода радикальные изменения произошли в социологическом образовании. Оно стало одним из новых видов высшего образования, за появление которого отечественные социологи боролись на протяжении последней трети XX в. Его значение для социологии высшей школы трудно переоценить. По существу, социологическое образование в вузах для этой отрасли социологической науки является базой ее существования и развития.

Описанные выше процессы не могли не привлечь внимания социологов, занимавшихся исследованиями образования вообще, высшего образования, в частности. Появляется несколько книг (монографий и учебных пособий) с одним и тем же названием — «Социология образования». Их авторы, наряду с исследованием самых разных проблем образования в целом, его конкретных видов и уровней, определенное внимание уделили анализу ситуации в отечественной высшей школе [6; 7; 9; 12].

В рамках второго периода отечественными социологами был написан ряд важных работ, посвященных, с одной стороны, вопросам непосредственно высшего образования, с другой — тесно связанным с ними проблемам молодежи, студенчества, общего, среднего профессионального образования [5; 8; 11; 13]. Внимание исследователей привлекли

функции института образования. Они были «расщеплены» на открытые (освоение знаний, навыков, социализация) и латентные (воспроизводство социального неравенства). Начался процесс институционализации социологии образования, который затем дал импульс (уже в рамках третьего периода) конституированию социологии высшего образования.

Значительную роль в формировании предпосылок социологии высшего образования в России в рассматриваемый период времени сыграл единственный в те годы социологический журнал «Социологические исследования». Наш подсчет показал, что в конце 1980-х-1990-е гг. в этом журнале было опубликовано более 40 статей по проблемам социологии высшего образования, написанных по материалам эмпирических исследований в вузах страны. Среди обсуждавшихся в журнале были проблемы вневузовской трудовой занятости студентов, развития негосударственного высшего образования, отношений между студентами и преподавателями, качества подготовки специалистов. Был проявлен интерес к рассмотрению взаимодействия социологии образования с другими отраслями социологии, прежде всего с социологией знания. Едва ли не впервые поднималась проблема самообразования и выявлялась его роль в развитии высшего образования. Обращалось внимание на его институциональные и системные характеристики.

Процессы демократизации высшей школы, с одной стороны, и интерес исследователей к развитию высшего образования и его изучению, с другой, позволили открывать новые лаборатории по анализу его проблем. В ряде вузов страны такие лаборатории успешно создавались в 1990-е гг.

Третий период. Третий период, характеризуемый нами как период развития социологии высшего образования, охватил первые два десятилетия XXI в. В его рамках происходит конституирование социологии высшего образования и превращение ее в самостоятельную отрасль социологической науки. Основой для этого процесса послужили глубокие трансформации отечественного высшего образования. Их главной особенностью стали противоречия, в условиях которых они осуществлялись. Рассмотрим некоторые из них, поскольку они так или иначе отразились на развитии социологии высшего образования.

Первое противоречие мы бы определили как несоответствие между быстрыми темпами преобразований в высшей школе и отставанием качества высшего образования от общественных потребностей в нем. Не случайно уже в «нулевые годы» повсеместно отмечалось низкое качество знаний студентов и их профессиональных умений и навыков. Особенно подчеркивали это обстоятельство работодатели, неудовлетворенные качеством подготовки выпускников вузов, приходивших к ним на работу.

Второе противоречие мы видим в отношениях между процессами быстрого роста количественных характеристик высшего образования в первое десятилетие XXI в. (значительным увеличением числа вузов и филиалов, их финансирования, численности студентов и преподавателей) и столь же быстрого их сворачивания после 2012-2013 гг., которое продолжается и сейчас. На то были как объективные (прежде всего демографические), так и в особенности субъективные причины. Последние оказались связаны с целым рядом решений властных структур о закрытии сотен вузов и их филиалов, уменьшении числа ставок профессорско-преподавательского персонала, снижении приема студентов (в основном за счет бюджетных мест), сокращении финансирования подавляющего большинства вузов. Для научного обоснования этих решений были созданы специальные концепции — «оптимизации» и «реструктуризации» высшего образования. Что касается идеологического обоснования указанных выше процессов, то в таком качестве выступила созданная в Минобрнауки РФ «теория» неэффективности деятельности вузов. Результатом ее практической реализации стало почти трехкратное сокращение численности вузов и филиалов. Мир высшего образования за свою историю еще не знал таких «кровавопролитных» акций, предпринимаемых в какой-либо конкретной стране.

Третье противоречие охватывает отношения между традициями отечественной высшей школы и навязываемыми ей западными моделями. Это противоречие проявилось в глубоких качественных переменах: перехода к выполнению норм и требований Болонских соглашений, коренного изменения принципов и правил приема в вузы в связи с переходом школ к системе ЕГЭ. Внутреннее неприятие в высшей школе навязанных ей новаций помешало реализации концепции модернизации высшего образования.

Четвертое противоречие касается отказа руководства вузов от соблюдения демократических норм и принципов управления 1990-х гг. и возобладания принципов авторитарного управления в XXI в., которое произошло вследствие значительного усиления вертикали власти и бюрократизации, а также неимоверного роста численности административно-управленческого персонала. В результате дистанцирование университетских менеджеров от научно-педагогического сообщества и студенчества резко усилилось и, по существу, способствовало разбалансировке всего механизма образовательных организаций.

С точки зрения социологии высшего образования пятое противоречие кроется в системе реально сложившегося деления вузов на три группы, между которыми существуют значительное неравенство. Мы назвали эти группы ядром, полупериферией и периферией [3]. Отношения между вузами, относящимися к названным группам, безусловно, представляют собой одно из серьезных противоречий, характеризующих отечественное высшее образование. Оно объективно и неизбежно, поскольку обусловлено разным местом, которое занимают вузы в системе высшего образования страны, и разной ролью, которую они играют в жизни общества, региона, города.

Зону ядра составляют примерно 50 университетов, которые занимают лидирующие места в национальных российских рейтингах. В эту зону входят два национальных университета (Московский государственный и Санкт-Петербургский государственный), некоторые федеральные, национальные исследовательские, опорные университеты, а также несколько вузов, не имеющих этих статусов и расположенных преимущественно в городах-миллионерах и очень крупных городах.

Вторая большая группа отечественных университетов, расположенная в зоне полупериферии, насчитывает порядка 250 учебных заведений. Большая часть этих университетов стремится приблизиться к ведущим вузам страны и, если не попасть в число федеральных и национальных исследовательских, то получить хотя бы статус опорных университетов. Наконец, есть около 300 вузов, которые мы относим к периферии высшего образования. Это самые проблемные вузы, которые в большинстве своем находятся в провинциальной России.

Классификация российских вузов и их структурирование по зонам ядра, полупериферии и периферии дает возможность выявить высокий уровень социального неравенства между вузами различных видов. Мы прогнозируем в ближайшее время его усиление вследствие имеющей место социально-образовательной политики руководства высшей школой.

Массовизация и широкая доступность высшего образования в России привела, по существу, к его превращению во всеобщее или близкое к нему образование. По мнению исследователей, «спрос на высшее образование в России на протяжении последних лет находится на довольно высоком уровне — в среднем более 80% выпускников школ поступают в вузы страны. Фактически наличие высшего образования в России стало социальной нормой» [10, с. 45].

Одновременно массовизация высшего образования привела к появлению феномена образовательной неуспешности студентов и росту его масштабов. Социологические исследования показывают, что 4/5 «неуспешных» выпускников школы, обладающих возможностью получать сегодня высшее образование, представляют для общества и его высшей

школы весьма непростую проблему. Не имея необходимой мотивации и соответствующей профессиональной ориентации на конкретный вуз, они, тем не менее, «проникают» в него, несмотря на повышение проходного балла ЕГЭ. Это приводит к снижению качества абитуриентов и в целом высшего образования. Удельный вес слабо успевающих и немотивированных на учебу в вузе студентов растет, что усугубляет ситуацию в высшей школе. Их человеческий капитал, характеризуемый низким уровнем знаний, навыков, умений, компетенций, слабой достижительной мотивацией, конвертируется не только в плохо подготовленных бакалавров, не устраивающих в своем большинстве работодателей, но и во многом в неуспешных людей.

Из сказанного о противоречиях в высшем образовании нашей страны следует, что их обострение вызвано неудачами его реформирования. К этому следует добавить зафиксированную в ряде социологических исследований (в том числе и наших) неудовлетворенность многих социальных общностей и групп состоянием высшего образования. Это заставляет задуматься над поиском новых теоретических подходов к исследованию высшего образования, в том числе таких, которые позволили бы включить процессы, в нем происходящие, в более широкий, нежели оно само, социальный контекст. Появляется ряд новых проблем высшей школы, требующих дисциплинарных и междисциплинарных теорий и исследований. Как реакция на этот процесс и необходимость его изучения развивается социология высшего образования.

Конституирование социологии высшего образования

На развитие социологии высшего образования оказывают глубокое влияние процессы ее глобализации. За рубежом в последние два десятилетия социология высшего образования развивается как в рамках крупных научных комплексов по исследованию образования в целом, так и в отдельных научно-исследовательских учреждениях и организациях, университетах, центрах по изучению общественного мнения. Большое количество структур такого рода лишний раз свидетельствует об успешности процесса конституирования социологии высшего образования. На заседаниях исследовательских комитетов по социологии образования, проводившихся в рамках последних всемирных социологических конгрессов и европейских конференций, количество докладов по проблемам высшего образования не уступало числу выступлений по иным проблемам образования.

Значительный интерес к этой проблематике характерен и для отечественных научных форумов. В стране не проходит ни одного социологического конгресса, ни одной крупной многотемной социологической конференции (даже если она не посвящена непосредственно проблемам образования), чтобы на них не уделялось большого внимания социологии высшего образования. Как правило, проводятся специальные сессии, секции, круглые столы по проблемам этой отрасли социологического знания. Сказанное касается и региональных конференций социологов.

Как результат возросшего интереса к проблемам высшей школы в отечественной науке и влияния зарубежных работ в России проводятся масштабные исследования высшего образования и в центре в целом, и в отдельных регионах. Появляется практика его международных сравнительных исследований. Изучается зарубежный опыт развития высшего образования. На русский язык переводятся работы крупных зарубежных ученых по его проблематике. В монографиях и статьях рассматриваются отечественные концепции высшего образования. Под эгидой НИУ ВШЭ создается Российская ассоциация исследователей высшего образования (РАИВО), проводятся международные конференции по проблемам его развития. В научно-исследовательских институтах и крупных университетах возникают центры, отделы, сектора, лаборатории социологических и междисциплинарных исследований высшего образования.

В последние годы работа социологов сосредоточивается на двух узловых проблемах. Во-первых, это изучение отношения к высшему образованию многих социальных групп общества, проявляющих – по разным причинам – интерес к нему. Во-вторых, выявление отношений внутри университетов между образовательными и иными общностями, складывающихся вокруг учебного процесса, научных изысканий, управления, взаимодействий с окружающим сообществом. Исследования названных проблем и составляют ядро эмпирической базы социологии высшего образования.

В современной России работы по изучению высшего образования наиболее активно осуществляются в структурах Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, в ряде вузов³, организациях, изучающих общественное мнение⁴. Из научных учреждений РАН выделим Институт социологии и деятельность в его структуре Центра социологии образования, науки и культуры, из университетов – НИУ ВШЭ и работу в нем Центра социологии высшего образования и Института образования.

Успешная работа центров социологических и междисциплинарных исследований высшего образования в крупных университетах и институтах РАН отражает тенденцию роста внимания к высшему образованию как области не только дисциплинарных, но и междисциплинарных интересов, где социология занимает определенную нишу. Развиваются ключевые направления социологических и сопряженных с ними философских, педагогических, психологических, экономических, управленческих исследований высшего образования⁵. Многие авторы работают в смежных с социологией, в том числе социологией высшего образования, отраслях научного знания. Сложившаяся ситуация способствует проведению междисциплинарных исследований высшей школы.

По основным количественным показателям научного развития (исследования, публикации, конференции, монографии, журналы, диссертации, численность занятых в этой сфере научной деятельности, связи со смежными отраслями научного знания и т. д.) социология высшего образования переживает настоящий бум.

Большую роль в становлении и развитии социологии высшего образования играют научные журналы «Социс», «Социологический журнал», «Вопросы образования», «Мир России», «Высшее образование в России», «Высшее образование сегодня», «Alma Mater», «Образование и наука», «Интеграция образования», «Университетское управление: практика и анализ», которые регулярно публикуют чисто социологические работы (или статьи, написанные на «стыке» с социологией), посвященные самым широким и разнообразным проблемам высшего образования. Часто можно увидеть статьи по социологии высшего образования в журналах по психологии, педагогике, экономике, управлению и организации. Регулярно публикуют материалы по названной выше проблематике университетские журналы гуманитарного и социального профиля («Известия», «Вестники»), издающихся во многих вузах страны.

3 НИУ Высшая школа экономики, МГУ, СПбГУ, РГПУ им. Герцена, РАНХиГС, Уральский, Сибирский, Приволжский, Томский, Новосибирский, Тюменский, Волгоградский, Новгородский, Саранский университеты.

4 Левада-Центр, ВЦИОМ, ФОМ.

5 Они представлены работами таких ученых, как: Р.Н. Абрамов, П.А. Амбарова, А.А. Андреев, А.Ю. Андреев, А.Л. Арефьев, Е.В. Балацкий, Л.Н. Банникова, Е.С. Барзгова, Б.И. Бедный, В.Л. Бенин, А.Т. Бикбов, И.С. Болотин, М.А. Буданова, Ю.Р. Вишневский, В.В. Вольчик, В.В. Гаврилюк, М.К. Горшков, А.О. Грудзинский, В.И. Добренчиков, Е.Н. Заборова, В.П. Засыпкин, Г.Е. Зборовский, Ю.А. Зубок, А.Г. Кислов, А.К. Ключев, Г.А. Ключарев, Т.Л. Клячко, А.А. Козлов, Д.Л. Константиновский, Л.Ф. Красинская, О.К. Крокинская, Я.И. Кузьминов, М.В. Курбатова, Н.С. Ладыжец, Ю.В. Латов, Н.В. Латова, Р.В. Ленков, Вал.А. Луков, Н.Г. Малошонов, В.А. Мансуров, Н.А. Матвеева, А.В. Меренков, А.Ю. Мягков, А.А. Овсянников, А.М. Осипов, Г.В. Осипов, Н.Е. Покровский, Е.В. Прямова, С.Д. Резник, Л.Я. Рубина, Г.И. Саганенко, М.Б. Сапунов, Г.Г. Силласте, Н.Г. Скворцов, Е.Э. Смирнова, А.Ю. Смоленцева, В.С. Собкин, М.М. Соколов, Н.Д. Сорокина, В.Н. Стегний, Ж.Т. Тощенко, Х.Г. Тхагапсоев, И.М. Фадеева, И.Д. Фрумин, Г.А. Чередниченко, И.С. Чириков, С.А. Шаронова, Г.Ф. Шафранов-Куцев, Ф.Э. Шерги, Е.А. Шуклина, М.М. Юдкевич и др.

ВЫВОДЫ. Завершая статью, отметим проблемы социологии высшего образования, которые привлекают наибольший интерес. Выделим среди них две группы – связанных с сегодняшним положением дел и перспективами развития социологии высшего образования.

Говоря о первых, следует назвать проблемы социального и образовательного неравенства в высшем образовании, образовательной и социальной (не)успешности студенчества, академических аномалий, связанных с девиантным поведением (включая академическое мошенничество), образовательных и профессиональных траекторий студентов, бюрократизации в высшей школе, доверия в высшем образовании, справедливой образовательной политики в вузах, реальной поддержки студенчества и научно-педагогического сообщества и др.

Характеризуя социологические проблемы, касающиеся перспектив высшего образования и его исследования, мы бы отметили две из них. Первая касается растущей включенности российского высшего образования в мировые образовательные процессы, стремления российских вузов быть конкурентоспособными, попасть в ведущие группы университетов (по разным рейтингам), занять достойное место в международном образовательном пространстве (не забывая о необходимости решения высшей школой ее национальных задач). Вторая проблема связана с первой и может быть определена как глобальные перспективы высшего образования, вытекающие отсюда глобальные и национальные последствия его изменений, включая интернационализацию высшей школы. Большую роль в решении этой задачи играет социологическое обеспечение программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» и исследование ее проблем.

Еще одна проблема высшего образования, требующая социологического исследования, – академические права и свободы в российских университетах в условиях внедрения менеджериалистской парадигмы управления. Она также имеет широкий международный и, более того, глобальный характер. По нашему мнению, она тесно связана с существующими системами управления и власти – не только вузовской, но и государственной и политической. Это, безусловно, проблема социологии высшего образования.

В силу ряда причин, связанных, в первую очередь, с авторитарными проявлениями в жизни общества, науки, образования в целом, высшего образования в особенности, проблема академических прав и свобод «не в чести». Но это не значит, что ее нет. Сегодня эти права и свободы существенно ущемлены в силу того, что все решения принимаются «наверху», без участия рядовых представителей академического сообщества, а партиципативность управления рассматривается не более чем как научная проблема.

Мы назвали только некоторые из ряда проблем социологии высшего образования, те, которые вытекают из видения особенностей современной высшей школы в ее национальном и международном аспектах. Все они являются предметом рассмотрения в социологической литературе и требуют дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зборовский Г.Е. Общая социология. М.: Гардарики, 2004. 592 с.
2. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Социология высшего образования. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. 539 с.
3. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Университеты, которые могут изменить себя и макрорегион // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 16. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 373–392.
4. Константиновский Д.Л., Хохлушкина Ф.А. Формирование социального поведения молодежи в сфере образования // Социологический журнал. 1998. № 3–4. С. 22–42.
5. Кораблева Г.Б. Профессия и образование: социологический аспект связи. Екатеринбург: УрГППУ, 1999. 284 с.

6. Нечаев В.Я. Социология образования. М.: МГУ, 1992. 198 с.
7. Осипов А.М. Общество и образование. Лекции по социологии образования. Новгород: НовГУ, 1998. 204 с.
8. Титма М.Х., Саар Э.А. Молодое поколение. М.: Мысль, 1986. 254 с.
9. Филиппов Ф.Р. Социология образования. М.: Наука, 1980. 145 с.
10. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития. Краткая версия доклада / Отв. ред. Я.И. Кузьминов, Л.Н. Овчарова, Л.И. Якобсон. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 76 с.
11. Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь (социологическое исследование проблем выбора профессии и трудоустройства). М.: Мысль, 1985. 240 с.
12. Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: прикладной аспект. М.: Юрист, 1997. 300 с.
13. Шуклина Е.А. Социология самообразования: предпосылки, методология, методика. Екатеринбург: УрГППУ, 1999. 214 с.

REFERENCES

1. Zborovsky G.E. *Obshchaya sociologiya* [General sociology]. M.: Gardariki, 2004. 592 s. (In Russian).
2. Zborovsky G.E., Ambarova P.A. *Sociologiya vysshego obrazovaniya* [Sociology of Higher Education]. Ekaterinburg: Gumanitarnyy universitet, 2019. 539 s. (In Russian).
3. Zborovsky G.E., Ambarova P.A. *Universitety, kotorye mogut izmenit' sebya i makroregion* [Universities that can change themselves and the macroregion] // Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik. Vyp. 16. M.: Novyy Hronograf, 2018. S. 373–392. (In Russian).
4. Konstantinovskiy D.L., Khokhlushkina F.A. *Formirovaniye social'nogo povedeniya molodezhi v sfere obrazovaniya* [Formation of social behavior of youth in the field of education] // Sociologicheskij zhurnal. 1998. № 3–4. S. 22–42. (In Russian).
5. Korableva G.B. *Professiya i obrazovanie: sociologicheskij aspekt svyazi* [Profession and education: the sociological aspect of communication]. Ekaterinburg: UrGPPU, 1999. 284 s. (In Russian).
6. Nechaev V.Ya. *Sociologiya obrazovaniya* [Sociology of education]. M.: MGU, 1992. 198 s. (In Russian).
7. Osipov A.M. *Obshchestvo i obrazovanie. Lekcii po sociologii obrazovaniya* [Society and education. Lectures on the sociology of education]. Novgorod: NovGU, 1998. 204 s. (In Russian).
8. Titma M.H., Saar E.A. *Molodoe pokolenie* [The young generation]. M.: Mysl', 1986. 254 s. (In Russian).
9. Filippov F.R. *Sociologiya obrazovaniya* [Sociology of education]. M.: Nauka, 1980. 145 s. (In Russian).
10. *Chelovecheskiy kapital kak faktor social'no-ekonomicheskogo razvitiya. Kratkaya versiya doklada* [Human capital as a factor of socio-economic development. Short version of the report] / Otв. red. Ya.I. Kuzminov, L.N. Ovcharova, L.I. Yakobson. M.: Izdatel'skiy dom Vysshaya shkola ekonomiki, 2016. 76 s. (In Russian).
11. Cherednichenko G.A., Shubkin V.N. *Molodezh' vstupaet v zhizn' (sociologicheskoe issledovanie problem vybora professii i trudoustrojstva)* [Youth enters life (a sociological study of the problems of choosing a profession and employment)]. M.: Mysl, 1985. 240 s. (In Russian).
12. Sheregi F.E., Kharcheva V.G., Serikov V.V. *Sociologiya obrazovaniya: prikladnoy aspekt* [Sociology of education: an applied aspect]. M.: Yurist, 1997. 300 s. (In Russian).
13. Shuklina E.A. *Sociologiya samoobrazovaniya: predposylki, metodologiya, metodika* [Sociology of self-education: prerequisites, methodology, methodology]. Ekaterinburg: UrGPPU, 1999. 214 s. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.005

УДК 37.015.4: 378.147

ББК 60.561.9+74.489.00

Д.И. БОГДАН,
О.В. ВЛАСОВА**ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА
В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ
КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ ПИЛОТАЖНОГО
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)**D.I. BOGDAN,
O.V. VLASOVA**EDUCATIONAL WORK
IN A PEDAGOGICAL UNIVERSITY
AS A CONDITION FOR ENSURING
THE QUALITY OF HIGHER EDUCATION
(BASED ON THE MATERIALS
OF A PILOT SOCIOLOGICAL STUDY)**

В статье рассматриваются вопросы формирования компетенций обучающихся педагогического вуза в процессе организации воспитательной работы. Представлены результаты пилотажного социологического исследования, проведенного в БУ «Сургутский государственный педагогический университет». Показано, что включенность обучающихся в практики воспитательной работы педагогического вуза способствует формированию их универсальных компетенций.

The article deals with the issues of the formation of competencies of students of a pedagogical university in the process of organizing educational work. The results of a pilot sociological study conducted at the Surgut State Pedagogical University are presented. It is shown that the involvement of students in the practice of educational work of a pedagogical university contributes to the formation of universal competencies of students.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: высшее образование, качество высшего образования, воспитательная работа.

KEY WORDS: higher education, quality of higher education, subjects of the educational work.

ВВЕДЕНИЕ. В современном мире образование является неотъемлемой частью жизни общества. Оно представляет собой процесс и результат освоения систематизированных знаний, умений и навыков, необходимое условие подготовки человека к определенным социальным ролям.

Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», образование — это «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребно-

стей и интересов»¹. В 2020 в этот закон были внесены изменения в части воспитания обучающихся. Согласно им, воспитание — это «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде»².

Важнейшее значение для освоения профессиональных статусов и ролей имеет высшее образование, которое обеспечивает формирование универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Согласно вышеупомянутому закону об образовании в РФ, высшее образование «имеет целью обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации»³. Реализация этой цели осуществляется как в рамках учебного плана подготовки, так и с помощью воспитательной среды вуза и внеучебной деятельности студентов.

Определение воспитательной работы дается в Примерной рабочей программе воспитания в образовательной организации высшего образования, разработанной Минобрнауки РФ. «Воспитательная работа — это деятельность, направленная на организацию воспитывающей среды и управление разными видами деятельности воспитанников с целью создания условий для их приобщения к социокультурным и духовно-нравственным ценностям народов Российской Федерации, полноценного развития, саморазвития и самореализации личности при активном участии самих обучающихся» [9, с. 4]. Включение воспитательной работы в образовательную программу как обязательного компонента вносит изменения в деятельность вузов и педагогов.

ЦЕЛЬЮ СТАТЬИ является анализ оценок роли воспитательной работы в формировании компетенций обучающихся (на материалах пилотажного социологического исследования, проведенного в БУ «Сургутский государственный педагогический университет»).

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Вопросы организации воспитательной работы в вузе являются актуальным полем отечественных научных гуманитарных исследований. Ряд исследований посвящен роли воспитательной работы в формировании компетенций и подготовке специалистов [1–8]. Наряду с изучением дисциплин и прохождением практик, она может являться эффективным инструментом в подготовке квалифицированного специалиста и повышения качества высшего образования.

Каждый вуз стремится создать такую систему воспитания, которая, с одной стороны, содержала бы многолетний опыт самого вуза, и, с другой, была гибкой к изменяющимся требованиям законодательства в области образования. В Сургутском государственном педагогическом университете она является одним из приоритетных направлений работы вуза, основывается на требованиях федерального законодательства в области образования и реализуется на основе разработанной и утвержденной в 2021 году Рабочей программы

1 Федеральный закон N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012.

2 Федеральный закон № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» от 31.07.2020 г.

3 Федеральный закон N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012.

воспитания и календарного плана, как на уровне всего вуза, так и в рамках каждой образовательной программы.

Цель воспитательной работы в Сургутском государственном педагогическом университете — создание условий для активной жизнедеятельности обучающихся, их гражданского самоопределения, профессионального становления и индивидуально-личностной самореализации в созидательной деятельности через удовлетворение потребностей в нравственном, культурном, интеллектуальном, социальном и профессиональном развитии, а воспитательная среда вуза обеспечивает, в том числе, и формирование развитие универсальных, общепрофессиональных, профессиональных компетенций [10, с. 6–7].

Воспитательная среда вуза построена на ценностях, нравственных ориентирах, принятых студенческо-преподавательским сообществом; пронизана сложившимися традициями и смелыми образовательными инновациями; активным диалогом студентов и преподавателей, студентов друг с другом.

Она включает в себя компоненты учебного процесса, студенческое самоуправление, внеучебную воспитательную работу, внеучебную научно-исследовательскую деятельность; систему жизнедеятельности обучающихся в Университете в целом (социальную инфраструктуру); внутривузовское информационное пространство; взаимодействие с социальными партнерами по вопросам реализации образовательной и государственной молодежной политики [10, с. 8].

Воспитательная среда БУ «Сургутский государственный педагогический университет» обеспечивает:

- формирование и развитие универсальных, общепрофессиональных, профессиональных компетенций;
- реализацию актуальных практик наставничества;
- разработку и реализацию проектов по различным направлениям воспитательной деятельности;
- развитие студенческого самоуправления;
- овладение методикой воспитательной деятельности не только через учебные курсы, разные виды практик, но и через участие в создании воспитательной среды вуза, организации коллективной жизнедеятельности вузовского сообщества, подготовке и проведении студенческих дел, разработке и реализации различных проектов» [10, с. 8].

Исходя из той роли, что отводится воспитательной работе на законодательном уровне и уровне самой образовательной организации, нами была поставлена цель определить возможности воспитательной среды в формировании компетенций обучающихся в представлениях самих обучающихся и педагогов.

Эмпирическая база исследования. Для реализации этой цели весной 2021 года в БУ «Сургутский государственный педагогический университет» было проведено пилотажное исследование среди обучающихся первого и выпускного курсов, трудоустроенных выпускников (за последние 3 года) и педагогических работников. Эти категории были выбраны исходя из наличия опыта проведения мероприятий воспитательного характера, а также опыта участия в них, способности к рефлексии. Так у студентов первого курса, проучившихся один семестр, только начинают формироваться компетенции (в большей степени универсальные, так как это запланировано графиком учебного процесса). Обучающиеся выпускных курсов, которые практически завершили обучение и готовы приступить к профессиональной деятельности. Трудоустроенные выпускники могут оценить роль воспитательной работы в формировании компетенций сквозь призму своего опыта, а преподаватели являются непосредственными организаторами и руководителями воспитательных мероприятий. Объем выборки составил 220 человек.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Для реализации цели исследования необходимо было оценить значимость воспитательной деятельности в вузе для развития компетенций обучающихся (таблица 1). В ходе опроса было выявлено, что большинство респондентов считают, что воспитательная деятельность в вузе важна для развития компетенций.

Таблица 1. **Ответы респондентов на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением «Воспитательная деятельность в вузе важна для развития универсальных и профессиональных компетенций»»**

Варианты ответов	Обучающиеся 1 курса	Обучающиеся выпускного курса	Трудоустроенные выпускники	Педагогические работники
Да	81,1	73,3	70,0	76,6
Нет	5,7	10,0	11,7	19,1
Затрудняюсь ответить	13,2	16,7	18,3	4,3
Итого	100	100	100	100

Однако при ответе на вопрос о влиянии на качество образования воспитательных мероприятий менее 50% опрошенных в каждой категории считают, что она имеет положительное влияние, и около 30% говорят о незначительном положительном влиянии, и в среднем 15% говорят об отсутствии какого-либо воздействия (таблица 2). Обращаясь к ответам на открытый вопрос о роли воспитательной работы, респонденты из числа обучающихся отмечали (11%), что большинство мероприятий воспитательного характера не имеют профессиональной направленности, поэтому считают их неважными для получения качественного образования.

Таблица 2. **Ответы респондентов на вопрос «На Ваш взгляд, наличие воспитательных мероприятий в вузе влияют на качество получаемого образования?»**

Варианты ответов	Обучающиеся 1 курса	Обучающиеся выпускного курса	Трудоустроенные выпускники	Педагогические работники
Да, есть положительное влияние	47,2	33,3	35,0	53,2
Да, есть незначительное положительное влияние	28,3	38,3	43,3	21,3
Да, есть незначительное отрицательное влияние	5,7	5,0	1,7	4,3
Да, есть отрицательное влияние	0,0	1,7	1,7	4,3
Нет никакого влияния	15,1	16,7	13,3	10,6
Затрудняюсь ответить	3,8	5,0	5,0	6,4
Итого	100	100	100	100

Также респондентам предлагалось определить направленность воспитательных мероприятий при формировании компетенций (таблица 3). Так, большинство опрошенных (от 77,4% студентов первого курса до 91,5% педагогических работников) уверены, что мероприятия воспитательного характера способствуют формированию и развитию именно общекультурных компетенций. Но доля тех, кто считает, что они могут формировать профессиональные компетенции, снижается у обучающихся и выпускников — от 71,7% до 33,8%.

Это может быть связано с рядом причин. Во-первых, количество внеаудиторных мероприятий (встречи с кураторами, игры на сплочение, тренинги) для студентов первого курса больше, чем для студентов-выпускников, что связано с периодом адаптации к процессу обучения в вузе.

Во-вторых, само участие в подобной деятельности отнимает большое количество времени, а существующая практика подработки и работы на старших курсах не дает возможности участия обучающимся в мероприятиях воспитательного характера.

Таблица 3. Ответы респондентов на вопрос «На ваш взгляд, мероприятия воспитательного характера» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Обучающиеся 1 курса	Обучающиеся выпускного курса	Трудоустроенные выпускники	Педагогические работники
Способствуют формированию и развитию профессиональных навыков	71,7	38,3	33,8	38,3
Способствуют формированию и развитию универсальных навыков	77,4	81,7	81,7	91,5
Отвлекают от формирования и развития профессиональных навыков	11,3	23,3	13,3	12,8
Отвлекают от формирования и развития универсальных навыков	3,8	3,3	0,0	4,3
Препятствуют формированию и развитию профессиональных навыков	1,9	5,0	3,3	2,1
Препятствуют формированию и развитию универсальных навыков	3,8	0,0	0,0	0,0

В рамках исследования респонденты указали, какие воспитательные мероприятия, на их взгляд, являются наиболее эффективными с точки зрения получения качественного образования. Первокурсники выражают заинтересованность в занятиях со старшими курсами, т.к. они зачастую являются для них примером, а также в психологических тренингах, которые способствуют сплочению группы и формируют умение работы в конфликтных ситуациях. Студенты выпускных курсов, сами выпускники и преподаватели в большинстве выражали единое мнение о необходимости участия студентов в мероприятиях профессиональной направленности — конкурсах профессионального мастерства, педагогических и вожатских классах и волонтерских проектах. Как отмечают трудоустроенные выпускники, опыт участия в воспитательной деятельности помог им адаптироваться к новой рабочей обстановке и войти в коллектив. Немаловажным аспектом также является проведение мастер-классов по формированию грамотной речи, работе в команде, приобретение опыта публичных выступлений.

ВЫВОДЫ. Результаты пилотажного социологического исследования, проведенного в Сургутском государственном педагогическом университете, подтверждают значимость и необходимость воспитательной работы в формировании компетенций обучающихся. Воспитательная работа в вузе в полной мере может способствовать формированию компетенций обучающихся. По мнению обучающихся и педагогов БУ «Сургутский государственный педагогический университет», она в большей степени направлена на формирование универсальных компетенций — способности к системному и критическому мышлению, работе в команде, коммуникации, самоорганизация и саморазвитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габинская О.С., Дмитриева Н.В., Матвиенко В.А. Формирование универсальных компетенций обучающихся на основе концепции воспитательной работы в вузе // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 2(38). С. 24–29.
2. Дмитриева Е.Ю., Полуянова Л.А. Возможности открытого пространства воспитательной системы вуза в формировании профессионального самоопределения студентов // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4(21). С. 305–308.
3. Зайцева М.А., Энзельдт Н.В. Формирование универсальных компетенций студентов в процессе воспитательной деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 156–166.
4. Залюбовская Е.Г. Внеаудиторная воспитательная работа в вузе как средство формирования профессиональной компетентности специалиста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 94. С. 91–99.
5. Куликова С.В., Мальчуков Н.Н., Шемякина И.Е. Воспитательная работа вуза в современной образовательной системе // Мир науки. 2018. Т. 6. № 5. С. 29.
6. Кульчиева Э.Г., Батыров А.Е. Система воспитательной работы в современном вузе // Высшее образование в России. 2015. № 10. С. 121–126.
7. Наливайко Т.Е., Шинкору М.В. Универсальные компетенции студентов вуза в фокусе воспитательной работы // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2021. № 2(50). С. 65–71.
8. Попов А.И. Механизм включения воспитательного компонента в профессиональные образовательные программы // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 1(19). С. 75–92.
9. Примерная рабочая программа воспитания в образовательной организации высшего образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/04/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%87%D0%B0%D1%8F%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%20%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%B2%20%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%B2%D1%8B%D1%81... pdf> (дата обращения 28.03.2022).
10. Рабочая программа воспитания БУ «Сургутский государственный педагогический университет». URL: <http://www.surgpu.ru/media/uploads/2021/09/06/1908.pdf> (дата обращения 28.03.2022).

REFERENCES

1. Gabinskaja O.S., Dmitrieva N.V., Matvienko V.A. *Formirovanie universal'nyh kompetencij obuchajushhihsja na osnove koncepcii vospitatel'noj raboty v vuze* [Formation of universal competences of students based on the concept of educational work in higher education] // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. 2020. № 2(38). S. 24–29. (In Russian).
2. Dmitrieva E. Ju., Polujanova L.A. *Vozmozhnosti otkrytogo prostranstva vospitatel'noj sistemy vuza v formirovanii professional'nogo samoopredelenija studentov* [The opportunities of open sphere of university educational system in the formation of students' professional self-determination] // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2017. T. 6. № 4(21). S. 305–308. (In Russian).
3. Zajceva M.A., Jenzel'dt N.V. *Formirovanie universal'nyh kompetencij studentov v processe vospitatel'noj dejatel'nosti* [Formation of Students' Universal Competences in the Course of Educational Activity] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2018. № 5. S. 156–166. (In Russian).
4. Zaljubovskaja E.G. *Vneauditornaja vospitatel'naja rabota v vuze kak sredstvo formirovanija professional'noj kompetentnosti specialista* [Extracurricular activity in an institution of higher education as a means to form professional competence of a specialist] // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009. № 94. S. 91–99. (In Russian).

5. Kulikova S. V., Mal'chukova, N. N., Shemjakina I. E. *Vospitatel'naja rabota vuza v sovremennoj obrazovatel'noj sisteme* [Educational work of the university in modern educational system] // Mir nauki. 2018. T. 6. № 5. S. 29. (In Russian).
6. Kul'chieva Je. G., Batyrov A. E. *Sistema vospitatel'noj raboty v sovremennom vuze* [Pedagogic work system in a modern university] // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2015. № 10. S. 121–126. (In Russian).
7. Nalivajko T. E., Shinkoruk M. V. Universal'nye kompetencii studentov vuza v fokuse vospitatel'noj raboty [Universal competences of university students in the focus of educational work] // Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 2021. № 2(50). S. 65–71. (In Russian).
8. Popov A. I. *Mehanizm vključenija vospitatel'nogo komponenta v professional'nye obrazovatel'nye programmy* [The mechanism of inclusion of the educational component in professional educational programs] // Social'naja kompetentnost'. 2021. T. 6. № 1(19). S. 75–92. (In Russian).
9. *Primernaja rabochaja programma vospitanija v obrazovatel'noj organizacii vysshego obrazovanija* [An approximate work program of education in an educational organization of higher education]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/04/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%87%D0%B0%D1%8F%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%20%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%B2%20%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%B2%D1%8B%D1%81... pdf> (accessed date: 28.03.2022). (In Russian).
10. *Rabochaja programma vospitanija BU «Surgutskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet»* [The working program of education of the Surgut State Pedagogical University]. URL: <http://www.surgpu.ru/media/uploads/2021/09/06/1908.pdf> (accessed date: 28.03.2022). (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.001

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.542.15

М.В. ВЕНИЧЕНКО,
С.А. МАКУШКИН**ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ ПОКОЛЕНИЯ Z
К ОЦЕНКЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ
ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВА**M.V. VINICHENKO,
S.A. MAKUSHKIN**THE ATTITUDE OF THE Z-GENERATION
STUDENTS TO THE ARTIFICIAL
INTELLIGENCE'S ASSESSMENT
OF HISTORIC EVENTS IN CONDITIONS
OF DIGITALIZATION OF SOCIETY**

В статье рассматривалось отношение студентов поколения Z российских вузов к оценке исторических событий искусственным интеллектом в условиях цифровизации общества. Базовыми эмпирическими методами исследования были социологический опрос и фокус группа, проводившиеся в условиях пандемии COVID 19 дистанционно с использованием ресурсов онлайн сервиса Google Форма и облачной конференц-платформы Zoom. В ходе исследования установлено, что отношение поколения Z к искусственному интеллекту в условиях цифровизации общества носит неоднозначный, противоречивый характер, что сказывается на степени доверия в оценке исторических событий. Студенты GenZ меньше опасаются ИИ в повседневной жизни, нежели в доведении исторической информации и ее оценке. Характерным оказалась устойчивость позиции студентов поколения Z к оценке исторических событий искусственным интеллектом при слабом влиянии внешних агрессивных факторов, включая пандемийные ограничения.

The article examined the attitude of students of generation Z of Russian universities to the assessment of historic events by artificial intelligence in the context of the digitalization of society. The basic empirical research methods were a sociological survey and a focus group conducted remotely during the COVID 19 pandemic using the resources of the Google Form online service and the Zoom cloud conference platform. The study found that the attitude of generation Z to artificial intelligence in the context of the digitalization of society is ambiguous, contradictory, which affects the degree of the trust in the assessment of historic events. Z-generation students are less afraid of AI in everyday life than in communicating historic information and evaluating it. The characteristic was the stability of the position of students of generation Z to the assessment of historic events by artificial intelligence with a weak influence of external aggressive factors, including pandemic restrictions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исторические события, студенты поколения Z, искусственный интеллект, цифровизация

KEY WORDS: historic events, Z-generation students, artificial intelligence, digitalization

ВВЕДЕНИЕ. Современная борьба на информационном поле ведется, прежде всего, за молодежь. От того, какая информация поколением Z будет восприниматься как истинная, будет зависеть вектор развития общества. Продвижение GenZ по образовательной среде с выходом на рынок труда происходит практически синхронно с цифровизацией

общества, внедрением ИИ в социально-экономическую среду. Будущее цивилизации напрямую связывается с тем, как будет подготовлено GenZ, насколько хорошо оно адаптируется к инновациям, сможет взаимодействовать и доверять ИИ. В результате, все четче проявляется проблема оценки исторических событий различными поколениями, особенно поколением Z. Проблема заключается в несоответствии высокой динамики цифровизации общества, использования искусственного интеллекта в оценке исторических событий, с одной стороны, и одновременным наполнением информационного пространства ложной (фейковой) информацией, которую сложно отделить от достоверной, с другой стороны. В данном случае важно понять, насколько поколение Z способно в мощном информационном потоке с опорой на искусственный интеллект отделить правдивую историческую информацию от ложной.

В соответствии с теорией поколений, GenZ имеет существенные отличия от предыдущих поколений [8]. Эту теорию постоянно пытаются адаптировать в различных странах на протяжении длительного времени. Ввиду неравномерности развития общества происходит некоторый разрыв в определении сроков идентификации той или иной возрастной социальной группы. В Европе чаще к поколению Z относят молодежь, родившуюся после 1995 года, в России — после 2000 года [10; 94].

Поколение Z, его участие в социально-экономическом развитии общества, отношение к цифровизации общества, внедрение искусственного интеллекта привлекало внимание различных отечественных и зарубежных ученых. Важнейшим аспектом в их исследованиях является формирование взглядов молодежи GenZ на историческое развитие страны, национальные особенности, начиная с школы. Современный вектор модернизации российской школы актуализирует поиск новых инструментов и технологий обучения, которые бы обеспечивали рост компетенций GenZ в условиях цифровизации [4; 1121]. В ходе обучения, работы с исторической информацией педагоги ищут наиболее подходящие образовательные технологии [7; 9–10]. Активно используются игровые методы на всех этапах обучения, как в школе, так и в вузах [3; 109], применяются цифровые формы [2; 590–592], в различных вариантах используется ИИ [9; 171]. В распоряжении преподавателей поступают виртуальные и облачные технологии, внедряются инновации в образовательный процесс [11]. Цифровизация и ИИ оказывают существенное влияние на развитие человеческого потенциала во всех видах его проявления [13]. Важно, чтобы студенты поколения Z были готовы принять вызовы цифровой эпохи, умело использовать ИИ в интересах сохранения ценностных ориентиров, развития экономики, общества в целом. На проблемы цифровой экономики накладываются экономические кризисы, этнические проблемы.

Для молодых людей, родившихся в эпоху виртуальной реальности, характерна существенная трансформация их ценностей, образа жизни и навыков. Цифровизация является одним из наиболее значимых факторов, характеризующих процесс восприятия исторической информации.

Доверие к исторической информации формируется на основе социального опыта молодежи, специфики взаимодействия в малых группах, характеристиках собственной идентичности. Развитие доверия является важнейшим фактором повышения качества образовательного процесса, укрепляет когнитивные установки учащихся, формирует организационное сотрудничество. Информацию о современных событиях и исторических фактах молодежь получает из интернета, социальных сетей, YouTube [1; 295]. Важна скорость получения и качество восприятия цифровой информации.

Одновременно молодежь видит определенные риски, которые исходят от цифровизации общества и образования, использования искусственного интеллекта [6].

Помимо негативных аспектов, ряд ученых связывает ИИ с добром [12]. Чаще всего это связано с медициной, принявшей на себя основной удар в условиях пандемии COVID 19.

Доверие к информации формируется на базе проповедуемой культуры цивилизации, которая попала под давление цифровизации общества, изменения модели поведения, взаимодействия между людьми [5]. Этот прессинг распространяет свое действие и на историческую информацию, которая очень важна для формирования мировоззрения поколения Z. Сегодня необходимо понимать, как молодежь поколения Z оценивает историческую информацию и какое место в их информационной работе занимает ИИ. Насколько поколение Z доверяет ИИ в сборе, обработке исторической информации. Видит ли GenZ опасность, исходящую от ИИ, насколько вообще доверяет ИИ.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ — выявить характер отношения студентов поколения Z к оценке исторических событий искусственным интеллектом в условиях цифровизации общества.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Использование искусственного интеллекта в информационной деятельности, оценке исторических событий поколением Z потребовало выявить насколько можно доверять данной технологии цифровизации общества.

Научные задачи:

1. Изучить мнение студентов поколения Z о степени опасности искусственного интеллекта для человека в условиях цифровизации общества.
2. Определить степень доверия искусственному интеллекту в доведении и оценке исторических событий студентами поколения Z.

В исследовании была выдвинута гипотеза:

H1. Отношение поколения Z к искусственному интеллекту в условиях цифровизации общества носит неоднозначный, противоречивый характер, что сказывается на степени доверия в оценке исторических событий.

В данной статье используется понятие искусственный интеллект и цифровизация. Перед проведением социологического опроса респондентам разъяснялось и уточнялось, какой смысл закладывается в эти понятия в рамках данного исследования. Под искусственным интеллектом (ИИ) следует понимать интеллектуальные компьютерные программы, системы, задачей которых является воссоздание разумных рассуждений и действий. Также это могут быть роботы в форме человека или других объектов. Цифровизация — это процесс внедрения информационно-коммуникационных, цифровых технологий во все сферы общественной жизни [14; 11].

Основными методами и подходами исследования явились общенаучные и специальные методы, в число которых вошли: сбор и обработка данных; обобщение и систематизация, ранжирование, контент анализ и др.

Среди эмпирических методов были использованы социологический опрос (анкетирование с использованием методики Лайкерта со шкалированием от 5 до 1 балла), фокус группа. Накануне социологического опроса респондентам пояснялись основные понятия, используемые в исследовании. Перед анкетированием было проведено пилотное исследование — анкета была протестирована на выборке из студентов поколения Z Российского государственного социального университета (площадка в г. Москве).

Исследование было организовано и проводилось с привлечением российских студентов поколения Z в два этапа: первый в период с мая по декабрь 2020 года, второй — в период с мая по декабрь 2021 года. Основными эмпирическими методами исследования были социологический опрос и фокус группа. При составлении анкеты использовались подход и методика Лайкерта. Ввиду ограничений, введенных из-за пандемии COVID 19, исследование проводилось дистанционно. Опрос проводился с использованием ресурсов онлайн сервиса Google Форма. Фокус группа проводилась дистанционно с использованием облачной конференц-платформы Zoom. В социологическом опросе на первом этапе приняло участие 1849 студентов из 35 российских вузов; на втором этапе приняло участие 1990 студентов из 37 российских вузов. Участники опроса и вузы определялись методом «снежного кома».

Участие студента в опросе автоматически добавляло его университет в число принявших участие в исследовании. В ходе проведения исследования организаторы и участники строго придерживались этических норм, предъявляемым к научным исследованиям.

Квотными признаками при отборе участников исследования были: пол, возраст, опыт работы. Подход в определении принадлежности студентов к поколению Z был унифицирован под европейский стандарт. К ним относилась молодежь в возрасте не старше 22 лет.

В результате в опросе приняло участие больше представителей женского пола (63,8% — 2020; 64,5% — 2021), нежели мужского пола (36,2%; 35,5%). Это объясняется, как правило, большей активностью женской части населения. С точки зрения возраста наиболее активными на первом этапе исследования оказались студенты в возрасте старше 20 лет, а на втором этапе наоборот — младше 20 лет. В числе важнейших показателей оказался опыт работы, позволяющий более основательно оценивать характер влияния цифровой экономики на развитие молодежи, получении информации, оценке исторических событий, включая ИИ. С опытом работы на обоих этапах исследования студентов поколения Z оказалось практическое равное количество: 53,3% и 55,3% соответственно.

Проведение фокус группы осуществлялось в интересах уточнения проблематики и проверки гипотезы исследования, выявления степени доверия искусственному интеллекту в оценке исторических событий поколением Z в условиях цифровизации общества.

Оценка отношения поколения Z к искусственному интеллекту проводилось по трем основным показателям: степень доверия ИИ в целом, в доведении исторической информации и оценке исторических событий.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. В ходе исследования удалось установить, что студенты распределились в близких по значению результатах в оценке опасности ИИ с некоторым перевесом в пользу доверия — согласных с опасностью ИИ в различной степени оказалось респондентов — 40-39%, не согласных — 49-51% (Рисунок 1).

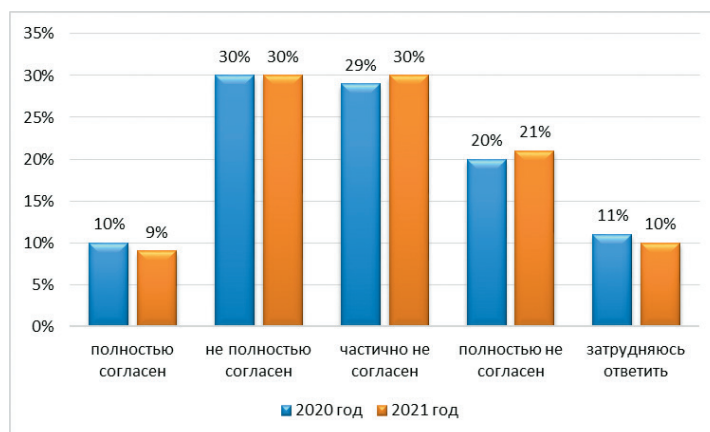

Рис. 1. **Выбор варианта ответа на высказывание:**
«ИИ опасен для человека и ему не следует доверять».

Составлено на основе собственного исследования, 2022.

При этом результаты обоих этапов практически не изменились. Мнения студентов GenZ не претерпели изменений даже ввиду усложнившихся жизненных обстоятельств, связанных с длительными ограничениями пандемийного характера. Следует отметить, что категоричных ответов в пользу безопасности ИИ для человека в два раза больше (20-21%), чем отрицательных (10-9%). Десятая часть респондентов затруднилась оценить характер

влияния ИИ на человека, опасность, исходящую от него. Это в определенной степени подтверждает гипотезу исследования.

На фокус группе удалось установить, что основными вопросами недоверия среди студентов GenZ стали: отсутствие реального и системного контроля со стороны общества над разработками, связанными с ИИ в различных научных областях, включая систему управления, информационные технологии, культуру и историю, военную сферу, медицину; некорректное использование персональных данных о человеке; возможность нанесения вреда человеку. В стороне остались нравственные аспекты внедрения ИИ. Особенно это стало ярко проявляться в условиях пандемии COVID 19. При этом эксперты на фокус группе высказали позитивные аспекты использования ИИ, которыми могут воспользоваться студенты GenZ. Это эффективное использование возможностей ИИ для работы с большими объемами исторической информации, более глубокое изучение информационных технологий, физико-математических моделей, систем управления для активного участия в цифровизации общества, самостоятельного создания элементов или полностью новых видов ИИ. Данные выводы совпадают с результатами исследования Elena Libin [4].

Детальное уточнение степени доверия ИИ по конкретному вопросу, — доведению исторической информации, — показало, что ответы студентов на обоих этапах находятся в положительной зоне и практически не отличаются (Рисунок 2).

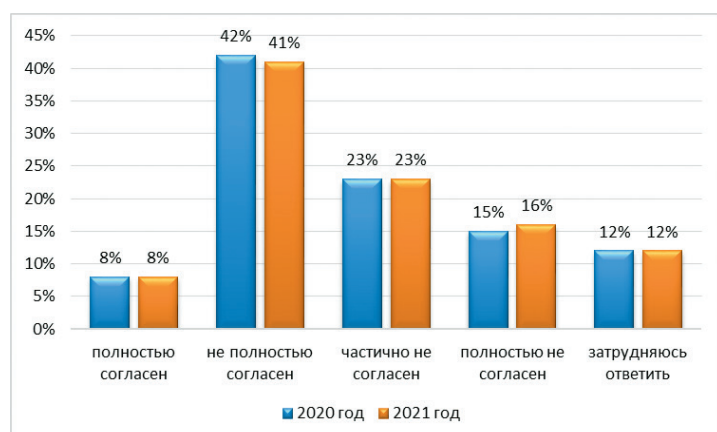

Рис. 2. **Выбор варианта ответа на высказывание:**
«ИИ следует доверять в доведении им исторической информации?»

Составлено на основе собственного исследования, 2022.

Характерным оказалось высокая степень доверия ИИ в доведении им исторической информации до широкой аудитории (50–49%). несмотря на 42–41%) из них частично сомневающимися. Полное доверие ИИ в получении исторической информации от ИИ высказало 8% респондентов. Видимо основным источником получения исторической информации для них является цифровая среда, все более оснащаемая поисковыми системами, основанными на ИИ. Здесь могут также сказаться определенные недоработки в формировании учебной программы по истории в средней школе, подходах и методике преподавания.

Однако опыт общения довольно большой части российских студентов GenZ со старшим поколением, ветеранами Великой Отечественной войны, послевоенных войн и вооруженных конфликтов позволяет усомниться в достоверности информации, поступающей из Интернета, СМИ, социальных сетей. Этим объясняется довольно большой процент негативно оценивших историческую информацию, поступающую при помощи ИИ.

Эксперты фокус группы заострили внимание на участвовавших случаях появления противоречивой исторической информации в СМИ, Интернете, социальных сетях. Переписывание истории как отдельных стран, так и цивилизационных событий вызывает у молодежи противоречивые чувства, порой радикальные суждения. Подмена понятий, фактологического материала тенденциозными рассуждениями в информационном пространстве, на площадках СМИ настораживает российских студентов GenZ. Здесь проявляются различия между российскими студентами GenZ и студентами европейских стран. В России более сильные позиции сторонников исторической информации по ведущей роли и места СССР в борьбе с нацизмом, победе над фашизмом. По-своему видят причины, ход и исход Второй мировой войны. Особенно это актуально стало в последнее время, когда националистические проявления не только не замечаются западными СМИ, но и периодически поощряются.

В оценке исторических событий студенты GenZ российских вузов на обоих этапах исследования проявили схожие позиции (Рисунок 3).

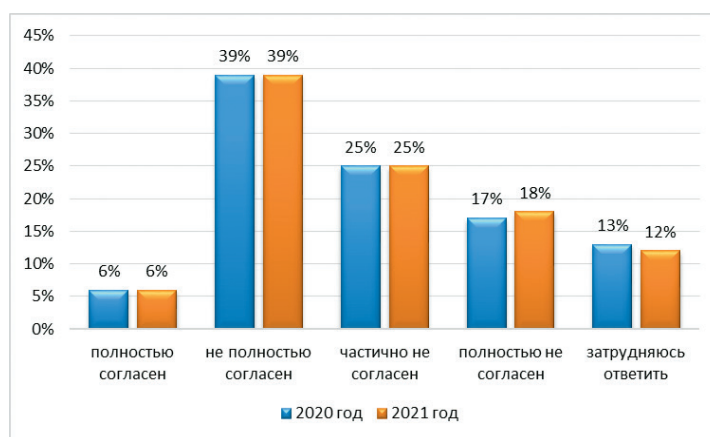

Рис. 3. Выбор варианта ответа на высказывание:
«ИИ следует доверять в оценке исторических событий?»

Составлено на основе собственного исследования, 2022.

Их данные коррелируются с результатами в оценке доведения исторической информации ИИ. Основная часть респондентов имеют сомнения в степени достоверности полученной оценки исторической информации ИИ. Полностью не доверяющих ИИ в оценке исторической информации в три раза больше, чем доверяющих. Этим подтверждается гипотеза, что отношение поколения Z к искусственному интеллекту в условиях цифровизации общества носит неоднозначный, противоречивый характер, что сказывается на степени доверия в оценке исторических событий.

На фокус группе отмечалось, что оценка исторической информации сложно формализуется, если это касается сущности исторических событий, а не временной оси, формальных критериев. Сохранившиеся в ряде российских школ подход в глубоком и системном изучении истории, не нацеленном на сдачу ЕГЭ, позволяет более критично подходить к оценке исторических событий. Доверие к чужим оценкам, тем более ИИ, здесь невелико.

Вызывает настороженность тот факт, что в последнее время в СМИ, Интернете, социальных сетях ведется полномасштабная информационная война с использованием ИИ по фальсификации происходящих событий, исторических фактов. Высокая доля студентов, склоняющих свои симпатии к ИИ в доведении и оценке исторической информации, находит-

ся в блоке колеблющихся или опасных для защиты национальных интересов при условии активизации использования ИИ во вред стране.

ВЫВОДЫ. В ходе исследования установлено, что отношение студентов поколения Z к искусственному интеллекту в условиях цифровизации общества носит неоднозначный, противоречивый характер, что сказывается на степени доверия в доведении и оценке исторических событий. Этим подтвердилась гипотеза исследования.

Анализ данных исследования показал, что многие студенты GenZ российских вузов в целом позитивно относятся к исторической информации, поступающей от ИИ. При этом студенты GenZ меньше опасаются ИИ в повседневной жизни, нежели в доведении исторической информации и ее оценке. Они имеют настороженность по отношению к ИИ, считая, что ИИ опасен для человека и ему не следует полностью доверять по всем вопросам доведения и оценке исторических событий.

Характерным оказалась устойчивость позиции студентов поколения Z к оценке исторических событий искусственным интеллектом на обоих этапах исследования. Это говорит о слабом влиянии внешних агрессивных факторов, включая пандемийные ограничения. Одновременно вызывают опасения в высокой степени доверия в доведении и оценке ИИ исторической информации в условиях информационной войны со стороны Запада. Важно не потерять нити управления ценностными ориентирами молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Antoni Alegre-Martínez, María Isabel Martínez-Martínez, José Luis Alfonso-Sanchez (2020). Transforming YouTube into a valid source of knowledge for Anatomy students. 6th International Conference on Higher Education Advances (HEAd'20). Universitat Politècnica de València, València, 2020. P. 293-300.
2. Birgit Rösel A concept of a mainly digitalized course on control theory including problembased practical units and digital supported exams. 6th International Conference on Higher Education Advances (HEAd'20) Universitat Politècnica de València, València, 2020. P. 587-594.
3. Demchenko T.S., Vinichenko M.V., Demchenko M.V., Ilina I.Y., Buley N.V., Duplij E.V. Students' Satisfaction with Interactive Forms of Training with Elements of Gamification. International Journal of Engineering & Technology, 7 (4.38), 2018. P. 109-111.
4. Elena Libin. Future competencies for digitally aligned specialties: coping intelligently with global challenges. 6th International Conference on Higher Education Advances (HEAd'20) Universitat Politècnica de València, València, 2020. P. 1119-1125.
5. European Commission. Digital Economy and Society Index Metodological Note. DESI. Available at: (accessed on 27 June 2020). 112 P.
6. International Conference on Cyber Security Intelligence and Analytics, CSIA. Advances in Intelligent Systems and Computing. Shenyang; China. 928, 2020. 1448 P.
7. Matraeva A.D., Rybakova M.V., Vinichenko M.V., Oseev A.A., Ljapunova N.V. Development of Creativity of Students in Higher Educational Institutions: Assessment of Students and Experts. Universal Journal of Educational Research, 8(1), 2020. P. 8-16.
8. Neil Howe & William Strauss. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. Paperback — Illustrated, September 30, 1992. 538 P.
9. Nikiporets-Takigawa G.Yu., Afonin M.V., Krivova A.L., Otyutskiy G.P. The main trends and development prospects of modern political science education in Russia. Perspektivy Nauki i Obrazovania, 46(4), 2020. P. 164-179.
10. Ozhiganova E.M. The theory of generations by N. Hove and W. Strauss. Possibilities of practical application // Business education in the knowledge economy. 1(1), 2015. P. 94-97.
11. Saorín J.L., de la Torre-Cantero J., Melián Díaz D., & López-Chao, V. Cloudbased collaborative 3D modeling to train engineers for the Industry 4.0. Applied Sciences, 9(21), 2019. P. 4559.

12. Singler, B. «Blessed by the algorithm»: Theistic conceptions of artificial intelligence in online discourse. *AI & SOCIETY*. 35, 2020. P. 945–947.
13. Timmis S., Munoz-Chereau B. Under-represented students' university trajectories: building alternative identities and forms of capital through digital improvisations. *Teaching in higher education*, 2019. P. 18.
14. Vinichenko M.V., Frolova E.V., Nikiporets-Takigawa G. Yu., Peter Karácsony. Interpretation of the views of east European Catholics on the impact of artificial intelligence on the social environment. *European Journal of Science and Theology*, 17(1), 2021. P. 11–23.

REFERENCES

1. Antoni Alegre-Martínez, María Isabel Martínez-Martínez, José Luis Alfonso-Sanchez (2020). Transforming YouTube into a valid source of knowledge for Anatomy students. 6th International Conference on Higher Education Advances (HEAd'20). Universitat Politècnica de València, València, 2020. P. 293–300. (In English).
2. Birgit Rösel A concept of a mainly digitalized course on control theory including problembased practical units and digital supported exams. 6th International Conference on Higher Education Advances (HEAd'20) Universitat Politècnica de València, València, 2020. P. 587–594. (In English).
3. Demchenko T.S., Vinichenko, M.V., Demchenko, M.V., Ilina, I.Y., Buley, N.V., Duplij E.V. Students' Satisfaction with Interactive Forms of Training with Elements of Gamification. *International Journal of Engineering & Technology*, 7 (4.38), 2018. P. 109–111. (In English).
4. Elena Libin. Future competencies for digitally aligned specialties: coping intelligently with global challenges. 6th International Conference on Higher Education Advances (HEAd'20) Universitat Politècnica de València, València, 2020. P. 1119–1125. (In English).
5. European Commission. Digital Economy and Society Index Metodological Note. DESI. Available at: (accessed on 27 June 2020). 112 P. (In English).
6. International Conference on Cyber Security Intelligence and Analytics, CSIA. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. Shenyang; China. 928, 2020. 1448 P. (In English).
7. Matraeva A.D., Rybakova M.V., Vinichenko M.V., Oseev A.A., Ljapunova N.V. Development of Creativity of Students in Higher Educational Institutions: Assessment of Students and Experts. *Universal Journal of Educational Research*, 8(1), 2020. P. 8–16. (In English).
8. Neil Howe & William Strauss. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. Paperback — Illustrated, September 30, 1992. 538 P. (In English).
9. Nikiporets-Takigawa G. Yu., Afonin M.V., Krivova A.L., Otyutskiy G.P. The main trends and development prospects of modern political science education in Russia. *Perspektivy Nauki i Obrazovania*, 46(4), 2020. P. 164–179. (In English).
10. Ozhiganova E.M. The theory of generations by N. Hove and W. Strauss. Possibilities of practical application // *Business education in the knowledge economy*. 1(1), 2015. P. 94–97. (In English).
11. Saorín J.L., de la Torre-Cantero J., Melián Díaz D., & López-Chao, V. Cloudbased collaborative 3D modeling to train engineers for the Industry 4.0. *Applied Sciences*, 9(21), 2019. P. 4559. (In English).
12. Singler, B. «Blessed by the algorithm»: Theistic conceptions of artificial intelligence in online discourse. *AI & SOCIETY*. 35, 2020. P. 945–947. (In English).
13. Timmis S., Munoz-Chereau B. Under-represented students' university trajectories: building alternative identities and forms of capital through digital improvisations. *Teaching in higher education*, 2019. P. 18. (In English).
14. Vinichenko M.V., Frolova E.V., Nikiporets-Takigawa G. Yu., Peter Karácsony. Interpretation of the views of east European Catholics on the impact of artificial intelligence on the social environment. *European Journal of Science and Theology*, 17(1), 2021. P. 11–23. (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.015

УДК 37.015.4:316.346.32-053.6

ББК 60.561.9

Е.Н. ГОГОЛЕВА

**СТУДЕНЧЕСТВО В СТРУКТУРЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

E.N. GOGOLEVA

**STUDENTS IN THE STRUCTURE
OF SOCIO-ECONOMIC RELATIONS
(BY THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL
RESEARCH)**

Трансформация российского общества определяет включенность студентов в структуру социально-экономических отношений. Социально-экономическое положение студентов обусловлено функционированием формальных социальных институтов и воспроизводством неформальных практик поведения в условиях экономического кризиса российского общества. Статья базируется на результатах регионального социологического мониторинга. Социологический анализ предусматривает выявление статических и динамических характеристик социально-экономического положения — структура доходов и расходов, оценка уровня жизни, сферы и факторы вторичной занятости. Устанавливается, что у студентов наблюдается разрыв между значимыми социальными подсистемами: материальное положение — образование — занятость. Это обуславливает изменение образовательной траектории студентов, смещение акцента с учебы в сторону профессиональной деятельности. Как следствие, происходит реконверсия жизненного мира данной социальной группы и формируется социальная субъектность в соответствии с теми тезаурусами, которые способствуют социальной адаптации.

The transformation of Russian society determines the involvement of students in the structure of socio-economic relations. The socio-economic situation of students is determined by the functioning of formal social institutions and the reproduction of informal practices of behavior in the economic crisis of the Russian society. The article is based on the results of regional sociological monitoring. The sociological analysis provides for the identification of static and dynamic characteristics of the socio-economic situation, namely, the structure of income and expenses, assessment of the standard of living, spheres and factors of secondary employment. It is established that students have a gap between significant social characteristics: financial situation — education — employment. This causes a change in the educational path of students, a shift in emphasis from study to professional activity. As a result, there is a reconversion of the life world of this social group and social subjectivity is formed in accordance with those thesauruses that promote social adaptation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: студенты, социально-экономическое положение, институт высшего образования, рынок труда.

KEY WORDS: students, socio-economic situation, institution of higher education, labor market.

ВВЕДЕНИЕ. Социальные трансформации, происходящие в российском обществе, существенно изменяют облик молодых людей и детерминируют их экономическое по-

ведение. Во-первых, происходит продление срока образования, что приводит к длительной экономической и социальной зависимости, прежде всего, от родительской семьи и общественных изменений. Во-вторых, повышение образовательного ценза при приеме на работу привело к тому, что для получения многих профессий, для которых ранее было достаточно более низкого уровня образования, сейчас требуется высшее образование. В-третьих, современные рыночные условия диктуют необходимость получения трудового стажа одновременно с обучением как условия интеграции на рынке труда. Данные обстоятельства обуславливают неустойчивый социально-экономический статус современного российского студента и его маргинальное положение в системе общественного производства, однако социализирующее влияние образования и рынка труда на личность молодого человека формируют рамочные барьеры, с помощью которых общество выстраивает необходимые приспособительные реакции и социально приемлемое поведение индивида.

ЦЕЛЬЮ СТАТЬИ является измерение включенности студентов в структуру социально-экономических отношений для оптимизации взаимодействия института высшего образования и рынка труда.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Теоретико-методологическую базу исследуемой проблемы составляет неoinституциональный подход. Неoinституционализм (Д. Норт [6], Дж. Хаас [11], Н. Флигстин [7], С.Г. Кирдина [4] и др.) выдвигает на первый план не институты и их структуры, а субъектов трансформационного процесса, а точнее те практики и смыслы, которые они интернализируют и воспроизводят через обычаи, стратегии и язык. Этот подход позволяет проанализировать взаимосвязь формальных институтов и неформальных социальных практик и стратегий в контексте институциональных усложнений и искажений в условиях трансформационного процесса. Неoinституциональный подход делает возможным выявление статических и динамических характеристик социально-экономического поведения студентов с точки зрения воспроизводства тех социальных отношений, которые представляют наибольшую значимость в современном российском обществе и обуславливают легитимность общественных изменений.

Анализ социально-экономического поведения студентов предусматривает также изучение особенностей социальной адаптации данной категории людей и в этой связи методологическую ценность представляет «критическая теория социализации» Ю. Хабермаса [8] и тезаурусная концепция молодежи, разработанная Вал. А. Луковым [5]. Поскольку молодежь адаптируется в основном, познавая части среды, понимая и легитимизируя эти части, то можно утверждать, что социальная адаптация носит выборочный, частичный, фрагментарный характер. Согласие между индивидом и средой достигается в процессе коммуникации и рационализации «жизненного мира» учащегося. Соответственно, дотраивание и конструирование условий социальной реальности происходит выборочно с учетом тех тезаурусов, которые являются наиболее адекватными в текущей ситуации.

В качестве эмпирического метода социологического исследования выступал массовый опрос, проведенный среди студентов Тульского государственного университета. Социологический анализ осуществлялся в 2021 году в рамках ежегодного мониторинга «Социальная адаптация студентов в Тульском регионе», было опрошено 303 человека; выборка репрезентативна по полу, возрасту и институту обучения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Трансформация современного общества, турбулентное развитие российской экономики изменяют жизненные стратегии молодежи. Обещания со стороны руководства страны относительно положительной динамики экономического развития российского государства и возможного повышения уровня и качества жизни населения являются весьма неопределенными, и это особенно сильно чувствуют молодые люди. В этой связи материальное положение семьи выступает главным дифференцирующим фактором российского общества. К тому же, сам процесс обучения требует определенных

вложений, не говоря уже о финансовом сопровождении процесса обучения. Как следствие, студенты становятся наиболее финансово уязвимой группой в социальной структуре, что сказывается как на качестве их обучения, так и на дальнейших трудовых ориентациях.

Большинство студентов, обучающихся в Тульском государственном университете, проживает в отдельных квартирах (около 67%) и в собственном доме — 21,7%, в студенческом общежитии проживают около 3% опрошенных, в два раза меньше опрошенных снимают комнату (квартиру) (1,3%). В настоящее время мы наблюдаем увеличение доли студентов, проживающих с родителями, что, вероятно, связано с общей дороговизной жизни и недостаточно оптимальными условиями проживания в общежитии.

Источник дохода — один из главных параметров, характеризующих экономическое положение студентов и их семей. По данным проведенного опроса, в независимости от пола и возраста, основным источником дохода семей является заработная плата членов семьи (85% респондентов выбрали данный ответ). Доходы от предпринимательства, фермерского хозяйства, собственности составляют чуть более 6%. Размеры стипендий и социальных пособий достаточно малы, чтобы они определяли материальное положение студентов (см. рис. 1). В целом, ответы студентов демонстрируют стандартную картину для регионального рынка труда, что позволяет с определенными допущениями предположить принадлежность семей студентов к среднему и ниже среднего уровню достатка.

Рис. 1. Структура использования денежных доходов студентов, в %

В связи с социально-экономическими переменами в нашей стране доходы в семьях студентов тоже меняются. Несмотря на различные вызовы, которые стоят перед нашей страной, это не сказалось отрицательным образом на материальном положении семей в 2020–2021 годах, что говорит о некоторой стабилизации финансово-экономической сферы в Тульском регионе. Так, по мнению респондентов (39,2%), существенных изменений в материальном обеспечении их семей не произошло, а одна пятая часть студентов (21%) утверждают, что доходы их семей даже выросли. В то же время, весьма значительна доля тех, кто затруднился ответить и чей доход уменьшился (18,4% и 20,7% соответственно). По большому счету, серьезной отрицательной динамики по сравнению с предыдущими годами не было выявлено. Тем не менее, значительная часть студентов (1/5) демонстрирует материальную неудовлетворенность, которая вынуждает их в период обучения в вузе искать дополнительные источники дохода.

В процессе выявления субъективных оценок студентами своего уровня жизни, преобладают удовлетворительные характеристики большей части опрошенных (примерно 50%), еще чуть более 30% склоняются к позитивным оценкам (см. рис. 2).

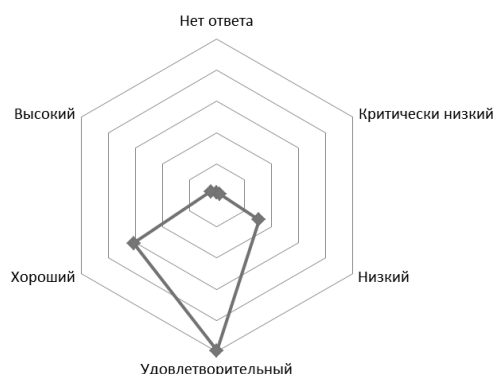

Рис. 2. Субъективные оценки уровня жизни студентов

Уровень жизни современных тульских студентов выглядит достаточным, но мы должны понимать, что данный уровень жизни обеспечивают родители, направляя учащимся свои финансовые ресурсы (более 90% обучающихся получают финансовую помощь от своих семей). Это характеризует высшее образование как источник ресурсного ограничения в виде роста материальных затрат на обучение [9, с. 104].

Расходы студентов, как и доходы, являются важнейшим показателем их социально-экономического положения, поскольку определяют уровень и качество жизни данной социальной группы. Структура основных расходов характеризует определенный стандарт потребления в существующих социально-экономических условиях (см. рис. 3).

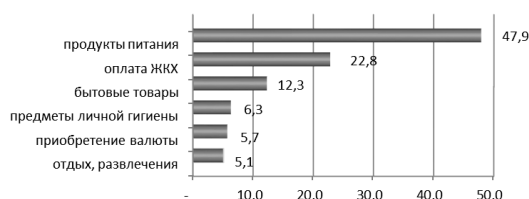

Рис. 3. Структура расходов студентов, %

Традиционно считается, что расходы, сконцентрированные в сфере питания и оплаты текущих счетов, определяют низкий социально-экономический статус субъекта. Согласно результатам исследования, мы наблюдаем ситуацию, когда наибольшие материальные затраты студентов как раз и составляют расходы на питание и оплату ЖКХ (около 70% респондентов) в противовес затратам на развлечения, отдых, покупку валюты и бытовой техники. Это позволяет демаркировать студентов как социальную группу с невысоким стандартом потребления. К тому же, стоит отметить, что именно студенчество оказалось той группой, кто был полностью исключен из новых мер социальной поддержки населения. В связи с ростом инфляции и, как следствие, снижением покупательской способности населения, происходит снижение предписываемого статуса студенческой молодежи, которая попадает в число наименее социально защищенных категорий людей, что подтверждает выдвинутый ранее тезис о маргинальности российского студенчества.

Несмотря на то, что материальное положение (деньги) является одной из важнейших ценностей молодого человека, не все готовы взять на себя ответственность за свое финансовое положение. Так, примерно половина респондентов возлагает ответственность за свое материальное положение на внешние обстоятельства (ситуацию в стране, регионе, финансовый кризис, государственную политику и т.д.). Обнадешивает тот факт, что другая

половина студентов демонстрирует интернальность, или атрибутирование себе самому ответственности в этом вопросе. Однако по мере увеличения возраста увеличивается доля тех, у кого меняется локус контроля на экстернальный, т.е. происходит уменьшение принятия человеком причинных взаимосвязей между собственным поведением и достижением желаемого (рис. 4). Возможно, внешняя среда, происходящие в обществе события, циркулирующая социальная информация крайне негативно сказываются на автономной гражданской активности граждан, на их способности самостоятельно, без вмешательства государства, решать актуальные социальные проблемы. В результате уменьшается самодетерминированное функционирование индивида и снижается внутренняя мотивацию и готовность к социальному действию.

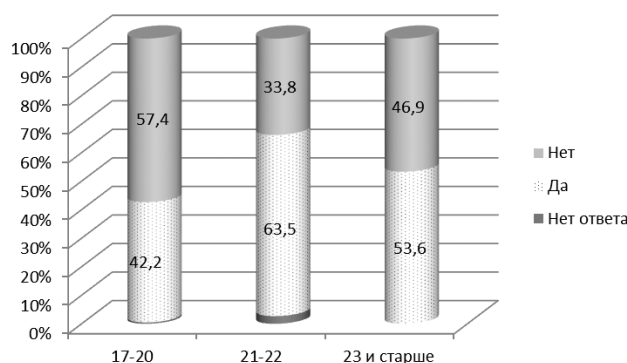

Рис. 4. **Интернальность / экстернальность материального благополучия в возрастных группах студентов, в%**

Анализ студенчества в структуре социально-экономических отношений обуславливает необходимость изучения включения их на рынок труда уже во время обучения в вузе. К тому же, современные требования рынка труда обуславливают тот факт, что современный выпускник должен обладать, помимо профессиональных знаний и умений, еще опытом и стажем работы, желательно по профилю обучения. Это определяет картину жизненного мира современного студента, в соответствии с которой культурные образцы, ценности и формы поведения выступают ресурсом достижения гомеостаза с внешней средой. В то же время, отсутствие нужного опыта профессиональной деятельности серьезно затрудняет процесс дальнейшего трудоустройства молодежи. Поэтому студенты даже из обеспеченных семей в процессе обучения ориентированы на совмещение трудовой и учебной деятельности.

При этом интеграция учащихся высших учебных заведений на рынке труда осуществляется на фоне снижения их успеваемости за счет неравномерного распределения бюджета времени, что отрицательно сказывается на качестве их обучения и дальнейшей профессиональной социализации. В этой связи студенческая занятость изначально развивается как конфликтный феномен [2, с. 74]. На протяжении нескольких последних лет в связи с актуализацией проблемы вторичной занятости студентов, предпринимаются многочисленные попытки придать этому процессу организованные формы, идет активный поиск адекватных институциональным изменениям ориентаций и моделей поведения (например, студенческое предпринимательство, стройотряды и т.д.).

На данный момент доля студентов, совмещающих работу и обучение, несколько снизилась до 45%. В предыдущие годы количество студентов, включенных в трудовую деятельность, варьировалась от 60% до 70% среди всей выборочной совокупности. Отметим, что формирование трудового поведения молодежи носит ярко выраженный средовый характер, поскольку изменения экономической и эпидемиологической ситуации в стране привело

к уменьшению доли работающих студентов (кризис, коронавирусные ограничения и т.д.). Тем не менее, это число по-прежнему значительно. В большей степени в трудовую деятельность интегрированы молодые люди, нежели девушки; данный процесс имеет четкую возрастную детерминацию: чем старше студенты, тем больше их включенность в трудовую деятельность. Основным видом деятельности, в который вовлечена молодежь, является сфера оказания услуг (40,7%) и торговля (16,6%) (см. рис. 5).

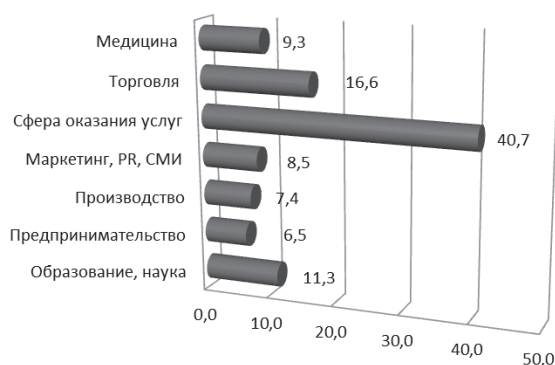

Рис. 5. Сферы трудовой деятельности студентов, в%

Сферы услуг и торговли на протяжении многих лет являются наиболее доступными в качестве стартовых возможностей трудовой деятельности молодежи. Очевидно, это обусловлено не субъективными предпочтениями студентов, сколько наличием инфраструктуры и потребностями рынка труда. Соответственно, можно утверждать, что на российском рынке труда существует спрос на определенный тип работника с промежуточным уровнем квалификации. Однако существует проблема отсутствия взаимосвязи между образованием и занятостью.

Так, только четверть работающих студентов отмечают связь работы с выбранным направлением подготовки, у остальных трудовой процесс ориентирован исключительно на улучшение своего материального благополучия. Данное положение подтверждают факторы вторичной занятости студенческой молодежи. Так, определяющими условиями стали улучшение финансового состояния и возможность совмещения учебной и трудовой деятельности (32,8% и 27,7% соответственно). Условно третье место принадлежит ответу «интерес к специальности» (14,3%). Для небольшой части респондентов, главными факторами являются карьерный рост (8,8%) и возможность самореализации (9,7%) (см. рис. 6.).

Рис. 6. Факторы вторичной занятости, в%

При этом структура мотивации вторичной занятости дифференцируются у студентов с различным уровнем материального дохода, и детерминируется географически. Студенты, приехавшие в Тульский государственный университет из городских и сельских поселений региона, ориентированы на необходимость обеспечить себя средствами существования. Для тульских студентов, проживающих в родительских семьях, характерно стремление иметь возможность для самореализации и опыт трудовой деятельности.

Данный разрыв детерминирует и профессиональные установки студентов. Согласно результатам социологического исследования была выявлена зависимость между субъективными оценками студентами уровня своей жизни и представлениями о своем профессиональном будущем. Респонденты, положительно характеризующие свой уровень жизни («хороший» и «высокий» в вариантах ответа) планируют стать высококвалифицированными специалистами, демонстрируют значительный уровень материальных притязаний. Низкие оценки своего социально-экономического положения способствуют уменьшению ориентации на профессионализацию; на первый план выходит практическая деятельность, направленная на выживание в обществе неопределенности и риска. Полученные результаты вполне закономерны: люди с более высоким социальным статусом увереннее себя чувствуют в окружающем мире, более низкий социальный статус выдвигает на первый план задачу удовлетворения первичных потребностей [10, с. 90, 108].

В процессе совмещения учебной и трудовой деятельности нередко возникают ситуации, когда работа затрудняет образовательный процесс, и большинство респондентов признают этот факт (более 60%). Как следствие, у студентов резко снижаются показатели успеваемости, они оказываются на пороге отчисления и вынуждены либо переводиться (отчисляться) с очной формы обучения, либо прилагать значительные усилия для нормализации учебного процесса, либо прекращать трудовую деятельность.

Очевидно, что современными студентами образование не воспринимается как возможность или шанс. Несбалансированность рынка труда существенным образом сказывается на экономическом и социальном статусе молодых специалистов и является причиной потери веры в необходимость получения качественного образования. Многие студенты сознательно изменяют свою образовательную траекторию путем сокращения усилий, затрачиваемых на обучение, в сторону вхождения на рынок труда. Но наличие высшего образования (даже формального) до сих пор остается для многих решающим фактором дальнейшего трудоустройства, что обусловлено запросами современного рынка труда, и это удерживает значительное число молодежи в стенах высших образовательных учреждений. Доля тех, кто получает высшее образование для формальной интеграции на рынок труда, составляет около 20%, причем число ответивших увеличивается в зависимости от курса обучения: чем старше студент, тем больше откликов по данному параметру.

ВЫВОДЫ. Результаты проведенного исследования демонстрируют, что динамика экономической активности и занятости студентов складывается под воздействием общих факторов экономического развития и конъюнктуры рынка труда. Степень удовлетворенности собственным социально-экономическим положением определяет характер восприятия существующей социально-экономической и политической ситуации в стране. Студенты, обозначившие свой уровень дохода как высокий, описывают политическую и экономическую действительность как удовлетворительную или хорошую, те же, кто отмечал неудовлетворительное социально-экономическое положение, наоборот, демонстрировали отрицательные оценки в отношении текущих событий.

В условиях турбулентности российской экономики трансформируются потребности и образовательные траектории студентов, в то время как высшее образование не в состоянии удовлетворять эти потребности и выступать в качестве основного социализационного института. В этих условиях высшее образование должно искать внутренние резервы раз-

вития для адекватной реализации социально-экономической функции. Однако результаты социологического исследования все-таки не ставят под сомнение положения концепции «человеческого капитала», когда улучшение производительной способности человека происходит благодаря произведенным им расходам на образование, что ведет к повышению его общественного положения (статуса, заработной платы, престижа). Высшее образование по-прежнему формирует основу жизнеустройства человека, выступая инструментом социально-статусного становления личности. Благодаря широкому диапазону знаний, умений, навыков, социального опыта, которые получает студент во время своего обучения в вузе, закладывается база социального благополучия человека [3, с. 40]. Это проявляется в тех «социальных эффектах», которые позволяют высоко оценивать рыночную эффективность высшего образования, — возможность трудоустройства, карьерный рост, самореализация. Можно утверждать, что в процессе совмещения учебной и профессиональной деятельности, нахождения оптимального баланса между ними у студентов происходит реконверсия экономического капитала в культурный и личностный, что формирует их социальную субъектность в соответствии с теми тезаурусами, которые способствуют социально-экономическому утверждению в российском обществе. Это определяет формирование устойчивого ареала «жизненного мира» студентов, обеспечивая приобретение способности к социальной адаптации и социальному действию, а также устанавливая согласование индивидуальных «жизненных историй» с коллективными формами социальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова В.А. Проблема социальной зрелости студенческой молодежи в системе высшего образования // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (68). С. 29–35.
2. Гоголева Е.Н., Маркина Н.Л. Социально-экономическое положение студентов (по результатам социологического мониторинга) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 70–77.
3. Гоголева Е.Н. Социально-экономическая функциональность / дисфункциональность института высшего образования: социологический анализ // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (71). С. 36–43.
4. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. Издание 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.
5. Луков В.А. Социокультурные основания субъектности российской молодежи (тезаурусная концепция молодежи): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2019. 42 с.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
7. Флигстин Н. Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века / пер. с англ. А.А. Куракина; под науч. ред. В.В. Радаева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 392 с.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: Пер. с нем.; Под ред. Д.В. Складнева. Санкт-Петербург: Наука, 2000. 377 с.
9. Шуклина Е.А. Социальное благополучие студенческой молодежи: концептуальные подходы и исследования // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 5 (74). С. 102–116.
10. Щербакова В.П. Социальная адаптация молодежи в условиях преобразований современного российского общества: монография. Тула: Изд-во ТулГУ, 2015. 368 с.
11. Hass J.K. Economic Sociology: An Introduction. The Second Edition. N. Y.; Abingdon, UK: Routledge, 2020. 272 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315439686>.

REFERENCES

1. Arkhipova V.A. *Problema sotsial'noy zrelosti studencheskoy molodezhi v vysshem obrazovanii* [The problem of social maturity of students in the higher education system]. Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 5 (68). S. 29–35. (In Russian).
2. Gogleva E.N., Markina N.L. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie studentov (po rezul'tatam sotsiologicheskogo monitoringa)* [Economic and social situation of students (by results of sociological monitoring)]. Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2019. № 1. S. 70–77. (In Russian).
3. Gogleva E.N. *Sotsial'no-ekonomicheskaya funktsional'nost' / disfunktsional'nost' instituta vysshego obrazovaniya: sotsiologicheskii analiz* [The socio-economic functionality or dysfunctionality of the higher education institute: sociological analysis]. Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2021. № 2 (71). S. 36–43. (In Russian).
4. Kirdina S.G. *Institutsional'nyye matritsy i razvitiye Rossii: vvedeniye v KH-Y-teoriyu* [The institutional matrix and the development of Russia: An Introduction to X&Y theory]. Izdaniye 3-ye, pererabotannoye, rasshirennoye i illyustrirovannoye. SPb.: Nestor-Istoriya, 2014. 468 s. (In Russian).
5. Lukov V.A. *Sotsiokul'turnyye osnovaniya sub'yektnosti rossiyskoy molodezhi (tezaurnaya kontseptsiya molodezhi)* [Sociocultural Foundations of the Russian Youth's Subjectivity (Thesaurus Conception of the Youth)]: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk. M., 2019. 42 S. (In Russian).
6. North D. *Instituty, institutsional'nyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance] / Per. s angl. A.N. Nesterenko; predisl. i nauch. red. B.Z. Mil'nera. M.: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala», 1997. 180 s. (In Russian).
7. Habermas J. *Moral'noye soznaniye i kommunikativnoye deystviye* [Moral Consciousness and Communicative Action]: Per. s nem.; Pod red. D.V. Sklyadneva. Sankt-Peterburg: Nauka, 2000. 377 s. (In Russian).
8. Shuklina E.A. *Sotsial'noye blagopoluchiye studencheskoy molodezhi: kontseptual'nyye podkhody i issledovaniya* [Social well-being of students: conceptual approaches and research practice]. Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 5 (74). S. 29–35. (In Russian).
9. Shcherbakova V.P. *Sotsial'naya adaptatsiya molodezhi v usloviyakh preobrazovaniy sovremennogo rossiyskogo obshchestva* [Social adaptation of youth in the conditions of transformations of modern Russian society]: monografiya. Tula: Izd-vo TulGU, 2015. 368 s. (In Russian).
10. Hass J.K. *Economic Sociology: An Introduction*. The Second Edition. N. Y.; Abingdon, UK: Routledge, 2020. 272 p. (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.009

УДК 37.015.4

ББК 60.561.9

А.В. ТОСТАНОВСКИЙ, ОБРАЗ ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ
С.Т. БАРСЕГЯН, СЕВЕРНОГО ВУЗА В ПЕРИОД
О.Г. ЛИТОВЧЕНКО ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

A.V. TOSTANOVSKY, LIFESTYLE OF STUDENTS
S.T. BARSEGYAN, OF NORTHERN UNIVERSITY DURING
O.G. LITOVCHENKO DISTANCE LEARNING

Введение. Дистанционное образование стало неразрывной частью образовательного мира, и на сегодняшний день наблюдается тенденция к его постоянному росту, что обуславливает необходимость анализа образа жизни студентов в новых условиях.

Цель: определить особенности образа жизни студентов и условия образовательного процесса в период дистанционного обучения, выяснить отношение студентов к дистанционной форме образования, обозначить рекомендации для рациональной организации определяющих процессов в высшей школе, которые являются здоровьесформирующими для субъектов образовательной деятельности.

Материалы и методы. Исследование проведено методом анкетирования и основано на детальном анализе полученных данных. Нами был проведен опрос 188 студентов Сургутского государственного университета с 1 по 6 курсы разных направлений в возрасте от 18 до 23 лет. Анкета включала в себя 24 вопроса, отражающие особенности образа жизни обучающихся в период дистанционного обучения и личное отношение учащихся к данному формату образования в высших учебных заведениях. Результаты и научная новизна. Опираясь на полученные данные об образе жизни студентов при дистанционном обучении, мы установили, что у значительного количества студентов в соответствующих условиях возникают трудности в соблюдении режима сна, сохранении двигательной активности на высоком уровне, проведении достаточного количества времени на свежем воздухе. Существенное воздействие на состояние здоровья обучающихся оказывает длительная работа за компьютером, ведущая к нарушению функционального состояния организма. Установлено, что для многих студентов огромную роль в процессе обучения играет коммуникация с преподавателями, одногруппниками. Вышеописанные сведения об особенностях образа жизни студентов, проживающих в условиях северного региона, в период дистанционного образования следует учитывать при разработке здоровьесберегающих программ с целью сокращения функциональных нарушений среди субъектов образовательного процесса (студентов).

Introduction. Distance education has become an inseparable part of the educational world, and today there is a tendency for its constant growth, which makes it necessary to analyze the lifestyle of students in new conditions. Purpose: to determine the characteristics of the lifestyle of students in the period of distance learning, the conditions of the educational process in order to rationally organize all the defining processes in higher education, which are health-forming for subjects of educational activity; to find out the attitude of students to this form of education. Materials and methods. The study was conducted by questioning and is based on a detailed analysis of the obtained data. We conducted a survey of 188 students of Surgut State University from the 1st to the

6th courses in various fields, aged 18 to 23 years. The questionnaire included 24 questions reflecting the lifestyle of students during distance learning and the personal attitude of students to this format of education in higher education institutions. Results and scientific novelty. Based on the data obtained about the lifestyle of students in distance learning, it was revealed that a significant number of students in appropriate conditions have difficulties in observing sleeping schedule, maintaining high levels of motor activity, and spending enough time in the fresh air. A significant impact on the health of students has a long-term work at the computer leading to a violation of the functional state of the body. It has been established that for many students communication with teachers and classmates plays a huge role in the learning process. The above information about the peculiarities of the lifestyle of students living in the conditions of the northern region during the period of distance education should be taken into account when developing health-saving programs in order to reduce functional disorders among the subjects of the educational process (students).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дистанционное обучение, эпидемия COVID-19, студенты, северный вуз, образ жизни.

KEY WORDS: distance learning, COVID-19 epidemic, students, northern university, lifestyle.

ВВЕДЕНИЕ. Эпидемия COVID-19, затронув большинство механизмов функционирования высшей школы, существенным образом изменила ситуацию в системе высшего образования. Широкое использование формата дистанционного обучения в высшем образовании на сегодняшний день приобретает тенденцию к постоянному росту [10, с. 33; 11, с. 20; 15, с. 39]. В настоящее время активно внедряются новые технологии, дистанционный формат образования является неотъемлемой частью образовательного процесса, что сказывается и на образе жизни современных студентов [4, с. 9]. Безусловно, в период пандемии дистанционное обучение оказалось вынужденной мерой, однако подобный метод обучения неминуемо внедряется в образовательные программы высших учебных заведений и приобретает все большую актуальность. В этой связи встает вопрос о том, как эффективно использовать удаленный формат обучения с учетом региональных особенностей. Переход на дистанционную форму обучения позволяет расширить интерактивные возможности образовательного процесса, однако сопряжен с возникновением ряда психологических сложностей, связанных с необходимостью осуществления коммуникации только через Интернет [12, с. 13].

ЦЕЛЬ: определить особенности образа жизни студентов и условия образовательного процесса в период дистанционного обучения, выяснить отношение студентов к дистанционной форме образования, обозначить рекомендации для рациональной организации определяющих процессов в высшей школе, которые являются здоровьесформирующими для субъектов образовательной деятельности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование проведено методом анкетирования и основано на детальном анализе полученных данных. Нами был проведен опрос 188 студентов Сургутского государственного университета с 1 по 6 курсы разных направлений в возрасте от 18 до 23 лет.

Анкета включала в себя 24 вопроса, отражающие особенности образа жизни обучающихся в период дистанционного обучения и их отношение учащихся к данному формату образования. Часть вопросов, отображающих характер образа жизни студентов в период дистанционного обучения, включала в себя аспекты физической активности, хобби, длительности работы за компьютером, гигиены сна, времени пребывания на свежем воздухе. Следующая часть содержала вопросы, касающиеся организации учебной деятельности, при анализе которых мы оценивали время проведения учебных занятий, изучения и выполнения необходимых заданий студентами. Последняя часть опросника была направлена на оценку непосредственного отношения студентов к дистанционному формату обучения, а также значимости взаимоотношений студент-преподаватель и студент-студент.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Формирование здорового образа жизни у студентов является одним из условий рациональной организации образовательного процесса [7, с. 26]. Е.А. Терентьева и У.С. Захарова (2020) в своей работе фиксируют весомые психологические трудности и проблемы, упоминают о нарастающей социальной изоляции, сложностях работы из дома, отсутствии определенности и возможности планировать будущее, что характерно и для студенчества [11, с. 21]. Указанные факторы постепенно приводят к депрессии, раздражительности, снижают самооценку, вызывают психосоматическую симптоматику, могут способствовать появлению зависимостей [9, с. 10]. Понимание особенностей образа жизни студентов в условиях северного региона, где у населения наблюдается вынужденная северная гиподинамия поможет организовать работу студентов таким образом, чтобы снизить уровень негативной нагрузки на организм студентов.

Физическая культура является неотъемлемым звеном в структуре здоровья и здорового образа жизни, оказывая положительное воздействие на физическое состояние человека, повышая сопротивляемость организма к действию негативных факторов. По данным опроса выяснилось, что в период дистанционного обучения 12% учащихся начали заниматься физической активностью, 13% стали больше заниматься, 28% перестали заниматься физической культурой, а 47% студентов считают, что дистанционное обучение никак не повлияло на их занятия спортом и физической культурой (рис. 1).

Рис. 1. Удельный вес (%) ответов студентов г. Сургута на вопрос «Как повлияло дистанционное обучение на Вашу физическую активность по сравнению с очным режимом обучения?»

Значимую роль в вопросах самоактуализации и самореализации молодых людей выступает хобби [2, с. 4]. У 49% опрошенных студентов появилось больше свободного времени для дополнительных занятий, 30% отмечают, что времени больше не появилось, а для 21% студентов ничего не поменялось в период вынужденного дистанционного образования (рис. 2).

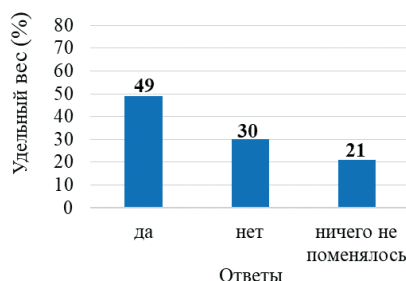

Рис. 2. Удельный вес (%) ответов студентов г. Сургута на вопрос «Появилось ли у Вас больше времени для дополнительных занятий, хобби в период дистанционного обучения?»

Одна из возможностей, предлагаемых информационно-коммуникационными технологиями,— это электронное обучение студентов по всему миру, которое создает гибкость и доступность процесса обучения, позволяющее учащимся установить свой темп обучения, изучать учебный материал в удобное для себя время [3, с. 48; 6, с. 1184; 13, с. 126]. В период обучения в режиме онлайн 86% опрошенных лиц отметили, что в течение дня стали больше времени проводить за компьютером, 10% студентов проводили за компьютером в сутки от двух до трех часов, 60% от пяти до семи часов, от восьми до девяти часов за компьютером находились 25% студентов, а 5% тратили на это от десяти до двенадцати часов (рис. 3).

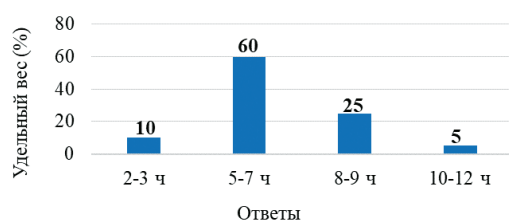

Рис. 3. Удельный вес (%) ответов студентов г. Сургута на вопрос «Сколько времени в среднем Вы проводили за компьютером в период дистанционного обучения?»

Условия жизни современного человека диктуют необходимость постоянного поддержания бодрости и высокого уровня alertности (готовности к действию) большую часть времени суток [5, с. 157]. Освещенность городов, выполнение работы в ночное время нарушает гигиенические требования к режиму сна и бодрствования. В ходе исследования 49% студентов отметили, что в период дистанционного обучения было тяжелее соблюдать режим сна, 26% обучающихся, напротив, стало легче соблюдать гигиену сна, а 25% отмечают, что дистанционное обучение никак не повлияло (рис. 4).

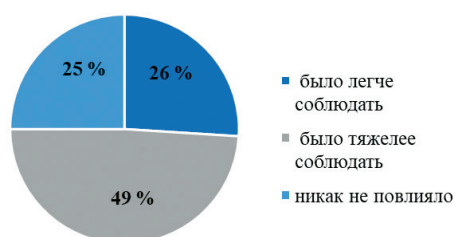

Рис. 4. Удельный вес (%) ответов студентов г. Сургута на вопрос «Как повлияло дистанционное обучение на Ваш режим сна по сравнению с обучением в очном режиме?»

Пребывание на свежем воздухе благоприятно сказывается на общем самочувствии человека, является одним из методов профилактики перенапряжения, эмоциональной усталости, улучшая микроциркуляцию головного мозга за счет достаточного поступления кислорода, способствуя поддержанию хорошего настроения и бодрости. По результатам полученных данных, на свежем воздухе больше времени стали проводить в период дистанционного обучения 18% обучающихся, 28% отмечают, что, в данный период меньше времени находились на свежем воздухе, а 25%, по результатам опроса, практически не выходили из дома (рис. 5).

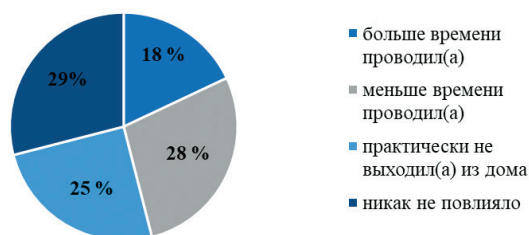

Рис. 5. Удельный вес (%) ответов студентов г. Сургута на вопрос «Как изменилось время пребывания на свежем воздухе в период дистанционного обучения?»

Одним из положительных сторон дистанционного образования, как отметили опрошенные студенты, являлось отсутствие необходимости траты времени на дорогу, питание дома, а не в столовой, не нужно тратить средства на прочие организационные вопросы. Рассматривая полученные результаты, выяснилось, что у 50% обучающихся в период дистанционного обучения появилось больше свободного времени для выполнения домашних занятий, для 37% студентов, напротив, времени больше не появилось, а 13% указали, что дистанционное обучение никак не повлияло.

Безусловно, в выборе наиболее эффективной траектории образовательного процесса в высшей школе, необходимо учитывать мнение студента, которое иногда остается недооцененным и незамеченным.

Анализируя полученные данные, выяснилось, что 58% студентов относятся к дистанционному обучению нейтрально, 15% негативно, а 27% положительно (рис. 6). По результатам полученных данных, 50% опрошенных лиц указывают, что лекционный материал легче воспринимается в режиме онлайн, а учебный материал на семинарах легче усваивается в подобном формате 30% обучающимся.

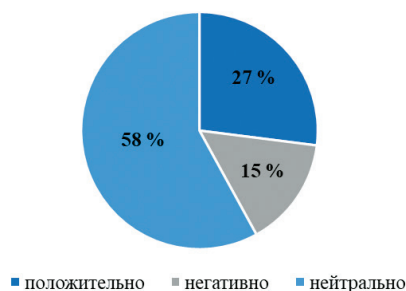

Рис. 6. Удельный вес (%) ответов студентов г. Сургута на вопрос «Как Вы относитесь к дистанционному обучению?»

В реализации учебного процесса при дистанционном обучении студенту приходится быть наиболее внимательным, скрупулезным и ответственным в планировании своего времени [8, с. 224]. В период дистанционного обучения 33% студентов указывают, что учиться стало легче, для 35% обучение в режиме онлайн давалось сложнее, а 32% указывают, что данное обучение никак не повлияло на их успеваемость (рис. 7). Среди опрошенных студентов, 44% указали, что продуктивность их обучения при дистанционном обучении снизилась, для 34% дистанционное образование не повлияло на качество их обучения, а для 22% данный вопрос является нейтральным.

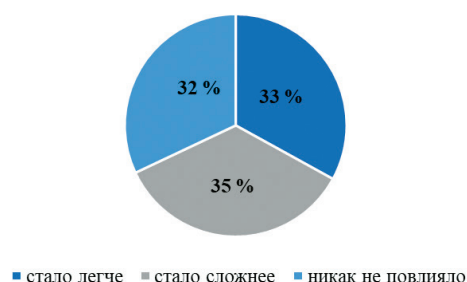

Рис. 7. Удельный вес (%) ответов студентов г. Сургута на вопрос «Как повлияло дистанционное обучение на вашу успеваемость по сравнению с очным режимом обучения?»

Доверительные взаимоотношения между преподавателями и студентами являются движущими факторами в построении наиболее качественного образовательного процесса, характеризующийся достижением высокого уровня вовлеченности и заинтересованности обучающихся в своей успеваемости и добросовестном изучении учебного материала, что играет весомую роль в формировании будущих, компетентных в своей области, специалистов. Рассматривая вопрос коммуникации между педагогами и студентами, выяснилось, что 77% учащихся в высшей школе регулярно получают обратную связь от преподавателей. Взаимодействовать с преподавателем в режиме онлайн легче для 20% обучающихся, 35% тяжелее, а 45% студентов относятся к данному вопросу нейтрально. Большая часть опрошенных лиц (60%) отметили, что для них важно живое общение с педагогами, одногруппниками, 17% не видят в этом необходимости, а 23% к вышестоящей проблеме относятся нейтрально.

Развитие самообучения субъекта образования (студента вуза) является ответом на вызовы инновационной цивилизации [12, с. 3]. По данным нашего исследования, самообучение дается легко для 23% студентов, тяжелее самостоятельно организовать свой рабочий процесс 25% студентам, а 52% относятся к вопросам самоорганизации нейтрально. Причинами сложностей в отношении самообучения являются, по результатам опроса, отсутствие самодисциплины, недостаточная организация со стороны студента, низкий уровень ответственности. Выявление особенностей мотивации студентов позволяет объяснить выбор между различными возможными действиями, вариантами восприятия и возможными содержаниями мышления [14, с. 897]. Более чем у 40% юношей и девушек, исходя из результатов опроса, снизился уровень мотивации, связанной с получением образования, а 23% считают, что дистанционное обучение никак не повлияло на стремление получения знаний в университете (рис. 8).

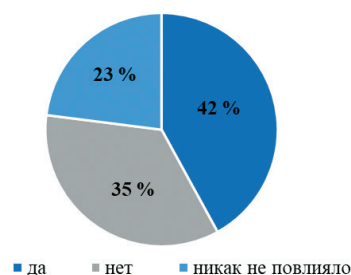

Рис. 8. Удельный вес (%) ответов студентов г. Сургута на вопрос «Снизился ли у Вас уровень мотивации в период дистанционного обучения?»

Некоторые студенты дали свои личные комментарии по поводу дистанционного обучения: «легче воспринимать информацию от преподавателей», «есть необходимость в объяснении материала», «стресс», «очень много приходится читать самому и разбираться в этом», «преподаватели задают больше, чем в офлайн», «слишком много заданий, которые не всегда понятны и не всегда возможно связаться с преподавателем», «невосприимчивость к информации, перенапряжение и невозможность усвоения знаний», «сложно понимать темы», «не хватает живого контакта с преподавателем, «объяснение «с глаза на глаз» воспринимается легче», «это как будто тебя бросили на произвол судьбы, и ты сам должен учить все учебные материалы», «многим преподавателям сложно дается такой формат обучения», «преподаватели меньше времени уделяют студентам». Большинство студентов отметили, что сложность заключается в значительно возросшем объеме заданий.

Таким образом, характер учебной деятельности в период дистанционного образования и связанные с ней нагрузки, сама организация образовательного процесса в период пандемии являются ведущими факторами, определяющими образ жизни современного студенчества [1, с. 3].

ВЫВОДЫ. Анализируя вышеописанные ответы студентов северного вуза, мы установили, что ведущими качествами у студентов для продуктивного дистанционного обучения являются, прежде всего, высокий уровень самоорганизации и наличие у обучающихся внутренней мотивации, поскольку ответственность за освоение значительной части учебной программы остается за студентами. В этой связи существенно возрастает психоэмоциональная и умственная нагрузка у молодых людей [14, с. 898]. Опираясь на полученные сведения об образе жизни студентов при дистанционном обучении выявлено, что значительному количеству студентов в данных условиях тяжело соблюдать режим сна, сохранять на высоком уровне двигательную активность, проводить достаточное время на свежем воздухе. Существенное воздействие на состояние здоровья обучающихся оказывает длительная работа за компьютером. В результате продолжительной деятельности за компьютером вкупе с низкой двигательной активностью, неоспоримо возрастает нагрузка на функциональное состояние и общее самочувствие обучающихся. Установлено, что для многих студентов огромную роль в процессе обучения играет коммуникация с преподавателями, одногруппниками.

В связи с вышеизложенным, необходимо разработать здоровьесформирующие программы, предусмотренные для использования при дистанционном формате обучения, направленные на снижение негативных воздействий на состояние здоровья студентов северного вуза, проводить профилактические мероприятия с целью сохранения здоровья обучающихся. Следует разработать ряд гигиенических мероприятий, осуществляющихся в режиме онлайн, которые включают в себя упражнения, снижающие нагрузку на зрительный анализатор и костно-мышечный аппарат, проводить мероприятия на свежем воздухе, внедрить дополнительные занятия по физической культуре в очном и онлайн режиме. Кроме того, необходимо осуществлять мониторинг психоэмоционального состояния студентов с применением современных технологий, а также проводить обучающие тренинги и вебинары с целью развития компетенций, необходимых для студентов высшей школы на сегодняшний день, первостепенными из которых являются самоорганизация, самодисциплина, навыки коммуникации, гибкость, стрессоустойчивость. При осуществлении образовательного процесса в университете с использованием дистанционной формы следует учитывать временные затраты, необходимые студентам для освоения учебного материала; внедрять разнообразные способы, методы формирования и удержания мотивации к учебной деятельности; осуществлять контроль за психоэмоциональным состоянием и уровнем психической нагрузки обучающихся.

Литература

1. Агаджанян Н.А., Радыш И.В. Качество и образ жизни студенческой молодежи // Экология человека. 2009. № 5. С. 3–8.
2. Антонова Л.Ю. Хобби как средство культурной интеграции молодежи // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 6. С. 253–257.
3. Ильканич А.Я., Поборский А.Н., Лопацкая Ж.Н. Современные образовательные инструменты в высшей медицинской школе // Тенденции развития науки образования. 2019. № 47–5. С. 47–51.
4. Клячко Т.Л., Новосельцев А.В., Одоевская Е.В., Синельников-Мурылев С.Г. Уроки пандемии коронавируса и возможное изменение механизма финансового обеспечения деятельности вузов // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 8–30.
5. Ковальзон В.М., Дорохов В.Б. Цикл бодрствование-сон и биоритмы человека при различных режимах чередования светлого и темного периода суток // Журнал научных статей здоровье и образование в XXI веке. 2013. № 1–4. С. 151–162.
6. Кучма В.Р., Ткачук Е.А., Тармаева И.Ю. Психофизиологическое состояние детей в условиях информатизации их жизнедеятельности и интенсификации образования // Гигиена и санитария. 2016. Т. 95. № 12. С. 1183–1188.
7. Литовченко О.Г., Литвинова Н.С., Кошкарлова Н.И., Тостановский А.В. Образ жизни студентов как фактор здоровьесбережения // Образовательный вестник Сознание. 2021. Т. 23. № 11. С. 20–29.
8. Михайленко В.А., Сивцова А.В. Отношение студентов к дистанционному обучению // Вестник молодежной науки Алтайского государственного аграрного университета. 2020. № 1. С. 223–226.
9. Петракова А.В., Канонир Т.Н., Куликова А.А., Орел Е.А. Особенности психологического стресса у учителей в условиях дистанционного преподавания во время пандемии COVID 19 // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 93–114.
10. Rogozin D.M. Представления преподавателей вузов о будущем дистанционного образования // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 31–51.
11. Терентьев Е.А., Захарова У.С. «Это работает!»: переход на удаленный режим работы и дистанционное обучение в оценках преподавателей российских университетов // Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии. М.: НИУ ВШЭ. 2020. С. 67–79.
12. Углова А.Б., Королева Н.Н., Богдановская И.М. Личностные факторы отношения студентов к дистанционной форме обучения // Письма в Эмиссия. Офлайн. 2020. № 10. С. 2883.
13. Шибкова Д.З., Байгужин П.А., Герасев А.Д., Айзман Р.И. Влияние технологий цифрового обучения на функциональные и психофизиологические ответы организма: анализ литературы // Science for education today. 2021. № 3. С. 125–141.
14. Яковлев Б.П., Коваленко Л.А., Вязовкин С.В. Психическая нагрузка в системе высшего профессионального образования // Фундаментальные исследования. 2013. № 10–4. С. 896–898.
15. Hiep-Hung Pham, Tien-Thi-Hanh Ho Toward a 'New Normal' with e-Learning in Vietnamese Higher Education during the Post COVID 19 Pandemic // Higher Education Research & Development. 2020. Vol. 39. Iss. 7. P. 1327–1331.

REFERENCES

1. Agadzhanian N.A., Radysh I.V. *Kachestvo i obraz zhizni studencheskoj molodezhi* [Quality and lifestyle of student youth] // *Ekologiya cheloveka*. 2009. No. 5. S. 3–8. (In Russian).
2. Antonova L.Yu. *Hobbi kak sredstvo kul'turnoj integracii molodezhi* [Hobbies as a means of cultural integration of youth] // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. No. 6. S. 253–257. (In Russian).

3. Ilkanich A.Ya., Poborsky A.N., Lopatskaya Zh.N. *Sovremennye obrazovatel'nye instrumenty v vysshej medicinskoj shkole* [Modern educational tools in higher medical school] // *Tendencii razvitiya nauki obrazovaniya*. 2019. No. 47-5. S. 47-51. (In Russian).
4. Klyachko T.L., Novoseltsev A.V., Odoevskaya E.V., Sinelnikov-Murylev S.G. *Uroki pandemii koronavirusa i vozmozhnoe izmenenie mekhanizma finansovogo obespecheniya deyatel'nosti vuzov* [Lessons from the coronavirus pandemic and a possible change in the mechanism of financial support for the activities of universities] // *Voprosy obrazovaniya*. 2020. No. 1. S. 8-30. (In Russian).
5. Kovalzon V.M., Dorokhov V.B. *Cikl bodrstvovanie-son i bioritmy cheloveka pri razlichnyh rezhimah cheredovaniya svetlogo i temnogo perioda sutok* [The cycle of wakefulness-sleep and human biorhythms under different regimes of alternating light and dark periods of the day] // *Zhurnal nauchnykh statej zdorov'e i obrazovanie v XXI veke*. 2013. No. 1-4. S. 151-162. (In Russian).
6. Kuchma V.R., Tkachuk E.A., Tarmaeva I.Yu. *Psihofiziologicheskoe sostoyanie detej v usloviyah informatizacii ih zhiznedeyatel'nosti i intensifikacii obrazovaniya* [Psychophysiological state of children in the conditions of informatization of their life activity and intensification of education] // *Gigiena i sanitariya*. 2016. T. 95, No. 12. S. 1183-1188. (In Russian).
7. Litovchenko O.G., Litvinova N.S., Koshkarova N.I., Tostanovskiy A.V. *Obraz zhizni studentov kak faktor zdorov'esberezheniya* [The way of life of students as a factor of health saving] // *Obrazovatel'nyj vestnik Soznanie*. 2021. V. 23. No. 11. S. 20-29. (In Russian).
8. Mikhailenko V.A., Sivtsova A.V. *Otnoshenie studentov k distancionnomu obucheniyu* // [Attitude of students to distance learning] // *Vestnik molodezhnoj nauki Altajskogo gosudarstvennogo agramogo universiteta*. 2020. V 1. S. 223-226. (In Russian).
9. Petrakova A.V., Kanonir T.N., Kulikova A.A., Orel E.A. *Osobennosti psihologicheskogo stressa u uchitelej v usloviyah distancionnogo prepodavaniya vo vremya pandemii COVID 19* [Peculiarities of psychological stress among teachers in distance teaching during the COVID 19 pandemic] // *Voprosy obrazovaniya*. 2020. No. 1. S. 93-114. (In Russian).
10. Rogozin D.M. *Predstavleniya prepodavatelej vuzov o budushchem distancionnogo obrazovaniya* // [Representations of university teachers about the future of distance education] // *Voprosy obrazovaniya*. 2020. No. 1. S. 31-51. (In Russian).
11. Terentiev E.A., Zakharova U.S. «*Eto rabotaet!*»: *perekhod na udalennyj rezhim raboty i distancionnoe obuchenie v ocenkah prepodavatelej rossijskih universitetov* // ["It works!": the transition to remote work and distance learning in the assessments of teachers of Russian universities] // *Shtorm pervyh nedel': kak vysshee obrazovanie shagnulo v real'nost' pandemii*. NRU HSE. 2020, S. 67-79. (In Russian).
12. Uglova A.B., Koroleva N.N., Bogdanovskaya I.M. *Lichnostnye faktory otnosheniya studentov k distancionnoj forme obucheniya* // [Personal factors of students' attitude to distance learning] // *Pis'ma v Emissiya. Offlajn*. 2020. No. 10. S. 2883. (In Russian).
13. Shibkova D.Z., Baiguzhin P.A., Gerasev A.D., Aizman R.I. *Vliyanie tekhnologij cifrovogo obucheniya na funkcional'nye i psihofiziologicheskie otvety organizma: analiz literatury* [The impact of digital learning technologies on functional and psychophysiological responses of the body: literature analysis] // *Science for education today*. 2021. No. 3. S. 125-141. (In Russian).
14. Yakovlev B.P., Kovalenko L.A., Vyazovkin S.V. *Psihicheskaya nagruzka v sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniya* // [Psychic load in the system of higher professional education] // *Fundamental'nye issledovaniya*. 2013. No. 10-4. S. 896-898. (In Russian).
15. Hiep-Hung Pham, Tien-Thi-Hanh Ho *Toward a 'New Normal' with e-Learning in Vietnamese Higher Education during the Post COVID 19 Pandemic* // *Higher Education Research & Development*. 2020 Vol. 39. Iss. 7. P. 1327-1331. (In English).

РАЗДЕЛ 2. СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

SECTION 2. SOCIOLOGY OF SOCIAL GROUPS AND IDENTITY ISSUES

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.012

УДК 94(571.122)''1985/1990''

ББК 63.3(253.3)634-7

**М.К. ЧУРКИН УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ
И ИДЕНТИЧНОСТИ СОВЕТСКИХ
БЕБИ-БУМЕРОВ В ПОХУ «ПОЗДНЕГО
СОЦИАЛИЗМА» (НА МАТЕРИАЛАХ
ИНТЕРВЬЮ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НАУЧНО-
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА ОМГПУ)**

**M.K. CHURKIN CONDITIONS AND FACTORS FOR
THE FORMATION OF PROFESSIONAL
ORIENTATION AND IDENTITY
OF SOVIET BABY BOOMERS IN THE ERA
OF «LATE SOCIALISM» (BASED ON INTERVIEWS
WITH REPRESENTATIVES OF THE SCIENTIFIC
AND EDUCATIONAL COMMUNITY OF THE OMSK
STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY)**

В статье, на материалах полуструктурированного глубинного интервью с представителями научно-образовательного сообщества ОмГПУ, выявляются факторы, условия и социокультурный контекст, оказавшие влияние на выбор профессии, личностное становление и формирование мировоззрения поколения советских беби-бумеров в студенческий период жизненной биографии. Установлено, что идентичность сообщества, в отличие от сходных процессов у предшествующих поколений, формировалась в относительно спокойной атмосфере политического и культурного «обновления» СССР. В результате межпоколенческой коммуникации беби-бумеры достигли коммуникативного согласия в сфере референций, что проявилось в «эластичности» стандартов существования, высокой мотивации достижения и адаптивного потенциала, направленного на обеспечение ограниченного, но приемлемого в заданных условиях жизненного комфорта.

In the article, based on the materials of a semi-structured in-depth interview with representatives of the scientific and educational community of the OmSPU, the factors, conditions and sociocultural context that influenced the choice of profession, personal development and the formation of the worldview of the generation of Soviet baby boomers in the student period of life biography are revealed. It has been established that the socio-cultural and political identity of the community, in

contrast to similar processes in previous generations, was formed in a relatively calm atmosphere of political and cultural "renewal" of the USSR. As a result of intergenerational communication, baby boomers have reached a communicative agreement in the sphere of references, which manifested itself in the "elasticity" of living standards, high achievement motivation and adaptive potential aimed at providing limited, but acceptable life comfort in the given conditions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научно-образовательное сообщество, поколение беби-бумеров, студенческий период биографии, социокультурная и политическая идентичность

KEY WORDS: scientific and educational community, baby boomer generation, student biography, sociocultural and political identity

ВВЕДЕНИЕ. По определению известного экономиста и демографа Н. Хоува и историка В. Штрауса, социальное поколение — это совокупность людей, рожденных в один двадцатилетний период и обладающих тремя общими критериями: возрастное положение в истории, что подразумевает под собой переживание одних и тех же исторических событий в примерно одинаковом возрасте, общие, единые верования и модели поведения и ощущение причастности к данному поколению [7]. Л. Клейн, реагируя на это определение, справедливо уточнял, что только лишь демографическое понимание поколений бесполезно для рассмотрения развития науки и, с точки зрения социального анализа, перспективно в поколении видеть круг деятелей, формирование которых происходило в одинаковых исторических обстоятельствах, в один и тот же сравнительно короткий период между двумя заметными социально-политическими событиями [10, с. 102]. А. Ватлин, опираясь на поколенческий подход У. Юрайт, пишет: «Применительно к историческим оценкам это не только то, о чем предпочитают вспоминать или забывать, но и то, каким образом вспоминают. Подобно беседе со случайно встреченными земляками, с представителями своего поколения вы столь же быстро найдете общую тему для разговора. Вы можете соглашаться или спорить с ними о прошлом далеком или пережитом, но в любом случае вы будете разговаривать «на одной волне»» [4].

В данной связи, актуальность проблемы, связанной с профессиональным выбором представителей научно-образовательного сообщества поколения беби-бумеров, соотносится с опытом реконструкции политической и социокультурной идентичности группы и предполагает воссоздание идейно-политического контекста эпохи, образа жизни, форм коммуникации, дискурса, стратегий и практик социального поведения человека «второго плана» в истории второй половины «короткого» XX века. Приращение нового научного знания достигается посредством репрезентации истории послевоенного советского (российского) поколения, рассказанной его собственными словами, что позволяет осваивать сюжеты профессионального самоопределения в контексте социальной адаптации сообщества в обстоятельствах периодов максимального «подъёма» и кризиса политической системы СССР, тем самым исследовать границы между политическим, личным и профессиональным в жизни беби-бумеров. В основе исследовательской «оптики» проблемы поколенческой идентичности и её воплощений на разных стадиях биографии сообществ в западном научном знании являлся междисциплинарный подход, что предопределило включение в дискурс представителей разных областей знания: социологов, социальных философов, политологов, историков, литературоведов, психологов, психоаналитиков. Учёными установлено, что индивидуальная память человека всегда имеет под собой прочный социальный фундамент, поскольку воспоминания возможны лишь в обстоятельствах постоянной коммуникации: пространственного контакта, интерактивности, взаимного речевого сообщения, что в конечном итоге способствует конструированию поля совместных воспоминаний [1]; [16].

Данный подход был востребован и современной российской наукой, внёсшей значительный вклад в обсуждение дискуссионных вопросов политической и социокультур-

ной идентичности локально-профессиональных сообществ и социальных групп [8]; [11]; [12]; [15].

Однако в отечественном гуманитарном поле фактически отсутствуют исследовательские проекты, в центре внимания которых находятся проблемы политической и социокультурной идентичности научно-образовательных сообществ, как реально действующего актора поколения (беби-бумеры), что открывает видимые перспективы через обращение к современным исследовательским подходам, практикам, методам осуществить конструирование их представлений о мироустройстве и судьбах страны, ценностях собственной личности, своей и сопредельных групп на разных этапах биографий, в том числе — в стартовый период профессионального становления. Состояние исследований в означенной области, определило цель статьи: раскрыть условия и факторы формирования профессиональной ориентации и идентичности советских беби-бумеров в годы «позднего социализма», по времени совпадавшего со студенческим периодом биографии поколения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе организации исследования, был определён круг участников научного сообщества ОмГПУ, представляющих поколение беби-бумеров. Выступить в качестве респондентов выразили согласие 11 преподавателей факультета истории, философии и права университета, в числе которых — 8 кандидатов и 3 доктора наук в области гуманитарного знания. Исследовательской группой была составлена программа устного собеседования, в основе которой располагался метод глубинного полуструктурированного интервью, которое предполагало общий перечень вопросов и специфических тем, допускающих для интервьюера и интервьюируемых определённую свободу действий при формулировке ответов. Общей стратегией интервью являлось выявление коллективного жизненного опыта и сходных реакций на вызовы времени в результате профессиональной коммуникации. Тактикой, применительно к заявленной в статье проблеме, определено вчитывание в дискурс воспоминаний и установление факторов, условий и социокультурной атмосферы периода «позднего социализма», оказавших влияние на выбор профессии, личностное становление и мировоззрение сообщества в студенческий период.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. Формирование системы нравственных ценностей, социокультурной и политической идентичности научно-образовательного сообщества ОмГПУ как части поколения беби-бумеров происходило в широком временном диапазоне конца 1940-х — начала 1990-х гг., в рамках особого социокультурного фона, рельефными признаками которого являлась с одной стороны — память о прошедшей Великой Отечественной войне, транслируемая и поддерживаемая непосредственными её участниками — фронтовиками, с другой — крах СССР, внесший существенные коррективы в социальные практики, представления и карьерные перспективы группы. В процессе обработки и анализа фрагментов воспоминаний респондентов о выборе профессии, личностном становлении и мировоззрении беби-бумеров в студенческие годы, безусловно, принималось во внимание, что процесс профессиональной ориентации и вхождения человека в ту или иную социальную «нишу» является сложным и обусловленным многими факторами, к числу которых относится влияние семьи и межпоколенческой коммуникации, а также социализирующей среды (образовательные учреждения, улица, государство).

Общезвестно, что мировоззрение человека формируется постепенно и подвержено изменениям на протяжении всей жизни, при этом важным маркером мировоззрения является его историчность. В данном отношении, во-первых, движение беби-бумеров к профессиональному самоопределению, реализовывалось в коммуникативном пространстве трёх поколений, взаимодействующих в послевоенный период (GI, «молчаливое поколение», сверстники). В процессе интервью было установлено, что этос беби-бумеров формировался при непосредственном участии и вследствие культурного воздействия предста-

вителей поколения GI (поколение победителей), родившихся в конце XIX — начале XX вв. и взрослевших в катастрофических условиях революций, войн и социальных экспериментов. В рамках советской репрессивно-карательной системы представители поколения GI выбрали такие стратегии поведения адаптации к существованию в стране «отсроченного счастья» [14, с. 28], которые позволили им реализовывать два основных сценария: трансляция опыта выживания в экстремальных условиях и культуртрегерство, адресованные не детям (молчаливому поколению, сформированному в советской системе), а внукам (беби-бумерам), интенсивное общение с которыми в период 1950-х-1960-х гг. при производственной занятости родителей, становится важным воспитательным и обучающим сюжетом реальности. Можно согласиться с мнением В.П. Бранского и С.Д. Пожарского, полагающих, что в поколенческой системе координат часто возникают ситуации отказа детей от идеала отцов в пользу идеала дедов, с последующей их модификацией с учётом новых условий [2, с. 17]. В ходе предварительных бесед с беби-бумерами выяснилось, что подавляющая часть респондентов (8 из 11) упоминают в своих рассказах о контактах с бабушками и дедушками. При этом 4 интервьюируемых (32%) утверждают, что их коммуникация с представителями GI-поколения имела значимый воспитательный и образовательный эффект [9, с. 103–104].

Во-вторых, с окончанием Великой Отечественной войны начинается восстановительный этап образовательной сферы в СССР, в рамках которого реализуется социальная политика государства. В середине 1950-х гг. была упразднена система раздельного обучения в школах по гендерному признаку (1954 г.), отменена плата за обучение в старших классах средних школ и в высших и средних специальных учебных заведениях (1956 г.). К 1963 г. было введено повсеместное обязательное восьмилетнее образование. В результате образовательной политики СССР 1950-х — начала 1960-х гг., ставшей своеобразным фоном становления поколения беби-бумеров, в стране увеличилось число молодёжи с законченным средним образованием. В 1958 г. среднюю школу окончило 1 600 тысяч человек, а в вузы было принято 456 тысяч [6]. Таким образом, лишь часть молодых людей, окончивших среднюю школу, могли поступить в вузы или техникумы, что способствовало не только повышению уровня качества набора в институты и университеты, но и росту престижности высшего образования. О возросшем качестве школьного образования, особенно в городах, респонденты сообщают следующее: «В институте проявился недостаток знаний: из школ приходили с высоким уровнем подготовки» [ЧК, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 9.05.2021. Интервьюеры (здесь и далее): М.К. Чуркин, Н.И. Чуркина, Е.Ю. Навойчик, Е.В. Черненко]; «На 1 курсе чувствовал себя пришибленным, так как городские были значительно сильнее» [МИ, муж., 1947 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021].

Контекстуально значимыми для выбора профессии представителями поколения беби-бумеров, стали события в СССР, начало которым было положено решениями XX съезда КПСС 1956 г., поскольку в рамках курса общественно-политической либерализации важные действия предпринимались в сфере организации работы средних общеобразовательных школ. Один из таких факторов — курс на усиление роли преподавания истории в школе. На основании Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 октября 1959 г. вводился новый порядок изучения учащимися разделов истории в школе от эпизодических рассказов по истории СССР в 4 классе к элементарному курсу истории Древнего Мира, Средневековья в 5–6 классах и элементарному курсу истории СССР в 5–8 классах, дополненному сведениями по новой и новейшей зарубежной истории и освоению систематических курсов истории СССР, новой и новейшей истории зарубежных стран в старшем школьном возрасте. Документ предполагал подготовку и издание новых учебников по истории, соответствующих новому порядку, при том «написанных ярко и убедительно»,

а также повышение контроля за качеством преподавания истории и Конституции СССР в школе, что требовало оказания систематической помощи учителям истории в повышении их теоретических знаний, постоянного повышения квалификации педагогов и допуска к преподаванию истории и других гуманитарных дисциплин только лиц с высшим профессиональным образованием [13]. Респонденты, отвечая на вопросы, связанные с интересом к школьным дисциплинам, согласованно подтверждают свою гуманитарную направленность и, наряду с влиянием семейного окружения, отмечают воздействие учителей-предметников: «В школе любил геометрию, литературу, историю» [ФД, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021]... На философское мировоззрение повлияли беседы с папой. От детской бессонницы порекомендовали гулять с ребенком. Гуляли по вечерам. Говорили о звездах, вселенной, первых людях и т.д. Папа рассказывал о Дарвине в том числе. Еще по дороге решали задачки по физике и математике. Говорили на равных как со взрослым человеком. Без снисходительности [КЛ, жен., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 22.05.2021]... Одинаково хорошо шли все предметы. Каждый новый предмет (астрономия, физика) вызывали интерес. Очень верил в советские идеалы. Математика шла очень хорошо. Но был большой интерес к общественной жизни, поэтому хотел пойти в военно-политическое училище, по идеологической части [КА, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021]... Любимые предметы: в старших классах — история. Вел директор школы, бывший военный... Я знал больше, чем другие. Знал хорошо содержание учебника истории и обществоведения. Задавал вопросы. Директор откровенно отвечал. Если ошибался, признавал свои ошибки [МИ, муж., 1947 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021]... Почему полюбил историю? В 9 классе пришла Элла Петровна. Красавица. Ставила коленку на стул, когда рассказывала. И все смотрели на нее. Ходил на 10-летие в подписные издания (книжный магазин в г. Омске, расположенный на улице 10 лет Октября) «как на работу». В том числе купил Некрича — историка и история увлекла [КБ, муж., 1947 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021].

Непосредственное включение интервьюируемых беби-бумеров в пространство высшего гуманитарного образования происходило в середине 1960-х — начале 1970-х гг. — период завершения либерализации страны и консервации общественно-политического уклада жизни советского социума эпохи «развитого социализма». По мнению философа и социолога Д.Г. Горина «Хронотоп культуры 1970-х годов определялся ситуацией политического двоемыслия. Обстановка вынуждала многих думающих представителей поколения «семидесятников» скрывать свое истинное отношение к деградирующему режиму. Романтизм и вера в человека сменились конформизмом и социальным пессимизмом, чему в немалой степени способствовала переориентация экономики с инновационного развития на сырьевой путь» [5].

Корректирующее воздействие на воспоминания беби-бумеров не могла не оказывать специфика организации гуманитарного образования в СССР (в большей степени исторического, в меньшей — философского), мобилизующая политическую лояльность членов научно-образовательного сообщества к правящему режиму, что становилось элементом конвенционального поведения и фиксировалось в сознании и памяти научно-образовательного сообщества как сегмента поколения.

По констатации Т.А. Булыгиной, с середины 1960-х годов складывается единая система изучения общественных наук в высших учебных заведениях, включающая историю КПСС, политическую экономию капитализма и социализма, марксистско-ленинскую философию и научный коммунизм. Необходимо также принимать во внимание, что в соответствии с советской концепцией высшего образования вузы ориентировались не только на подготовку квалифицированного специалиста, но и воспитание преданного советскому строю гражданина, что выводило на первый план организацию воспитательной работы со

студентами. На законодательном уровне именно в конце 1960-х гг. был принят ряд важных правительственных решений в данном русле [3, с. 114].

Очевидно, что эскалация нормативно-правового и делопроизводственного дискурса воспитания в СССР второй половины 1960-х-начала 1970-х гг. свидетельствовала об укреплении авторитарных тенденций в обществе и стремлении советской партийно-государственной номенклатуры поставить под жесткий идеологический контроль деятельность высшей школы, что влекло за собой и определённые коррективы в выборе стратегий поведения студентов — представителей поколения беби-бумеров.

Можно предположить, что молодёжь, формирующаяся в этот период, была вынуждена существовать в двух системах координат: официально декларируемых ценностей и неофициальных практик, обеспечивавших нормальную жизнедеятельность и выживание. Необходимо также учитывать и психологические особенности человека в средний и поздний юношеский периоды (17-22 год). По утверждению психологов, в юношеском возрасте сужается и окончательно исчезает поле психологической зависимости от взрослых, формируется новая идентичность как результат насыщенной коммуникации со сверстниками [9]. Для социального поведения молодого человека характерна повышенная эмоциональность, а представления об окружающем мире окрашены в позитивные тона. Интервьюируемые, вспоминая о времени поступления в вуз, отмечали некоторую периферийность политических вопросов в своей жизни: «Перемены в стране не были заметны» [ЧК, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 9.05.2021]; «О переменах читал задним числом. Волны либерализации не заметил» [ЛВ, муж., 1949 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 19.05.2021]; «1959-1968 гг., до поступления — очень насыщенные годы в истории страны. Я считал, что эта насыщенность — норма (имеется в виду густота политических событий)» [МА, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 26.06.2021]; «Вообще не помню никаких «оттепельных» явлений. Играл в футбол, о прочем думал мало» [КА, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021].

Весьма характерной представляется акцентуация в воспоминаниях беби-бумеров чисто бытовых, повседневных сюжетов студенческого времени, вполне совпадающих с партийно-правительственными программами воспитательной работы в вузах, в том числе посредством вовлечения студенчества в производственную деятельность: «Очень хороший, уникальный курс. Все сдружились на уборочной. Очень много субботников. Ходили с удовольствием» [КА, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021]; «Студенческая жизнь была умеренно-бурная. Во-первых, были сельхозработы. 1 сентября приходил на собрание, а потом ездили на картошки-капусты. На первом курсе нас вывезли на уборочную надолго до белых мух, а дальше возили каждый день. Было после уборочной сплочение коллектива, мы перезнакомились, потом все перемешались. Никакого негатива к этим делам у меня не было» [ФД, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021].

Вместе с тем, поведенческие стратегии и практики беби-бумеров в студенческий период можно оценивать с позиции, предложенной социологом А. Юрчаком, трактующим данное состояние социального согласия как «внеаходимость», которая реализуется в дистанцировании субъекта и целых социальных сред как от политического дискурса государства, так и от политической активности оппозиции [18, с. 26].

Дистанцирование в бытовой сфере предметно проявилось у поколения беби-бумеров в период социального взросления и инкорпорации в научно-образовательное сообщество и выразилось в способности абстрагироваться от материальных трудностей, а также самостоятельно выбирать и расставлять приоритеты в пользу конструирования профессиональной карьеры. Интервьюируемые, оценивая опыт включения в профессиональную корпорацию, подчёркивают самостоятельность выбора и, в основном, согласованно свидетельствуют: «Выбор был совершенно бездарный. Папа умер, когда я учился в 8 классе

(1968 год), поэтому подсказать мне уже не мог, но всегда говорил, что выбирать нужно серьезную профессию. Интересовали история и литература. На филфак поступали одни девчонки, по истории для меня всегда были проблемой даты (не мог и не могу запомнить). Я выбрал ближайший к дому вуз — Транспортный, поступал на факультет с самым большим конкурсом [ФД, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021]; «Я закончил техникум с красным дипломом и сдал один экзамен на «отлично», приехав в Томск во время короткого армейского отпуска...» [МА, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 26.06.2021]; «Сразу был настроен на службу в армии. Захотел сам. Книги военные повлияли. Хотел в пограничное училище после пойти. Служил три года — два в Москве. В музей — Третьяковку и Исторический ходил постоянно. Командир роты, участник войны отсоветовал ему идти в пограничное училище» [КБ, муж., 1947 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021]; «Поступила в университет не сразу. Вместо поступления были «дружески-любовные» приключения, что полностью переключило сознание, не могла сосредоточиться... Начальник предложил поступать в Ленинград на перспективную специальность с ЭВМ, давали целевое направление, даже сдав на «3», можно было поступить. Но я не отказалась от мечты. Поступила в двадцать лет. Закончила в двадцать пять» [КЛ, жен., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 22.05.2021].

Навыки существования в обстоятельствах секвестированного комфорта послевоенного времени позволяли беби-бумерам рассматривать житейские трудности как объективный фон, не могущий быть серьёзным препятствием в профессиональной реализации. Неприязнательность быта, по свидетельствам интервьюируемых, сопровождала их на протяжении всего цикла включения в научно-образовательное сообщество: «...собирались на квартирах или за ТЭЦ на месте слияния Оми и Иртыша (можно было выпить, закусить, поговорить). Библиотека была самым «тусовочным» местом... Жили хорошо и дружно, много разговаривали» [ЧК, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 9.05.2021]; «Парни серьезно работали в стройотряде. Мы строили элеватор. Девушки у нас по-черному ездили проводницами на Ташкент, все лето... Единственное, что сдерживало — это недостаток средств. Финансово и семья, и я жили не шибко... Но внутренний голос мне громко говорил, что надо решать основную задачу, чем я и занимался» [ФД, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021]; «Материально жили средне. Не всегда хватало денег. Отпуск проводили в Красноярске в щитовых домиках» [КА, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021]; «Питание в семье было обычное, советское. Без особых разносолов и вкусностей. Суп, картошка, рыба. Иногда котлета» [СО, муж., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021]; «В бытовом отношении чувствовал себя комфортно, поскольку там, где я вырос, все жили очень скромно. Ничего особенного в очередях и дефиците товаров не видел. Мы не голодали» [ЛВ, муж., 1949 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 19.05.2021]; «Поступила в университет. Общежитие не дали, так как в семье был доход, который не давал основания для получения места. Сначала жила у сестры на 1 курсе. Потом — комната в квартире на 2-х в доме у двух татарок. Топили печь. Опыт «бездомья» [КЛ, жен., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 22.05.2021].

Состояние «внеаходимости» как условие формирования социокультурной и политической идентичности гораздо сложнее проявлялось во внебытовых, неофициальных практиках повседневности, сопровождавших включённость в образовательный процесс. Эта сложность определяется целым рядом обстоятельств.

Безусловно, интервьюируемые принадлежат к одному поколению, но находятся в разных возрастных «горизонтах». Так, представители старшего сегмента беби-бумеров (1946–1949 г.р. — 5 респондентов) к моменту вступления в студенческий период приобрели богатый жизненный опыт и навыки самостоятельной жизни (армия, производство), что во многом было обусловлено объективными трудностями послевоенного времени

и общегосударственной установкой на их преодоление: «Мысли о поступлении в институт во многом стали следствием опыта самостоятельной жизни. Я понял, что мне становится неинтересно в рабочей среде. Возникло желание двигаться дальше, проявлялась склонность к переменам и способность к ним. Понял, что единственный факультет — исторический... «Между поступлениями в институт была армия, которая научила адаптироваться к сложным обстоятельствам. Искренне стремился защитить родину, выходя из строя дважды: в 1968 (Прага) и 1969 (Даманский). В армии вступил в КПСС. Членство в партии давало серьёзные преференции» [ЧК, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 9.05.2021]; «Поступал в институт в военной форме. Все на пятерки, кроме английского» [КБ, муж., 1947 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021]; «Год отработал в школе-интернате в Русской поляне... Учился самостоятельно, получал опыт педагогической деятельности. Этот период окончательно утвердил выбор педагогической профессии» [МИ, муж., 1947 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021]; «Впервые задумался о поступлении в институт после техникума, который закончил с красным дипломом в 1964 г... Выбрал ТГУ, во время службы в армии, поскольку Красноярск и Новосибирск проигрывали в конкуренции» [МА, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 26.06.2021]. Таким образом, фактор быстрого социального взросления для старших беби-бумеров оказался определяющим в выборе стратегий и практик поведения в системе координат студенческого и преподавательского сообщества, что выразилось в формировании ясных, практикоориентированных представлений о целях образования и коммуникативных предпочтениях группы: «Принял важное решение: никогда и нигде не учиться заочно (обязательная работа, как средство заработка: сторож, вахтёр, дворник и т.д.). 28 руб. стипендия (повышенная — 50 руб.)... Собирался на заочное, но Оруева Н.Ф. отговорила. Сам факт очень важен: студент что-то обсуждает с преподавателем на личном уровне. Отношения с преподавателями были очень демократичные...» [ЧК, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 9.05.2021]; «В археологичке вошёл в компанию (Фомин, Худяков, Рыжих). Не студенческая компания. Был комсоргом и редактором стенгазеты» [ЛВ, муж., 1949 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 19.05.2021]; «В студенческие годы читал только то, что задавалось. Читал ночью. На остальное времени не хватало. Много общественной работы: был старостой группы, заместителем председателя профкома, играл за сборную института по волейболу, был депутатом Городского совета. Так что всегда был каким-то начальником. Вроде бы и не стремился, но всегда выдвигали» [КА, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021].

Примечательно, что модель неформальной коммуникации преподавателей со студентами, имевшими за спиной некоторый жизненный опыт, по всей видимости, восходит к послевоенному времени, когда в вузы возвращались или поступали фронтовики, пользовавшиеся безграничным доверием у педагогов, особенно участников Великой Отечественной войны. Ко второй половине 1960-х — началу 1970-х гг. времена и состав студенчества изменились, но традиция осталась, что особенно отчётливо осознавали старшие представители поколения беби-бумеров. В своих воспоминаниях они акцентируют внимание на данном феномене: «Доверительные отношения с преподавателями складывались на равных. Вероятнее всего, причина этого в том, что после войны контингент студентов — это уже взрослые люди» [МИ, муж., 1947 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021]; «Политические, вполне диссидентские разговоры велись в коридорах (говорили о завещании Ленина). Нас очень интересовали репрессии, и разговоры с преподавателями помогали в целом понять эту ситуацию. Один из них — И.Н. Новиков в очень узком кругу говорил о влиянии репрессий на военный период и т.д. Читали самиздат. Прочитал Солженицына («В круге первом»), Шаламова. К этой информации как новой, так и незнакомой — нас тянуло. Курили в коридоре, предлагали сигарету Новикову и получали сведения» [ЧК, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 9.05.2021].

Было бы необъективным и несоответствующим действительности заявление о том, что личностное формирование и движение к профессиональному выбору «младших» беби-бумеров (1952–1954 г.г.— 6 респондентов) происходило в тепличных условиях, а детский и юношеский периоды являлись абсолютно беспроблемными. Однако можно утверждать, что складыванию социокультурной и политической идентичности группы сопутствовала иная общественно-политическая и культурная атмосфера СССР, предопределившая такой дискурс их воспоминаний, в котором нет эпизодов родительской рефлексии эпохи массовых политических репрессий (1937–1953 гг.), практически не встречаются риторические обороты: «хлопнула дверь машины — все настораживались», «о политике дома не говорили» и т.д. Если родившиеся в 1946–1949 гг. согласованно упоминают о катастрофической реакции своих родителей в связи со смертью Сталина, в воспоминаниях младших беби-бумеров данный мотив отсутствует. Напротив, в сознание поколенческого сообщества постепенно проникают мысли о несовершенстве и очевидных изъянах политической системы: «К окончанию школы почувствовала сомнение. Поведение комсомольских лидеров стало по двойным стандартам. Был разрыв между словом и делом» [КЛ, жен., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 22.05.2021]; «Мои родители не сталисты, а я воинствующая антисталинистка. Прочитала Ю. Германа «Дело, которому ты служишь», героиня прошла лагеря, но говорила: «Не троньте». Для меня это было абсолютно не понятно: «Как это так?». Через книги началось отношение к сталинской эпохе... Было долгое оттепельное настроение.» [КН, жен., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 22.05.2021].

Взросление младшего сегмента поколения беби-бумеров происходило в обстоятельствах «оттепели» 1956–1964 гг., не изменившей государственное устройство и социально-политический уклад СССР, но избавившей общество, и в первую очередь молодое поколение, от чувства постоянного и гнетущего страха за жизнь свою и близких, подарив ощущение личной свободы и право выбора. В студенческой фазе биографии это мироощущение иногда приобретало крайние формы, не ассоциировалось с опасностью репрессий, превращалось в увлекательную игру: «На отделении научного коммунизма было более строго, философии меньше. А остальные — вольные философы. В группу онтологии и гносеологии отбирали специально лучших. Многих не брали. Я попала туда. Все знали, что они (все) на учете в КГБ. Говорили, что в каждой группе есть «стукач». Собирались по квартирам свердловчан. И найти «стукача» было постоянным поводом для шуток» [КЛ, жен., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 22.05.2021].

Анализируя стратегии и практики социокультурного поведения описываемой части поколенческого сообщества, стоит обратить внимание на измененный, в сравнении с более возрастными студентами, формат производственной и внеучебной коммуникации. В ходе интервью не были выявлены сюжеты неформального общения и коллаборации студентов и преподавателей. Отзывы о педагогах являются по большей части уважительными, но при этом возникает понимание отчётливой дистанции между субъектами образования, которая реализовывалась в стремлении студентов к внутрикорпоративной солидарности с целью демонстрации собственной свободы и отрицанием патерналистской опеки: «Я был советским человеком, но я не любил догм. И преподавателей любил, которые нас учили не догматически: Фомин Борис Константинович, Новиков Иван Никифорович, Худяков Виктор Николаевич» [СО, муж., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021]; «Жила в общежитии, комната на пять человек. Атмосфера свободы на философском факультете — «дух вольности». Была стенная газета, «Логос». Была сатира, критика, злободневные заметки. Ничего традиционно комсомольского и партийного» [КЛ, жен., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 22.05.2021]; «Группа была хорошая. Там я понял, что философия мне интересна. Участвовал в студенческом конкурсе научных работ, занял какое-то место. Студенческой науки там не было. Однажды позвали «заняться наукой», кто пришел, поса-

дили мотатьтрансформаторы. Больше они ни чем не занимались» [ФД, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021].

ВЫВОДЫ. Таким образом, формирование идентичности беби-бумеров на этапе выбора профессии и учёбы в вузах реализовывалось в специфических социокультурных и политических обстоятельствах ситуации «позднего» социализма второй половины XX века и, в отличие от аналогичных процессов у предшественников — GI и «молчаливого» поколения, переживших войны, социальные и гражданские катастрофы, государственный террор, атмосферным фоном взросления референтной группы являлась относительно спокойная «вегетарианская» обстановка политического и культурного «обновления» СССР. В ходе интенсивной межпоколенческой коммуникации складывание этоса беби-бумеров происходило с опорой на травматический опыт, стратегии и практики социального поведения старших поколений. Результатом этого взаимодействия стало достижение коммуникативного согласия поколения беби-бумеров в сфере референций (на уровне знания, норм, оценок и чувств), что проявилось в «эластичности» стандартов существования: бытовых и социальных, высокой мотивации достижения в рамках предложенных государством конвенций и адаптивного потенциала, направленного на обеспечение ограниченного, но приемлемого в заданных условиях жизненного комфорта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
2. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Закон самоорганизации социальных идеалов и глобализация культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.6. 2005. Вып.1. С. 13–20.
3. Булыгина Т.А. Общественные науки в СССР. 1945–1985 гг. М.: Московский автомобильно-дорожный институт: Институт гуманитарных исследований, 2000. 240 с.
4. Ватлин А.Ю. В поисках «истинного социализма»: историческое сознание поколения перестройки // Форум новейшей восточно-европейской истории и культуры. № 1. 2013. URL: <http://www1.kueichstaett.de/ZIMOS/forum/inhalttruss19.html> (дата обращения: 4.01. 2022).
5. Горин Д. Поколения модернизации: от обнаружения альтернатив к повторению пройденного // Неприкосновенный запас. № 6. 2010. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/pokoleniya-modernizaczii-ot-obnaruzheniya-alternativ-k-povtoreniyu-projdenного.html> (дата обращения: 7.01.2022).
6. Григорьева Н.А., Хорошенкова А.В. Развитие социально-гуманитарного и педагогического образования в высшей школе России во второй половине XX века. Учебное пособие. М.: Мир науки, 2020. Сетевое издание. URL: <https://izd-mn.com/PDF/03MNNPU20.pdf> (дата обращения: 2.01.2022).
7. Громадкова Т. Кто идёт на смену трудоголикам. URL: <http://inosmi.ru/world/20130611/209925956.html> (дата обращения: 28.12.2021)
8. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение; «ВЦИОМ-А», 2004. 816 с.
9. Донцов Д.А., Донцова М.В. Психологические особенности юношеского (студенческого) возраста // Теория образования и обучения. URL: <https://iedtech.ru/files/journal/2013/2/dontsovs.pdf> (дата обращения: 11.01.2022).
10. Клейн Л.С. Муки науки. Учёный и власть, учёный и деньги, учёный и мораль. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 568 с.
11. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6. № 1. С. 5–28.
12. Орлов Б.С. Россия в поисках новой идентичности (90-е годы XX столетия): Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1997. 54 с.

13. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 октября 1959 г. № 1162 «О некоторых изменениях в преподавании курса истории в школах» //КонсультантПлюс.URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38088#011225263322227574> (дата обращения 15.01.2022).
14. Рейли Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 539 с.
15. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 271 с.
16. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3(40-41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 03.04.2020).
17. Чуркин М.К., Навойчик Е.Ю., Чуркина Н.И., Черненко Е.В. Социокультурная и профессиональная идентичность поколения советских «беби-бумеров» (по материалам «глубинного» интервью акторов научно-образовательного сообщества ОмГПУ) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 1: История. С. 98-112.
18. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 661 с.

REFERENCES

1. Assman A. *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriej* [Forgetting history — obsession with history]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 552 s. (In Russian).
2. Branskij V.P., Pozharskij S.D. *Zakon samoorganizacii social'nyh idealov i globalizaciya kul'tury* [The law of self-organization of social ideals and the globalization of culture] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2005. T. 4, № 1, S. 13-20. (In Russian).
3. Bulygina T.A. *Obshchestvennye nauki v SSSR. 1945-1985 gg.* [Social sciences in the USSR. 1945-1985] M.: Moskovskij avtomobil'no-dorozhnyj institut: Institut gumanitarnykh issledovanij, 2000. 240 s. (In Russian).
4. Vatlin A.Y. *V poiskah «istinnogo socializma»: istoricheskoe soznanie pokoleniya perestrojki* [In search of "true socialism": The historical consciousness of the Perestroika Generation] // Forum novejshej vostochno-evropejskoj istorii i kul'tury. 2013. № 1. URL: <http://www1.kueichstaett.de/ZIMOS/forum/in-haltruss19.html> (data obrashcheniya: 4.01. 2022). (In Russian).
5. Gorin D. *Pokoleniya modernizacii: ot obnaruzheniya al'ternativ k povtoreniyu projdennogo* [Generations of modernization: from discovering alternatives to repeating the past] // Neprikosnovennyj zapas. 2010. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/pokoleniya-modernizacii-ot-obnaruzheniya-al'ternativ-k-povtoreniyu-projdennogo.html> (data obrashcheniya: 7.01.2022). (In Russian).
6. Grigor'eva N.A., Horoshenkova A.V. (2020) *Razvitie social'no-gumanitarnogo i pedagogicheskogo obrazovaniya v vysshej shkole Rossii vo vtoroj polovine XIX veka* [The development of social, humanitarian and pedagogical education in Russian higher education in the second half of the XX century]. Uchebnoe posobie. M.: Mir nauki, 2020. Setevoe izdanie. URL: <https://izd-mn.com/PDF/03MNNPU20.pdf> (data obrashcheniya: 2.01.2022). (In Russian).
7. Gromadkova T. *Kto idyot na smenu trudogolikam* [Who is replacing the workaholics]. URL: <http://inosmi.ru/world/20130611/209925956.html> (data obrashcheniya: 28.12.2021). (In Russian).
8. Gudkov L. *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997-2002 godov* [Negative identity. Articles 1997-2002] M.: Novoe literaturnoe obozrenie; «VCIOM-A», 2004. 816 s. (In Russian).
9. Doncov D.A., Doncova M.V. *Psihologicheskie osobennosti yunosheskogo (studencheskogo) vozrasta* [Psychological features of youthful (student) age] // Teoriya obrazovaniya i obucheniya. URL: <https://iedtech.ru/files/journal/2013/2/dontsovs.pdf> (data obrashcheniya: 11.01.2022). (In Russian).
10. Klejn L.S. *Muki nauki. Uchyonyj i vlast', uchyonyj i den'gi, uchyonyj i moral'* [The agony of science. Scientist and power, scientist and money, scientist and morality]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 568 s. (In Russian).

11. Malinova O.Y. *Konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetsoj Rossii* [The Construction of Macropolitical Identity in Post-Soviet Russia] // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2010. T. 6, № 1. S. 5–28. (In Russian).
12. Orlov B.S. *Rossiya v poiskah novoj identichnosti (90-e gody XX stoletiya): Nauchno-analiticheskij obzor* [Russia in search of a new identity (90s of the XX century): Scientific and analytical review]. M.: INION, 1997. 54 s. (In Russian).
13. *Postanovlenie CK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 8 oktyabrya 1959 g. № 1162 «O nekotoryh izmeneniyah v prepodavanii kursa istorii v shkolah»* [Decree of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of October 8, 1959 No. 1162 «On some changes in the teaching of history in schools"]. Konsul'tantPlyus.URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38088#011225263322227574> (data obrashcheniya 15.01.2022). (In Russian).
14. Rejli D. *Sovetskie bejbi-bumery. Poslevoennoe pokolenie rasskazyvaet o sebe i o svoej strane* [Soviet baby boomers. The post-war generation talks about themselves and their country]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 539 s. (In Russian).
15. Semenova V.V. *Social'naya dinamika pokolenij: problema i real'nost'* [Social dynamics of generations: problem and reality]. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2009. 271 s. (In Russian).
16. Halbwachs M. *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* [Collective and Historical Memory], Neprikosnovennyi zapas. 2005. № 2–3 (40–41). (In Russian).
17. Churkin M.K., Navojchik E.Y., Churkina N.I., Chernenko E.V. *Sociokul'turnaya i professional'naya identichnost' pokoleniya sovetskih «bebi-bumerov» (po materialam «glubinnogo» interv'yu aktorov nauchno-obrazovatel'nogo soobshchestva OmGPU)* [Socio-cultural and professional identity of the generation of Soviet "baby boomers" (based on the materials of the «deep» interview of the actors of the scientific and educational community of the OmSPU)] // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2022.T. 21, № 1, S. 98–112. (In Russian).
18. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it ended. The last soviet generation]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 661 s. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.008

УДК 314.15

ББК 60.546.7

А.С. СТОЯНОВ,
А.В. ЕРМОЛАЕВА**ОЖИДАНИЯ КАК ФАКТОР
МИГРАЦИИ ТРУДОСПОСОБНОГО
НАСЕЛЕНИЯ**A.S. STOYANOV,
A.V. ERMOLAEVA**EXPECTATIONS AS A FACTOR
OF MIGRATION OF THE WORKING
POPULATION**

Изучение ожиданий, влияющих на уровень миграционных процессов и степень удовлетворения мигрантов, занимает важное место в их прогнозировании. В статье был изучен теоретический аспект роли ожиданий в миграции. На основе анализа полученных анкетных данных были определены основные ожидания при миграции и уровень их оправданности. Выявлены четыре основные категории мигрантов: «прагматики» — те, у кого были ожидания и оправдались (51,4%); «амбициозные» — чьи завышенные ожидания при миграции не были оправданы (10,1%); «счастливчики» — те, кто не имел ожиданий, но получил результат (20,2%); и «безразличные» — у кого не было никаких ожиданий и они, соответственно, не оправдались (18,6%). Делается вывод, что ожидания об улучшении материального положения являются определяющими при принятии решения о переезде на новое место жительства.

The study of expectations that affect the level of migration processes and the degree of satisfaction of migrants occupies an important place in their forecasting. The theoretical aspect of the role of expectations in migration was studied in the article. Based on the analysis of the received personal data, the main expectations during migration and the level of their justification were determined. Four main categories of migrants were identified: "pragmatists" — those who had expectations and they were satisfied (51.4%); "ambitious" — whose overestimated expectations during migration were not satisfied (10.1%); "lucky" — those who had no expectations, but got the result (20.2%); and "indifferent" — who had no expectations and, accordingly, they did not come true (18.6%). It is concluded that expectations about the improvement of the financial situation are decisive when making a decision to move to a new place of residence.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миграция, трудовая миграция, ожидания, ожидания как фактор миграции, миграционный процесс.

KEY WORDS: migration, labor migration, expectations, expectations as a factor of migration, migration process.

ВВЕДЕНИЕ. Трудовая миграция — неотъемлемая часть всех наиболее важных процессов современности. Стремление к перемене мест является одной из основных характерных особенностей человека. Население мигрирует вследствие недовольства от прежних мест работы и жительства и из-за стремления к лучшим условиям жизни. Но одним из факторов успешной миграции являются ожидания, с которыми мигрирует население. От оправданности или несостоятельности ожиданий при их переезде зависит адаптация мигрантов, уровень их удовлетворённости и последующие их настроения. Именно поэтому так важно понимать, каковы ожидания при миграции трудоспособного населения

и трудовых мигрантов от новых мест работы и жительства, а также причины миграции населения.

ЦЕЛЬ СТАТЬИ — определение и анализ ожиданий при миграции трудоспособного населения.

Актуальность темы обусловлена высоким уровнем трудовой миграции населения. Поэтому необходимо понимать, какие ожидания в наибольшей степени влияют на миграцию трудового населения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Сегодня, в современном мире, миграция населения представляет собой один из важнейших демографических процессов, так как оказывает существенное влияние на изменение структуры населения, а в результате — и на общеэкономические показатели развития страны. Хорошо управляемая миграция может способствовать устойчивому развитию как в странах-отправителях, так и в странах-посредниках. Особое значение имеет территориальная мобильность на рынке труда, которая представляет собой перемещение трудовых мигрантов с целью легального или нелегального трудоустройства в стране въезда.

В России категория «трудовых мигрантов» рассматривается только как временная группа мигрантов. Однако это не только дешёвая в плане заработной платы и интеграции группа мигрантов, но и достаточно близкая россиянам в социокультурном отношении группа населения, а также группа, имеющая общие экономические интересы [10, с. 493].

В целом процесс миграции — достаточно ёмкий демографический процесс, охватывающий несколько периодов от мысли о переезде до фактической миграции. Принятие решения о переезде на новое место жительства проходит несколько фаз: факторы, предшествующие намерению мигрировать (личностные, семейные связи), размышления об эмиграции (микро— и макрофакторы), само действие миграции (переживание ситуации как стрессовой, поиск копинг-механизмов) и аккультурация (психологическая, социальная) [6, с. 138]. Именно проходя через все вышеперечисленные фазы, непосредственно связанные с реализацией ожиданий при переезде, человек всё более осознаёт необходимость переезда.

Прогрессирующая урбанизация позволяет людям переселяться в большие города (например, Москва и Санкт-Петербург), в то время как население больших городов стремится переехать за границу. Эти настроения свойственны не только представителям науки, искусства, спорта и других элитарных категорий населения, рассчитывающих на улучшение возможностей для достойной работы, получения зарплаты, удовлетворения творческих амбиций, но и значительной части людей, занятых предпринимательской деятельностью, инженерно-техническим специалистам [3, с. 37].

Такая тенденция также тесно связана с ожиданиями при миграции и причинами смены жительства (на примере Омской области). Самыми вескими основаниями для переезда из маленьких городов стали плохие условия для жизни (51,3%); мало возможностей хорошо трудоустроиться (50,7%), а также низкая заработная плата (49,7%) [8, с. 22]. На примере той же области в исследовании годом ранее выявлены основные цели отъезда из небольшого города, такие как повышение доходов (66,7%), поиск более привлекательной работы (43,5%), а также карьерный рост (25,8%) и поиск постоянного места жительства (27,1%) [9, с. 45]. Другими словами, при стагнации роста, а тем более при сокращении численности населения и одновременном изменении пропорций между сельским и городским населением в пользу доли городского, происходит концентрация населения в крупных населённых пунктах [4, с. 185].

Рассматривая влияние ожиданий в аспектах мотивации и лояльности [13, 14], нельзя не обозначить их роль как фактора миграции, также стоит отметить, что соответствие ожиданий реальным условиям влияет на успешность процесса адаптации мигрантов

[1, 5, 7]. Влияние на процесс адаптации оказывают не столько сами ожидания, сколько тот факт, совпали они с действительностью или нет [12, с. 170], в момент, когда происходит встреча «вероятности» с «реальностью». Действительно, уровень адаптации напрямую зависит от ожиданий при миграции, а также от желаемого конечного результата.

Миграционные ожидания населения играют также немаловажную роль в смене проживания и трудоустройства с небольших городов на мегаполисы. В основе причин переезда в другие города лежит экономический фактор и ожидания карьерного роста, изменения сферы получения дохода и его уровня.

Именно карьерные устремления являются основой для переезда на постоянное место жительства в крупные города. Таким образом, готовность мигрировать в пределах страны преимущественно обуславливается ожиданием увеличить доход вследствие получения больших возможностей желательного трудоустройства.

Западные исследования подтверждают, что у мигрантов были высокие ожидания того, что их экономическое, профессиональное развитие, здоровая рабочая среда, ценности и автономия будут реализованы [18, p.1532]. Замужние женщины, как правило, имеют более высокую вероятность негативных последствий на рынке труда после миграции, с точки зрения занятости или заработка, чем их мужья, хотя эти негативные последствия, как правило, недолговечны. Было установлено, что мужчин более склонны сообщать о миграции, связанной с трудовой занятостью, в то время как женщины сообщали о других мотивах, включая близость к семье [20, p.210].

Таким образом, на успешность реализации миграционных ожиданий влияет и половая принадлежность и то, с какими ожидания и намерениями люди желают поменять место жительства. Ожидания можно рассматривать как оценку данной личностью 100% вероятности происхождения определённого события в будущем [12, с. 176]. Если ожидание не сбывается, у человека происходит эмоциональная реакция разочарования. Прошлый опыт, удачи и неудачи, мечты и цели могут сформировать наши ожидания. По Роберту К. Мертону, если человек верит в то, что он говорит, или убеждает себя в этом, то велики шансы, что человек увидит, как его ожидания сбываются.

Говоря о внешней миграции из больших городов, многие исследователи сходны во мнении, что трудоспособное население, в том числе выпускники вузов, эмигрируют, так как считают, что на западе их навыки востребованы больше, а заработная плата выше [16, с. 448]. Безусловно, это является показателем того, что экономический фактор миграционных ожиданий оказывает значительное влияние на решение не только о внутренней, но и внешней миграции. Так самыми популярными ответами на вопрос: «Что может стать главной причиной для переезда в другой регион Российской Федерации или за пределы страны?», стали такие как: возможность улучшить качество жизни (90%); отсутствие работы, соответствующей их квалификации (80%); возможность реализовать свои карьерные устремления (55%), а также безработица в регионе (50%) [2, с. 186]. Три из четырёх критерия основаны на желании улучшить своё материальное положение путём поиска хорошего места работы и трудоустройства на квалифицированную высокооплачиваемую должность.

Но стоит учитывать, что финансовая составляющая — не единственное, что мотивирует людей на смену места проживания. Трудящиеся-мигранты стремятся не только к привлекательной зарплате, но и к лучшим условиям труда, благоприятной рабочей среде и социальным льготам [19, p.179]. Уровень социально-экономического развития субъекта напрямую влияет на миграционную привлекательность региона.

Так, отток населения из региона может говорить о падении экономической привлекательности трудового дохода, недоступности дошкольных и школьных учреждений, объектов здравоохранения вследствие их оптимизации по территории региона, усиле-

нии напряжённости на региональном рынке труда, ухудшении экологии, росте числа преступлений разного типа [17, с. 423]. Именно недостаток этих и других составляющих вынуждает людей переезжать в большие города с целью удовлетворения своих потребностей и улучшения качества жизни.

Исследователи полагают, что неконтролируемая миграция в большие города способна привести к возникновению закрытых национальных анклавов, появлению этнической преступности, обострению межнациональных отношений. Говоря о вынужденной миграции, стоит отметить, что диспропорция между регионами усугубляется в силу внутренней миграции: трудоспособное население из менее благополучных регионов России все активнее перебирается в экономические центры в поисках работы и лучших условий для самореализации [15, с. 759].

Действительно, при переезде людям важно быть уверенным в своей экономической независимости. Именно эти факторы всё чаще становятся причиной миграции, так как люди переезжают с ожиданиями смены экономической составляющей, и её стабилизации в регионе пребывания.

Если говорить об оправданности ожиданий при внутренней и внешней миграции, то возникает проблема неудовлетворённости мигрирующего трудоспособного населения вследствие их несовпадений с реальностью.

Так исследования подтверждают, что у внешних мигрантов из Украины, наблюдается более низкий уровень удовлетворённости жизнью, что обусловлено преимущественно вынужденным характером переселения, потерей имущества, социального статуса, привычного образа жизни и не оправдавшимися надеждами на более действенную поддержку и помощь со стороны Российского государства [11, с. 56-57]. Внутренние мигранты также не всегда полностью довольны своим решением, так как зачастую их ожидания не совпадают с реальностью, что вызывает диссонанс, а также сложности на последней фазе принятия решения о переезде — аккультурации.

Подводя итог, следует сделать вывод о том, что ожидания играют большую роль в миграции трудоспособного населения. Именно ожидания улучшения качества жизни, повышения дохода, трудоустройства на необходимую должность, возможности реализовать свои устремления являются толчком для принятия решения о переезде. Значимым показателем является и то, насколько сложившиеся ожидания совпадут с действительностью после миграции.

Чтобы определить специфику и уровень влияния ожиданий на принятие решения о внутренней миграции среди трудоспособного населения, мы применили метод анкетирования с дальнейшим социологическим анализом ключевых ожиданий и факторов внутренней миграции. Анкета состояла из 20 вопросов. Респонденты заполняли анкету в режиме онлайн доступа на специальном веб-сайте «Google Формы», при ответах сохранялся принцип анонимности.

Социологическое исследование носило пилотный характер и может быть в дальнейшем использовано как основа для более глубоких и репрезентативных исследований. Данное исследование выполнено на доступной стихийной выборке, что имеет свои недостатки. Количество опрошенных внутренних мигрантов составило 203 человека.

Представляются необходимыми дальнейшие исследования, выполненные на вариативных в социально-демографическом плане выборках. В то же время исследования ожиданий, вследствие их субъективности, ближе к качественной социологии, что значительно смягчает требования к выборке. Данный онлайн опрос по своим характеристикам ближе к формализованному интервью, преследующему цели качественного исследования ожиданий с дальнейшим социологическим анализом полученных данных, который может послужить основой для дальнейших более детальных и массовых исследований.

Опрос проведен среди женщин и мужчин трудоспособного возраста, практически в равных пропорциях (женщин — 50,2%, мужчин — 48,8%), в возрасте преимущественно от 35 до 50 лет — 35,0%, от 25 до 34 лет — 28,6%, от 18 до 24 лет — 19,7%, от 51 до 65 лет — 16,7%). Практически равное количество опрошенных находятся в браке (51,7%), не связаны семейными отношениями — 48,3%.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ.

Большинство респондентов являются родителями (50,7%).

Таблица 1. Влияние наличия детей у мигрантов на причины миграции (несколько вариантов ответов).

Наличие детей/ причины миграции	Мало возмож- ностей хоро- шего трудоу- стройства	Низкая оплата труда	Плохие условия для жиз- ни	Плохо раз- вита инфра- структура региона	Мало перспектив и возможностей для самореали- зации
Респонденты с детьми	90 чел.	72 чел.	32 чел.	32 чел.	53 чел.
	87,4%	70%	31%	31%	51,5%
Респонденты без детей	67 чел.	61 чел.	30 чел.	31 чел.	32 чел.
	67%	61%	30%	31%	32%

Анализируя причины миграции людей с детьми и без них, можно увидеть, что плохие условия для жизни, а также плохо развитую инфраструктуру региона отметили в равном количестве обе группы (31%). Также для респондентов с детьми причинами миграции стали: мало возможностей хорошего трудоустройства (87,4%), мало перспектив и самореализации (51,5%), в то время как для респондентов без детей данные варианты ответов стали популярны у 67% и 32% соответственно (См. Табл. 1). Другими словами, для респондентов с детьми в разы выше потребность в самореализации и в благоприятном трудоустройстве. В свою очередь, людям, не имеющим детей, важно найти хорошую работу, но нужда в поиске себя есть лишь у трети опрошенных. Можно предположить, что наличие детей является некой мотивацией к перспективному росту в различных сферах жизнедеятельности, появляется необходимость обеспечить счастливое будущее не только себе, но и своим детям.

Таблица 2. Уровень образования респондентов.

Уровень образования	Среднее общее об- разование (школа)	Среднее учебное заведение (колледж и т.п.)	Неокон- ченные высшее ВУЗа	Высшее ВУЗ	Второе высшее (магистратура, аспирантура)
Количество опрошенных	3,5%	18,2%	13,8%	47,8%	16,7%

Более половины опрошенных имеют оконченное высшее образование (64,5%), среднее учебное заведение окончили 18,2% респондентов, с неоконченным высшим образованием 13,8%, а со средним общим образованием 3,4% респондентов (см. Табл. 2). Такое распределение говорит о широком диапазоне охвата уровня образования людей для проведения опроса, что даст более объективный результат при оценке.

Из 131 респондента с высшим образованием 108 человек (82,4%) отметили, что ключевым фактором при решении о переезде стало отсутствие больших возможностей хорошего трудоустройства. Вместе с тем для респондентов, не имеющих высшее образование, из 72 человек лишь 47 опрошенных (65,3%) отметили фактор возможности хорошего трудоустройства (См. Табл. 3).

Таблица 3. Влияние уровня образования мигрантов на факторы при решении о переезде (несколько вариантов ответов).

Факторы/уровень образования	С высшим образованием		Без высшего образования	
Мало возможностей хорошего трудоустройства	108 чел.	82,4%	47 чел.	65,3%
Низкая оплата труда	89 чел.	68%	42 чел.	58,30%
Плохие условия жизни	42 чел.	32%	19 чел.	26%
Мало перспектив и возможностей	66 чел.	50%	21 чел.	29%
Плохо развитая инфраструктура региона	41 чел.	31%	22 чел.	31%

Также 50% опрошенных с высшим образованием отметили, что мало перспектив и возможностей стало одним из факторов миграции, в то время как лишь треть респондентов без высшего образования указали этот фактор как ключевой. Такое распределение ответов можно объяснить тем, что люди, получив высшее образование, хотят не только найти достойную работу по профессии с устраивающей заработной платой, но и реализовать амбиции, увидеть результаты своих достижений. Кроме того, они стремятся к некому признанию и адекватной оценке их навыков, умений и знаний. Упомянутое выше большинство респондентов с детьми имеют образование вуза, что доказывает мотивы миграции. Тем временем, респондентам без высшего образования не так важна идея самореализации, как возможность хорошего трудоустройства и повышение дохода. Можно предположить, что людям важен лишь заработок, а стремление к самоактуализации отходит на второй план.

В опросе приняли участие респонденты, родившиеся в городах и населённых пунктах с различным количеством населения. Большинство респондентов отметили города с населением от 500 тыс. до 1 млн чел. (27,1%), города с населением от 100 до 500 тыс. чел. (30%) и др. (См. Табл. 4). Такое разнообразие мест рождения позволяет учесть ожидания при миграции как людей с провинций, так и людей с крупных агломераций.

Таблица 4. Место рождения респондентов.

Место рождения	Москва и Московская область	Города с населением более 1 млн чел	Города с населением от 500 тыс до 1 млн чел	Города с населением от 100 тыс до 500 тыс	Города с населением до 100 тыс чел	Село, деревня и т.п.
Количество опрошенных	14,4%	9,9%	27,1%	30%	9,4%	14,3%

Большие ожидания возникают у людей при миграции в большие города. Так, 174 респондента (85,7%) отметили, что мигрировали в более крупный город, нежели тот, в котором проживали ранее. Из этой группы респондентов 111 человек, проживавших ранее в городах с населением менее 1 млн человек, мигрировал в города-миллионники, в том числе Москву и Московскую область. Большая часть респондентов мигрировали в другой город/регион в своей стране (92,6%). Можно сделать вывод о том, что внутренняя миграция намного популярнее, нежели внешняя, однако для многих внутригосударственная миграция становится лишь промежуточным этапом, а конечной целью является переезд за границу.

Ключевым ожиданием при переезде в города крупнее стало повышение заработной платы (93,2%), а также возможность выбора подходящих вакансий (74,7%). Менее популярными ответами стали высокий уровень жизни (53,4%) и развитая инфраструктура региона (См. Табл. 5). Известно, что в больших городах рынок труда шире, а средняя заработная плата выше. Вследствие этого можно сделать вывод, что при миграции в большие города, главным ожиданием становится улучшение своего материального положения, вследствие подбора необходимой вакансии с подходящей оплатой труда.

Таблица 5. **Ключевые ожидания при миграции в большие города (несколько вариантов ответов)**

Возможность выбора подходящих вакансий	Повышение заработной платы	Высокий уровень жизни	Развитая инфраструктура региона
130 чел.	159 чел.	93 чел.	85 чел.
74,7%	91,4%	53,4%	48,9%

Для определения решающих ожиданий и степени их оправданности при миграции респондентам были заданы вопросы: «Отметьте, пожалуйста, ожидания, которые являлись решающими при Вашем переезде» и «Отметьте, пожалуйста, ожидания, которые оправдались при Вашем переезде». На основе ответов была составлена таблица с наличием ожиданий (не-/были) и тенденциями их не-/оправданности и реализации (не-/произошли) ожиданий при миграции (См. Табл. 6).

Таблица 6. **Тенденция оправданности ожиданий при миграции.**

ОЖИДАНИЯ	Были / Оправдались	Были / Не оправдались	Не были / Произошли	Не были / Не произошли
	Прагматики	Амбициозные	Счастливики	Безразличные
Широкий выбор вакансий на рынке труда	177 чел.	8 чел.	14 чел.	4 чел.
	87,2%	4%	6,9%	2%
Возможность повышения дохода за счёт открытия бизнеса	41 чел.	41 чел.	49 чел.	72 чел.
	20,2%	20,2%	24,1%	35,5%
Широкий спектр возможностей на бизнес-рынке	52 чел.	27 чел.	37 чел.	87 чел.
	25,6%	13,3%	18,2%	42,9%
Возможность карьерного роста	146 чел.	27 чел.	21 чел.	9 чел.
	72%	13,3%	10,3%	4,4%
Удобная транспортная доступность	120 чел.	18 чел.	47 чел.	18 чел.
	59,1%	8,9%	23,1%	8,9%
Возможность для поиска единомышленников (по интересам / бизнес-партнеры)	69 чел.	20 чел.	60 чел.	54 чел.
	34%	9,9%	29,6%	26,6%
Возможности проведения досуга (кинотеатры, кафе, парки и т.д.)	97 чел.	14 чел.	61 чел.	31 чел.
	47,8%	6,9%	30%	15,2%
Возможность использования передовых общественных новшеств (каршеринг, прокаты транспорта и техники и т.п.)	66 чел.	19 чел.	45 чел.	73 чел.
	32,5%	9,4%	22,2%	36,6%
Наличие развитой инфраструктуры в городе	169 чел.	7 чел.	22 чел.	5 чел.
	83,3%	3,5%	10,9%	2,5%
Благоприятные климатические условия	71 чел.	21 чел.	48 чел.	63 чел.
	35%	10,3%	23,6%	31%
Возможность больших расходов на аренду жилья	96 чел.	25 чел.	50 чел.	32 чел.
	47,2%	12,3%	24,6%	15,8%
Возможность больших расходов на еду	70 чел.	28 чел.	60 чел.	45 чел.
	34,5%	13,8%	29,6%	22,2%
Возможность больших расходов на транспорт	66 чел.	32 чел.	53 чел.	52 чел.
	32,5%	15,8%	26,1%	25,7%
Высокая товарная доступность	163 чел.	11 чел.	24 чел.	5 чел.
	80,3%	5,4%	11,8%	2,7%

Возможность завести полезные знакомства для карьерного роста	162 чел.	9 чел.	17 чел.	15 чел.
	79,8%	4,4%	8,4%	7,4%
Итого, % (среднее):	51,4%	10,1%	20,2%	18,6%

Исходя из полученных результатов (по итоговому среднему значению), всех респондентов можно условно разделить на 4 группы (См. Табл. 6): «прагматики» — те, у кого были ожидания и оправдались (51,4%); «амбициозные» мигранты, чьи существовавшие ожидания при миграции не были оправданы (10,1%); «счастливчики» — те, кто не имел ожиданий, однако получившие результат (20,2%); и «безразличные» — у кого не было никаких ожиданий и они, соответственно, не оправдались (18,6%).

Самым популярным ожиданием при миграции становится широкий выбор вакансий на рынке труда. Как уже отмечалось ранее, большая часть респондентов мигрировала в более крупный город под влиянием существующего стереотипа о том, что в больших городах обширнее выбор подходящих вакансий. У 87,2% существовало такое ожидание и оправдалось при миграции, а лишь у 4% не оправдалось. У 6,9% респондентов произошли неожиданные улучшения в трудовой деятельности, всего лишь у 2% опрошенных не было таких ожиданий, которые так и не оправдались. Можно сделать вывод о том, что действительно рынок труда в больших городах шире и переезд в предвкушении расширения подходящих вакансий достаточно популярен. Стоит отметить, что именно у «прагматиков» ожидание широкого выбора на рынке труда является самым приоритетным (87,2%).

Говоря об ожидании развитой инфраструктуры города, 86,8% мигрантов переезжали с надеждой на наличие всего необходимого для комфортного проживания. Так как основная часть опрошенных мигрировала в города с населением более 1 млн чел, мы можем сделать вывод, что в периферийных городах не уделяется достаточно внимания улучшению общего развития населённого пункта. Мигранты в стремлении к лучшим условиям жизни оставляют свои провинциальные города и переезжают в крупные агломерации. Таким образом, происходит перенаселение больших городов и высокая убыль населения с окраин.

Говоря об инфраструктуре города, стоит затронуть такой фактор ожидания, как высокая товарная доступность. Напомним, что большая часть опрошенных мигрировала в более крупные города, сейчас в больших городах нет проблем с товарной доступностью, нежели на периферии. 80,3% опрошенных «прагматиков» вполне четко ожидали данные изменения и получили их, 11,8% «счастливчиков» также получили разнообразие в товарной нише, то время как всего у 8,1% остальных опрошенных не оправдались данные ожидания (См. Табл. 6). Это можно связать лишь с переездом в населённые пункты меньше предыдущих, в которых действительно фактор ожиданий высокой товарной доступности не является лидирующим.

Однако существуют и ожидания, которые не оправдываются при миграции. Несмотря на то, что одной из причин миграции является ожидания успеха в открытии бизнеса, многие из респондентов (20,2%) встречаются с трудностями в новых городах и их ожидания не подтверждаются. «Амбициозные», сталкиваясь с недостатком в материальной сфере, пытаются находить любые возможности для нового заработка. В современном мире для открытия коммерческого дела существует достаточно возможностей, блогеры транслируют нам красивую картинку жизни вследствие, например, открытия своего бренда, но далеко не все могут закрепиться в сфере бизнеса из-за недостатка навыков или знаний. Как раз у 61% респондентов не было ожиданий «широкого спектра возможностей на бизнес-рынке» при миграции. В том числе из них у 24,1% «счастливчиков» все-таки реализовалась такая возможность и у 42,9% так и не проявилось это вследствие отсутствия ожиданий и необходимости обращения на бизнес-рынок. 35,5% «безразличных» мигрировали без желания повысить доход за счёт открытия бизнеса и так и не воспользовались таким способом

заработка, что также объяснимо тем, что у мигрантов возникают сомнения в своих возможностях в бизнес-сфере из-за недостатков опыта и знаний (См. Табл. 6).

Рассмотрим такой фактор, как возможность завести полезные знакомства для карьерного роста. 79,8% «прагматиков» адекватно оценили возможность получения полезных знакомств при миграции, почти равное количество «счастливиц» и «безразличных» (8,4% и 7,4% соответственно) и всего 4,4% «амбициозных». Т.е. можно сделать вывод, что в целом мигранты адекватно оценивают возможности знакомств при миграции, и, исходя из того, что карьерный рост является одним из ключевых факторов ожидания при миграции, конечно, стремятся к появлению интересных знакомств.

Как упоминалось выше, ключевыми ожиданиями у большей части респондентов является повышение заработной платы при миграции. Переезжая с этой идеей фикс, мигранты не всегда задумываются о поиске единомышленников на новом месте. Некоторые меняют место проживания лишь с целью повышения дохода, и потребности в близком общении с единомышленниками у них нет. А кто-то, желая самореализовываться и менять свою жизнь, имеют надобность в нахождении людей со схожими интересами и целями. Так, 29,6% «счастливиц» неожиданно, но все-таки нашли единомышленников со схожими потребностями. Мы можем сделать вывод, что некоторые ожидания при смене места проживания бывают существенно недооценены. В свою очередь, 34% опрошенных «прагматика», ожидая найти единомышленников, также находят их. Однако 26,6% «безразличных» мигрантов так и не заводят близкие знакомства при миграции. Из этого можно сделать вывод, что почти каждый третий мигрант, чья конечная цель — повышение дохода, переезжает без каких-либо ожиданий поиска единомышленников и построение дружеских отношений им не интересно.

Не ожидали возможностей проведения досуга (45,2%) и использования передовых общественных новшеств (58,8%) респондентов при переезде в другой город. Тем не менее, 47,8% «прагматиков» получили возможность подходящего проведения досуга. Это говорит о том, что при миграции у людей на первый план выходит материальная составляющая, а не способы проведения свободного времени, но все равно это остаётся важным ожиданием при миграции. У 36,6% «безразличных» не было ожиданий по аренде машины или техники и при переезде не появилось таких потребностей, а у 32,5% «прагматиков» ожидания снова совпали с реальностью. Можно сделать вывод, что у трети совпало отсутствие ожиданий с фактической ситуацией, скорее всего, в связи с тем, что для этой группы мигрантов, фактор заработка выходит на первый план, а остальные ожидания не являются ключевыми при миграции. Стоит отметить, что у 58,8% опрошенных не было ожиданий использования новшеств, поэтому делаем вывод, что предвкушения использования каких-либо передовых обществ не так важны, как все тот же доход.

Рассматривая такой фактор при миграции, как благоприятные климатические условия, 54,6% опрошенных при переезде не ожидали благоприятного климата. Для 31% этот фактор оказался безразличен. Так, из-за выбора у основной части респондентов такого города для миграции, как Москва не было предвкушения благоприятного тёплого климата и, соответственно, его оправданности. Однако стоит учесть, что у 35% опрошенных были ожидания о благоприятном климате, которые оправдались (См. Табл. 6). Это можно объяснить тем, что, при переезде из суровых регионов нашей страны (Север, Дальний Восток) климатические условия средней полосы оказываются более благоприятными. Мы делаем вывод, что погодные и климатические условия также не становятся ключевым фактором при миграции.

Интересно, что у 29,6% респондентов не было ожиданий возможности больших расходов на еду, однако это осуществилось, а 22,2% опрошенных безразличны к этим ожиданиям. Всего 34,5% «прагматиков» предполагали и ожидали такие возможности. Так, основная

часть опрошенных мигрировала в города крупнее, где существует больше возможностей посещения различных ресторанов или фуд-зон, а также средняя цены продуктовой корзины выше. Делаем вывод, что, имея более высокие доходы, мигранты готовы тратить деньги на еду больше, нежели раньше. Но стоит учесть, что все-таки питание является первичной потребностью и при отсутствии ожиданий на большие траты на еду людям приходится немалую часть дохода тратить именно на него.

Подводя итог по оправданным и неоправданным ожиданиям, в каждой группе мы можем выделить ключевые факторы (См. Табл. 6). Так, лидирующими ожиданиями у «прагматиков» стали широкий выбор на рынке труда (87,2%), развитая городская инфраструктура (83,3%), товарная доступность (80,3%) и карьерные знакомства (79,8%), что можно объяснить тем, что при миграции основная часть мигрантов, конечно, оценивает все свои сильные и слабые стороны, все плюсы и минусы переезда для того, чтобы сам процесс миграции развивался в благоприятном ключе. У «амбициозных» — возможность повышения дохода за счёт открытия бизнеса (20,2%), что объяснимо тем, что, загораясь какой-либо идеей, мигранты стремятся в крупные города с большими возможностями и амбициями, игнорируя то, что бизнес — это сложный механизм, в котором нужно очень хорошо разбираться, чтобы достичь результатов. В конечном итоге, «амбициозные» терпят неудачи и их глобальные цели и ожидания остаются неисполненными.

«Счастливики» в 30% ключевым ожиданием назвали возможность проведения досуга (кинотеатры, кафе, парки и т.д.), и поиск единомышленников (29,6%). Очевидно, что часть опрошенных мигрируют без ожиданий каких-то новых развлечений и друзей, когда их главная и конечная цель — это выйти на более высокий доход, но когда, в свою очередь, мигранты получают больше возможностей посещать кафе, парки и т.д., то процесс их адаптации проходит намного легче. Лидирующими ожиданиями у «безразличных» стал широкий спектр возможностей на бизнес-рынке (42,9%), и открытие бизнеса (35,5%) что вполне объяснимо тем, что этой группе мигрантов важно повысить свой доход только за счёт наёмного труда, не обращая особого внимания на саморазвитие и возможности самореализации через появившиеся социальные факторы как, например, поиск единомышленников в бизнесе или друзей. Соответственно, именно поэтому бизнес-рынок совершенно не интересен «безразличным».

Из всех опрошенных, 132 человека (65%) переехали в другой город по окончании учёбы, что говорит о том, что миграция 71 опрошенного (35%) была связана с учёбой. Это позволяет учесть ожидания людей, как и не привязанных к месту учёбы, так и людей, связанных с получением образования.

В вопросе «Что Вас не устраивает в городе/регионе пребывания?» респондентам предлагалось отметить факторы, которые заставляют сомневаться в дальнейшем пребывании в текущем городе проживания, несмотря на планы оставаться. Большая часть опрошенных указала на высокие экономические затраты (60,3%), затем отметили большую трату времени на передвижение (32,4%) и недостаточно развитую инфраструктуру города (29,4%). Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что миграция каждого четвёртого респондента в какой-то степени не оправдывает его ожидания.

На вопрос «Как Вы оцениваете изменения Вашей жизни в целом после переезда в другой город/регион?», 86,2% опрошенных отметили, что в основном произошли изменения в положительную сторону, в то время как всего 1,5% указали на перемены в худшую сторону. 9,9% респондентов считают, что их жизнь после миграции осталась без каких-либо изменений. Скорее всего, такие цифры обусловлены уровнем оправданности ожиданий при переезде. Мигранты, получившие положительный конечный результат своих ожиданий на новом месте жительства, с уверенностью могут отметить, что изменения, в надежде с которыми они решались на переезд, случились, тем самым изменив их настроения в лучшую сторо-

ну. У мигрантов, чья жизнь в целом не претерпела изменений, оправдалась лишь часть ожиданий. 2,5% опрошенных затрудняются ответить на данный вопрос, так как, вероятнее всего, находятся в стадии адаптации.

В подтверждение вышесказанному, 86,2% респондентов подтвердили, что, скорее всего, планируют оставаться в текущем городе для дальнейшей жизни. Можно сделать вывод о том, что ожидания людей при переезде оправдываются, что позволяет им выбирать стратегию аккультурации и переживать её с положительными эмоциями. 8,4% опрошенных скорее не планируют оставаться в городе-поселении. Это может быть связано с тем, что их ожидания не были оправданы, а также для них данный город является лишь промежуточным этапом для дальнейшей внутренней или внешней миграции.

Учитывая весомое количество совпадений ожиданий при миграции, ещё одним подтверждением того, что, вследствие этого жизнь людей улучшилась, является тот факт, что 90,2% респондентов советуют переезжать родственникам и знакомым в другие города.

ВЫВОДЫ. В ходе исследования было выявлено, что определяющими причинами миграции трудоспособного населения являются: мало возможностей хорошего трудоустройства (77,3%), низкая оплата труда (65,5%), мало перспектив и возможностей для самореализации (42,9%), плохие условия для жизни (30,5%) и плохо развитая инфраструктура (31%). В ожидании повышения заработной платы, подходящего рабочего места, улучшения уровня жизни население переезжает в крупные города и агломерации. И, к сожалению, не всегда вышеперечисленные ожидания подтверждаются при миграции, тем самым создавая негативные эмоции у мигрантов.

85,7% респондентов сменили место жительства на города крупнее. Самыми популярными вариантами для переезда стали города-миллионники (28,6%), Москва и Московская область (49,8%). Как известно, большие города, в особенности столицы стран, имеют большой потенциал в развитии инфраструктуры, высокий общий уровень жизни и больше возможностей для самовыражения в различных сферах жизнедеятельности. Именно поэтому процессы урбанизации продолжают развиваться, а численность населения крупных городов расти.

Ключевыми ожиданиями при переезде становятся: повышение заработной платы (85,7%), возможность выбора подходящих вакансий (69,5%), развитая инфраструктура региона (49,3%), высокий уровень жизни (53,7%), а также климат, экология и профессиональное развитие. Определяющие миграцию ожидания связаны с предвкушением изменения своего материального положения вследствие смены места жительства.

В ходе исследования мы выяснили, что большая часть существующих при миграции ожиданий оправдывается. К таким ожиданиям относятся: широкий выбор на рынке труда (87,2%), наличие развитой инфраструктуры в городе (83,3%), высокая товарная доступность (80,3%), возможность завести полезные знакомства для карьерного роста (79,8%) и сам карьерный рост (72%). Все оправданные ожидания, позволяют мигрантам подтвердить то, что с переездом их жизнь изменилась в лучшую сторону 86,2%.

Значимой разницей между ожиданиями стали конечные цели мигрантов. Наличие детей или высшего образования у респондентов повышает их потребность в самоактуализации за счёт поиска работы с достойной заработной платой. Ключевыми факторами миграции родителей стали: мало возможностей хорошего трудоустройства (87,4%) и низкие перспективы и самореализация (51,5%). Людям важно обеспечить перспективное будущее как себе, так и своим детям, а также важно, чтобы их навыки, знания и умения были оценены по достоинству через трудоустройство на подходящую должность, а также самоутвердиться за счёт новых возможностей в крупных городах. В то же время, при отсутствии этих факторов, мигрантам более важно повысить свой доход (67%) без потребности в самореализации.

Исходя из полученных результатов, всех мигрантов можно условно разделить на 4 группы (См. Табл. 6): «прагматики» — те, у кого были ожидания и оправдались (51,4%); «амбициозные» мигранты, чьи существовавшие ожидания при миграции не были оправданы (10,1%); «счастливчики» — те, кто не имел ожиданий, однако получившие результат (20,2%); и «безразличные» — у кого не было никаких ожиданий и они, соответственно, не оправдались (18,6%). Реалистичные ожидания позволяют мигрантам реализовывать ими стратегии аккультурации, адекватно оценивать свои возможности и оценивать особенности миграционного процесса. Завышенные ожидания ставят под угрозу положительный результат миграции, провоцируют выход из зоны комфорта, тем самым приводя мигранта к отрицательным эмоциям и расстройствам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексанова О.Е. Профессиональные ожидания мигрантов с различной степенью жизнестойкости // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. № 4. С. 89–93.
2. Андреянова Е.Л., Чипизубова В.Н. Трудовые и карьерные мотивации современной молодежи Иркутской области // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 53. С. 177–194.
3. Бойков В.Э. Социальные аспекты миграции населения // Социология власти. 2007. № 4. С. 35–55.
4. Воробьева О.Д., Топилин А.В., Гребенюк А.А., Лебедева Т.В. Анализ миграционных процессов по данным переписей населения в России // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 1. С. 175–188.
5. Имидеева И.В. Миграционные процессы в Дальневосточном федеральном округе: ожидания и реальность // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2019. № 6. С. 32–40.
6. Мокрецова О.Г. Ожидания в структуре социально-психологической адаптации трудовых мигрантов // Вестник психотерапии. 2015. № 56. С. 136–152.
7. Муращенкова Н.В. Психологический анализ миграционных ожиданий соотечественников, переселяющихся в Россию из Украины и других стран // Психолог. 2017. № 5. С. 77–91.
8. Половинко В.С., Диннер И.В. Влияние профориентации на миграцию и перспективы рынка труда // Вестник Тюменского государственного университета. 2017. Т. 3. С. 19–32.
9. Половинко В.С., Арбуз А.В. Миграционные установки населения в контексте регионального рынка труда // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19. № 1. С. 38–50.
10. Рязанцев С.В. Трудовые мигранты в России: временные работники или постоянные жители? // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции: [Сб. ст.] / Под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. М.: Изд-во Экон-Информ, 2019. С. 492–496.
11. Смотров Т.Н., Гриценко В.В. Удовлетворенность различными сторонами жизнедеятельности как показатель успешности социально-психологической адаптации соотечественников в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6. № 1. С. 53–58.
12. Стоянов А.С. Формирование "Общества ожиданий" как процесс социальной синхронизации // Миссия конфессий. 2019. Т. 8. № 2(37). С. 170–180.
13. Стоянов, А. С., Адаева Е.С. Ожидания как фактор потребительской лояльности к фармацевтическому препарату: бренд vs дженерик (на примере ибупрофена) // Социальные аспекты здоровья населения. 2021. Т. 67. № 4. С. 14
14. Стоянов А.С., Спицына К.Г. Ожидания как фактор мотивации спортсмена // Гуманитарные исследования Центральной России. 2022. № 1 (22). С. 86–97.
15. Фофанова К.В., Сычев А.А. Факторы миграционной привлекательности провинциального города (на примере г. Саранска) // Регионоведение. 2019. № 4 (109). С. 756–778.

16. Шагалкина М.В. Факторы миграционных намерений талантливых выпускников ведущих вузов России // Российский журнал менеджмента. 2019. Т. 17. № 4. С. 445–466.
17. Янгирова Е.И., Кандаурова И.Р., Мусин У.Р. Миграционная привлекательность региона // Московский экономический журнал. 2018. № 4. С. 420–429.
18. Freeman M., Baumann A., Akhtar-Danesh N., Blythe J., Fisher A. Employment goals, expectations, and migration intentions of nursing graduates in a Canadian border city: A mixed methods study // International journal of nursing studies. 2012. Vol. 49. № 12. Pp. 1531–1543.
19. Gea-Caballero V., Castro-Sánchez E., Díaz-Herrera M.Á., Sarabia-Cobo C., Juárez-Vela R., Zabaleta-Del Olmo E. Motivations, Beliefs, and Expectations of Spanish Nurses Planning Migration for Economic Reasons: A Cross-Sectional, Web-Based Survey // Journal of Nursing Scholarship. 2019. Vol. 51. № 2. Pp. 178–186.
20. Gillespie B.J., Mulder C.H., Thomas M.J. Migration for family and labor market outcomes in Sweden // Population Studies. 2021. Vol. 75. № 2. Pp. 209–219.

REFERENCES

1. Aleksanova O.E. *Professional'nye ozhidaniya migrantov s razlichnoj stepen'yu zhiznestojkosti* [Professional expectations of migrants with varying degrees of resilience] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika. 2019. T. 25. № 4. S. 89–93. (In Russian).
2. Andreyanova E.L., Chipizubova V.N. *Trudovye i kar'ernye motivacii sovremennoj molodezhi Irkutskoj oblasti* [Labor and career motivations of modern youth of the Irkutsk region] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. 2021. № 53. S. 177–194. (In Russian).
3. Bojkov V.E. *Social'nye aspekty migracii naseleniya* [Social aspects of population migration] // Sociologiya vlasti. 2007. № 4. S. 35–55. (In Russian).
4. Vorob'eva O. D., Topilin A. V., Grebenyuk A. A., Lebedeva T. V. *Analiz migracionnyh processov po dannym perepisej naseleniya v Rossii* [Analysis of migration processes according to population censuses in Russia] // Ekonomika regiona. 2016. T. 12. № 1. S. 175–188. (In Russian).
5. Imideeva I.V. *Migracionnye processy v Dal'nevostochnom federal'nom okruge: ozhidaniya i real'nost'* [Migration processes in the Far Eastern Federal District: expectations and reality] // Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo. 2019. № 6. S. 32–40. (In Russian).
6. Mokrecova O.G. *Ozhidaniya v strukture social'no-psihologicheskoy adaptacii trudovyh migrantov* [Expectations in the structure of socio-psychological adaptation of migrant workers] // Vestnik psihoterapii. 2015. № 56. S. 136–152. (In Russian).
7. Murashchenkova N.V. *Psihologicheskij analiz migracionnyh ozhidaniy sootchestvennikov, pereselyayushchih'sya v Rossiyu iz Ukrainy i drugih stran* [Psychological analysis of migration expectations of compatriots moving to Russia from Ukraine and other countries] // Psiholog. 2017. № 5. S. 77–91. (In Russian).
8. Polovinko V.S., Dinner I.V. *Vliyanie proforientacii na migraciyu i perspektivy rynka truda* [The impact of career guidance on migration and labor market prospects] // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. Vol. 3. S. 19–32. (In Russian).
9. Polovinko V.S., Arbutov A.V. *Migracionnye ustanovki naseleniya v kontekste regional'nogo rynka truda* [Migration attitudes of the population in the context of the regional labor market] // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2018. Vol. 19. № 1. S. 38–50. (In Russian).
10. Ryazantsev S.V. *Trudovyye migranty v Rossii: vremennyye rabotniki ili postoyannyye zhiteli?* [Labor migrants in Russia: temporary workers or permanent residents?] // Natsional'nyye demograficheskiye prioritety: novyye podkhody, tendentsii: [Sb. st.] / Pod red. S.V. Ryazantseva, T.K. Rostovskoy. M.: Izd-vo Ekon-Inform, 2019. S. 492–496. (In Russian).
11. Smotrova T.N., Gricenko V.V. *Uдовлетворенность razlichnymi storonami zhiznedeyatel'nosti kak pokazatel' uspehnosti social'no-psihologicheskoy adaptacii sootchestvennikov v Rossii* [Satisfaction with

- various aspects of life as an indicator of the success of socio-psychological adaptation of compatriots in Russia] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya*. 2017. Vol. 6. № 1. S.53–58. (In Russian).
12. Stoyanov A.S. *Formirovanie "Obshchestva ozhidaniy" kak process social'noj sinhronizatsii* [Formation of the "Society of Expectations" as a process of social synchronization] // *Missiya konfessij*. 2019. Vol. 8. № 2(37). S. 170–180. (In Russian)
 13. Stoyanov A.S., Adayeva Ye. S. *Ozhidaniya kak faktor potrebitel'skoy loyali k farmatsevticheskomu preparatu: brend vs dzhenerik (na primere ibuprofena)* [Expectations as a factor of consumer loyalty to a pharmaceutical product: brand vs generic (on the example of ibuprofen)] // *Sotsial'nyye aspekty zdorov'ya naseleniya*. 2021. T. 67. № 4. S. 14. (In Russian).
 14. Stoyanov A.S., Spitsyna K.G. *Ozhidaniya kak faktor motivatsii sportsmena* [Expectations as an Athlete's Motivation Factor] // *Gumanitarnyye issledovaniya Tsentral'noy Rossii*. 2022. № 1 (22). S. 86–97. (In Russian).
 15. Fofanova K.V., Sychev A.A. *Faktery migratsionnoy privlekatel'nosti provincial'nogo goroda (na primere g. Saranska)* [Factors of migration attractiveness of a provincial city (on the example of Saransk)] // *Regionologiya*. 2019. № 4 (109). S. 756–778. (In Russian).
 16. Shagalkina M.V. *Faktery migratsionnykh namereniy talantlivykh vypusnikov vedushchih vuzov Rossii* [Factors of migration intentions of talented graduates of leading Russian universities] // *Rossiiskij zhurnal menedzhmenta*. 2019. T. 17. № 4. S. 445–466. (In Russian).
 17. Yangirova E.I., Kandaurova I.R., Musin U.R. *Migratsionnaya privlekatel'nost' regiona* [Migration attractiveness of the region] // *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal*. 2018. № 4. S. 420–429. (In Russian)
 18. Freeman M., Baumann A., Akhtar-Danes, N., Blythe J., Fisher A. *Employment goals, expectations, and migration intentions of nursing graduates in a Canadian border city: A mixed methods study* // *International journal of nursing studies*. 2012. Vol. 49. № 12. Pp. 1531–1543. (In English).
 19. Gea-Caballero V., Castro-Sánchez E., Díaz-Herrera, Sarabia — Cobo C., Juárez-Vela R., Zabaleta — Del Olmo E. *Motivations, Beliefs, and Expectations of Spanish Nurses Planning Migration for Economic Reasons: A Cross-Sectional, Web-Based Survey* // *Journal of Nursing Scholarship*. 2019. Vol. 51. № 2. Pp. 178–186. (In English).
 20. Gillespie B.J., Mulder C.H., Thomas M.J. *Migration for family and labour market outcomes in Sweden* // *Population Studies*. 2021. Vol. 75. № 2. Pp. 209–219. (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.007

УДК 316.347(571.122)

ББК 60.545.1(2Рос-6Хан)

Н.В. ТКАЧУК

**ЭТНИЧЕСКИЕ АВТОСТЕРЕОТИПЫ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СЕВЕРА
(СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС В ЮГРЕ)**

N.V. TKACHUK

**ETHNIC AUTOSTEREOTYPES
OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH
(SOCIOLOGICAL SURVEY IN YUGRA)**

В статье представлены результаты социологического исследования автостереотипов обских угров и ненцев Ханты-Мансийского автономного округа-Югры (далее — Югра). С помощью вопросов оценочной анкеты выявлены основные характеристики социальной группы по отношению к себе. Заключается, что картина автостереотипов отражена своеобразными этническими маркерами (традиция, ритуал, обряд), выделяются среди содержательных единиц автостереотипов духовное мировоззрение представленных этносов в тесной связи с окружающей природой, положительные представления собственной этнонациональной общности.

The article presents the results of a sociological study of autostereotypes of the Ob Ugrians and the Nenets of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra (hereinafter Yugra). With the help of the questionnaire the main characteristics of the social group in relation to themselves are revealed. It is concluded that the picture of autostereotypes is reflected by peculiar ethnic markers (tradition, ritual, rite). The spiritual worldview of the represented ethnic groups in close connection with the surrounding nature, positive representations of their own ethno-national community stand out among the meaningful units of autostereotypes.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коренные малочисленные народы, Югра, этнические автостереотипы, социологический опрос.

KEY WORDS: indigenous peoples, Yugra, ethnic autostereotypes, sociological survey.

ВВЕДЕНИЕ. Вопрос о том, что думают о себе те или иные представители этноса, какими характеристиками себя наделяют, является весьма любопытным в исследовании этнической идентичности и самовосприятия. Простота вопросов и очевидность ответов вызывают исследовательский интерес на протяжении длительного времени у исследователей на междисциплинарном подходе. В работе использованы труды отечественных авторов, исследовавших многомерность феномена «стереотип» и уже ставших классическими в современных теориях этнокультурных процессов [1,8,15,16,20,21]. Данная работа имеет целью выявление этнических автостереотипов, которыми оперируют современные малочисленные этнические группы (ханты, манси, ненцы), проживающие на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Среди поставленных задач: проанализировать понятие «стереотип», выявить основные описательные характеристики обских угров и ненцев по отношению к своему этносу.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В рамках социологического мониторинга «Современная этническая идентичность коренных малочисленных народов Югры» (2019–2021 гг.) методом анкетного опроса было опрошено 476 респондентов — представителей этнических

групп: ханты (62,5%), манси (26,7%), ненец (6%), другие (3,3%). Возрастные группы респондентов различны: до 20 лет (11,6%); 21–30 лет (15,5%); 31–40 лет (16,8%); 41–50 лет (23,2%); 51–60 лет (17,4%); 61 и старше (14,3%). Первичные социологические данные обработаны на базе программного обеспечения «Vortex». В ходе прикладного исследования ставилось одной из задач выявить и проанализировать содержание этнических автостереотипов обских угров и ненцев, в связи с чем респондентам предлагалось ответить на открытый вопрос анкеты: «Назовите явные черты, качества характера, которые присущи Вашей национальности?». Путем письменных ответов респондентов — перечисления особенностей и характеристик, присущих национальности, к которой опрашиваемый сам себя относит, получены эмпирические данные. Проведенное социологическое исследование позволяет получить материал по исследуемой проблеме и в дальнейшем его интерпретировать.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Понятие «стереотип» связано с именем Уолтера Липпмана (1889–1974), американского политического мыслителя. Не теряют своей актуальности работы У. Липпмана в среде современных исследователей, обзорная статья о его книге «Общественное мнение» [9] представлена в работе Р.М. Фрумкиной [18]. В научной литературе представления У. Липпмана до сих пор вызывают интерес со стороны исследователей стереотипного, его мысли дают возможность лучше понимать то, что человека окружают другие люди (группы, этносы, сообщества) с различными признаками, определяющим принадлежность к кому-либо. Идеи и мысли У. Липпмана до сих пор привлекают внимание исследователей: А. Ослон [12], А.Ю. Вязинкин [3], Т.Г. Стефаненко [15]. А. Ослон пишет: «И хотя Липпман не был ни первым, ни единственным автором, постулировавшим наличие неких «когнитивных карт», опосредующих и направляющих процесс социального познания, предложенный им термин приобрел исключительную, причем растущую популярность. В своей книге «Общественное мнение» он предвосхитил основные смыслы, которые в дальнейшем исследователи обнаружили в стереотипах, а само понятие прочно вошло в обиходный язык. Но сам Липпман — не «чистый» исследователь, и его книга — не научный трактат. Она скорее манифест определенного мировоззрения, сформировавшегося у автора в результате богатого жизненного опыта и благодаря его исключительному здравому смыслу» [12, с. 125–126].

Существует разнообразие исследований о стереотипе как о мыслительной оценке человеком чего-либо. Говорится о неоднозначности, емкости и многомерности стереотипа [19, с. 69], его рассматривают как препятствие в проявлении тех или иных способностей человека [5].

Этимология слова «стереотип» указывает на какой-то «след», «изображение». В Словаре терминов межкультурной коммуникации говорится, что «стереотип» — слово греческого происхождения, состоит из морфем *stereos* — «твердый», *typos* — «отпечаток», это стандартизированный, устойчивый, эмоционально насыщенный, определенный образ, концентрированное выражение социальной установки по отношению к «чужому» [6, с. 395]. Автостереотип — стандартное мнение, суждение, представление этноса, этнической или социальной группы, отдельных индивидов о себе; своего рода самоопределение характера нации, образа собственного народа» [6, с. 10]. Образы по отношению к себе складываются из положительных описаний, оценок, «в основе стереотипа социального находится реальный психологический феномен генерализации, обобщения, схематизации данных своего и чужого опыта» [11, с. 538].

Основные признаки стереотипности складываются на междисциплинарном уровне социологии, политологии, этнографии, психологии, лингвистики и др., соответственно, стереотип рассматривается «как социальный, политический, ментальный, мыслительный, поведенческий, двигательный, культурный, этнический, этнокультурный, расовый, профессиональный, гендерный, языковой, речевой, коммуникативный и т.д.» [19, с. 69].

Научные знания в области этнических стереотипов многомерны. Так, В.Г. Крысько отмечает, что автостереотип это компонент национального сознания, «образ представителей своей нации», а гетеростип «образ соседей» [8, с. 78]. Т.Г. Стефаненко, опираясь на зарубежные исследования, рассуждает об ошибочном подходе к стереотипу как «об исключительно негативном явлении» [15, с. 130], по ее мнению, это связано с тем, что «в мировой науке чаще всего изучались негативные стереотипы подвергавшихся дискриминации этнических меньшинств» [15, с. 130]. Б.Р. Мандель также уделил внимание объяснению об этнических стереотипах как об отрицательном феномене [20]. Е.В. Голуб опирается на концепцию Л.Н. Гумилева, который выдвигал стереотипное как этнический маркер: «Суть подхода заключается в том, что «система поведенческих навыков, передаваемых из поколения в поколение и складывающиеся в процессе адаптации этической системы к окружающей ее среде (ландшафтной и иноэтнической) определяет неповторимый облик каждого этноса» [4, с. 18].

Следует отметить, что в научной литературе встречаются различные мнения относительно предыдущего опыта, концепций этничности. Так, В.А. Тишков пишет, что, указывая на некоторые важные проблемы (скажем, связь культуры с экологической обстановкой, роль воспитания детей, межпоколенная трансмиссия культуры, этнические стереотипы поведения, межэтнические отношения и пр.), Л.Н. Гумилев не только всерьез эти проблемы не изучал, но даже не знал современной ему научной литературы. Он черпал свои знания из литературы второй половины XIX — начала XX в., когда этнология еще только вставала на ноги [16, с. 29]. Основываясь на подходе С.В. Кардинской к процессу конструирования этничности, Н.П. Копцева отмечает: «Свой» и «иной» — это имена этничности, знаки, с помощью которых она обозначает свое существование» [7, с. 41].

Краткий обзор теоретических исследований в области стереотипов (этнических автостереотипов) показывает многогранность взглядов и междисциплинарный прикладной интерес к проблеме. Так, в социологии в основе эмпирических материалов исследователями используется метод авто— и гетеростипов [21, с. 14], в этнологии, по А.П. Садохину, наряду с термином «стереотип» используется термин «этнический образ» — форма краткого описания, «в котором выделяется какое-то одно типическое свойство в восприятии представителей других этносов. Этнический образ, акцентируя внимание на какой-либо специфической черте внешнего поведения индивида, формирует общее представление того или иного этноса в целом», описательный образ [14, с. 55].

Несмотря на многогранность познаний в области стереотипного, по-прежнему вызывают интерес этнические автостереотипы (представление этноса о себе) отдельных народов. «Этнические стереотипы — один из видов социальных стереотипов, которые описывают членов этнических групп, приписываются им или ассоциируются с ними. Виды этнических стереотипов: позитивные, негативные, автостереотипы, гетеростереотипы». [20, с. 133–136]. Так, титульные этносы Югры — ханты, манси, ненцы, живущие в поликультурном пространстве, на территории автономии в соседстве с более чем 120 представителями других этносов, традиционно, в содержании исследований выделяются стереотипами, связанными географическим, природно-ландшафтным своеобразием, духовно-материальным укладом жизни этих народов. И.Е. Пестрикова пишет, что «основной чертой самобытного менталитета коренных малочисленных народов Западной Сибири является то, что он формировался в совершенно уникальном природно-климатическом, географическом и ландшафтном отношении регионе. В своей повседневной деятельности, жизни и труде человек приспосабливается к обычной для него природной среде, вырабатывая при этом определенные стереотипы поведения, привычки и навыки, а также закрепляющие их психологические установки, эмоциональные реакции, задающие контуры национального характера» [13, с. 40]. Так, уральский ис-

следователь В.Г. Логинов называл характерными чертами титульных этносов Западной Сибири приспособленность к жизни и работе в экстремальных условиях [10, с. 898]. Н.А. Бутенко, рассмотрев фольклорные, мифологические образы и культурные маркеры ханты, манси, заключает, что коренные северные народы, приспосабливаясь к тяжёлым природно-климатическим условиям жизни, выработали особенные национальные стереотипы поведения, привычки, нравы, психический склад и национальный характер. Анализ содержания этнического характера ханты и манси показывает, что особенности характера запечатлены в этническом самосознании посредством языка, фольклора, стереотипов поведения [2, с. 1412]. В этнопсихологии приводятся характерные этнические качества этим народам: «трудолюбие, дисциплинированность, исполнительность и аккуратность во всех видах деятельности; неприхотливость в повседневной жизни и в быту; твердость, рассудительность, неторопливость и последовательность в действиях и поступках; обостренное чутье в выборе средств и способов достижения в любом деле продуктивных положительных результатов; стремление к эмоциональной и интеллектуальной близости с другими людьми, пониманию их образа жизни и мышления, уважению их мнений, традиций, обычаев и привычек; высокая чувствительность в межличностных отношениях, готовность понять и простить заблуждения и ошибки представителей иных этнических общностей» [8, с. 153]. Среди особенностей стереотипных представлений о ханты, манси В.Г. Крысько называет следующие: «отличаются практическим складом ума, большой сообразительностью, трудолюбием, выдержкой и выносливостью, художественными способностями» [8, с. 155].

В представленном материале используются социологические результаты – ответы респондентов на открытый тип вопроса об описании собственной нации. Изучение содержания полученных вариаций показывает, как и ожидалось, абсолютное число положительных автостереотипов обских угров и ненцев. Ранжирование вариаций представлено по частоте высказывания (табл.). Представление о самих себе как этносе включает спектр положительных качеств, которые, как правило, располагают к окружающим — доброта, трудолюбие, скромность, уважение, гостеприимство, честность, отзывчивость. Представленные характеристики выступают часто употребляемыми в ответах респондентов, что составляет около 14% от общего числа опрошенных по каждой вариации. Рядом с этими характеристиками представлены психологические установки, которые проявляют себя в ситуациях, требующих решительности в поведении человека — выдержка, смелость, сила духа, упорство, стойкость, храбрость. По мнению опрошенных, этническое самовосприятие ханты, манси, ненцев происходит через характерные способности управлять своими эмоциями (сдержанность, спокойствие, терпеливость, строгость, миролюбие), через умение соблюдать формальные правила (вежливость), или, например, педантичность — качество, требующее предельной точности и аккуратности в деле, также через ответственные действия во взаимоотношениях — добропорядочность, ответственность (табл. 1).

Таблица 1. Ответы на вопрос: «Назовите явные черты, качества характера, которые присущи Вашей национальности?» (абсолютных цифрах, в %)

Значения	Частота	% от ответов	% от опрошенных
Доброта	67	15,0	13,9
Трудолюбие	67	15,0	13,9
Скромность	51	11,4	10,6
Выдержка	25	5,6	5,2
Отзывчивость	25	5,6	5,2

Уважение	18	4,0	3,7
Смелость	18	4,0	3,7
Честность	18	4,0	3,7
Сила духа	13	2,9	2,7
Упорство	12	2,7	2,5
Гостеприимство	12	2,7	2,5
Любовь к малой родине	11	2,5	2,3
Доверчивость	10	2,2	2,1
Сдержанность	9	2,0	1,9
Спокойствие	9	2,0	1,9
Терпеливость	8	1,8	1,7
Стойкость	7	1,6	1,4
Открытость	7	1,6	1,4
Бережное отношение к природе	6	1,3	1,2
Уважение к старшим	6	1,3	1,2
Миролюбие	4	0,9	0,8
Ответственность	3	0,7	0,6
Внешний вид	3	0,7	0,6
Аккуратность	3	0,7	0,6
Любовь к своей земле, родине	3	0,7	0,6
Упорство	3	0,7	0,6
Строгость	3	0,7	0,6
Культура	2	0,4	0,4
Соблюдение традиций	2	0,4	0,4
Веселые	2	0,4	0,4
Вежливость	2	0,4	0,4
Религия	2	0,4	0,4
Искренность	2	0,4	0,4
Целеустремленность	1	0,2	0,2
Покладистость, неконфликтность	1	0,2	0,2
Педантичность	1	0,2	0,2
Рукоделие	1	0,2	0,2
Бережливость	1	0,2	0,2
Нерешительность	1	0,2	0,2
Дружелюбие	1	0,2	0,2
Умение ориентироваться в лесу	1	0,2	0,2
Добропорядочность	1	0,2	0,2
Работающие	1	0,2	0,2
Не боятся холода	1	0,2	0,2
Храбрость	1	0,2	0,2
Правильно жить	1	0,2	0,2
Узкие глаза	1	0,2	0,2
Сумма:	447	100,0	92,5
Итого ответивших:	233		48,2

* Пропуски: 250 из 483 (51,8%) – затруднились ответить

В суждениях относительно этнического образа своей группы современные ханты, манси, ненцы выделяют свойственные качества, связанные с природно-климатическими факторами: «умение ориентироваться в лесу», «не боятся холода», «бережное отношение

к природе». Кроме этого, среди описательных черт своего образа прослеживается восприятие себя через духовное, традиционное: «соблюдение традиций», «религия», «уважение к старшим», «любовь к своей земле, родине» [17, с. 149], «бережное отношение к природе». Называют стереотипы, которые касаются традиционного разделения ролей между мужчиной и женщиной в жизнедеятельности: для женщин, как правило, качества искусного труда — «рукоделие», для мужчин навыки добытчика — «умение ориентироваться в лесу», «выносливость». Кроме положительных описательных черт, опрошенные самокритично выражают, по их мнению, свойственные их народам качества: «отсутствует предприимчивость, которая свойственна другим народам», «...не хватает твердости и требовательности», «...иногда мешает нерешительность и излишняя покладистость» [17, с. 149], «неуверенность очень мешает», «...надо быть поувереннее». Отсутствие таких черт характера, как неконфликтность, предупреждение ссор считают сами опрошенные как недостаток, и считают наоборот, могло бы быть и необходимостью в определенных сложившихся обстоятельствах, когда необходимо проявить твердость характера, напор, требовательность. Отметим, что среди описания характеристик крайне негативными чертами по отношению к своей этнической группе, по мнению опрошенных респондентов, являются лень, хитрость, зависть.

ВЫВОДЫ. Таким образом, из озвученных примеров складывается образ людей, находящихся в неразрывной связи с живой природой, окружающим миром. Ведущими чертами являются гармоничное отношение к природе («бережливость» — знания о нормах, правилах в природе, «любовь к природе» — экомышление). Внутренне человек наполнен добротой, силой духа, выдержкой, жизнеспособностью — это описания, которые включены в повседневный образ жизни коренных народов и заняли заметное место среди (образовавшихся) вариаций на основе ответов респондентов.

Изучение доступных опубликованных источников разных лет показало, что самовосприятие обских угров и ненцев Югры главным образом ассоциируется через духовные ценности, сформировавшиеся в течение жизненного опыта (самобытный уклад жизни, традиционное воспитание). Незначительное описание отрицательных компонентов этнических авторстереотипов (лень, хитрость, зависть) по отношению к своему этносу дает возможность исключить наличие этнического эгоцентризма у представленных народов. Опираясь на предыдущий исследовательский опыт, отметим, что описательные стереотипы коренных народов Севера содержат реальные, а не воображаемые черты собственной этнической группы, которые являются устойчивыми в длительный исторический период времени.

Феномену «стереотип» присуща изменчивость, что не может не вызывать в дальнейшем исследовательского интереса с целью выделения существенных свойств, признаков объекта исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.
2. Бутенко Н.А. Этническая идентичность коренных народов Севера в современных условиях: теоретические основания и проблема сохранения // Манускрипт 2021. Т. 14, № 7. С. 1409-1414. URL: <http://manuscript-journal.ru>. (дата обращения: 09.11.2021).
3. Вязинкин А.Ю. «Демократический реализм» Уолтера Липпмана // Интеллигенция и мир. 2021. № 1. С. 69-81.
4. Голуб Е.В. Развитие этнической идентичности как фактор социализации подростка в полиэтнического региона: монография Е.В. Голуб. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. 128 с.
5. Дойч Б. Найти себя. Как выйти за рамки стереотипов и обрести свой путь / Боб Дойч при участии Лу Ароники; пер. с англ. Василия Горохова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 272 с.

6. Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзefович; под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. М.: Флинта: Наука, 2013. 632 с.
7. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе: монография / Н.П. Копцева, Н.Н. Середкина. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. 184 с.
8. Крысько В.Г. Этническая психология: Учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 320 с.
9. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой; редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
10. Логинов В.Г., Игнатъева М.Н., Балашенко В.В. Этносоциоэкоcистемный подход к оценке жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера // Экономика региона. 2018. Т. 14. вып.3. С. 896–913.
11. Осипов Ю.С. и др. Большая российская энциклопедия. [Текст]: [в 30 т.]. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2004. 672 с.
12. Ослон А. Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение» / пер. с англ. Т.В. Барчуновой // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 125–126.
13. Пестрикова И.Е. Роль географического фактора в формировании менталитета коренных малочисленных народов Западной Сибири // Омский научный вестник. 2010. № 4 (89). С. 39–43.
14. Сироткина Т.А. Основные способы репрезентации категории этничности в языковой картине мира // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 3. С. 87–92.
15. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.
16. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В.А. Тишков; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2013. 649 с.
17. Ткачук Н.В. Этническая идентичность коренных малочисленных народов: социологический анализ // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 1. С. 142–152.
18. Фрумкина Р. Уолтер Липпман: свободный коллективизм! // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 123–124.
19. Щекотихина И.Н. Стереотип: аспекты и перспективы исследования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. № 5(19). С. 69–81.
20. Этнопсихология: учеб. пособие / Б.Р. Мандель. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014.
21. Этническая идентичность в контексте толерантности / С.В. Рыжова. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.

REFERENCES

1. Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A.: *E`tnosociologiya* [Ethnosociology]. M.: Aspekt-Press, 1999. 271 s. (In Russian).
2. Butenko N.A. *E`tnicheskaya identichnost` korennyy`x narodov Severa v sovremenny`x usloviyax: teoreticheskie osnovaniya i problema soxraneniya* [Ethnic identity of the indigenous peoples of the North in modern conditions: theoretical foundations and the problem of preservation] Manuscript 2021. T. 14, № 7. S.1409–1414. URL: <http://manuscript-journal.ru>. (data obrashheniya: 09.11.2021). (In Russian).
3. Vyazinkin A.Yu. «*Demokraticeskij realizm*» *Uoltera Lippmana* [«Democratic realism» by Walter Lippman] // *Intelligenciya i mir*. 2021. № 1. S.69–81. (In Russian).
4. Golub E.V. *Razvitie e`tnicheskoy identichnosti kak faktor socializacii podrostopka v polie`tnicheskogo regiona* [Development of ethnic identity as a factor of socialization of a teenager in a multiethnic region]: monografiya E.V. Golub. Orenburg: Izdatel`skij centr OGAU, 2014. 128 s. (In Russian).
5. Dojch B. *Najti sebya. Kak vy`jti za ramki stereotipov i obresti svoj put`* [Find yourself. How to go beyond stereotypes and find your way] / Bob Dojch pri uchastii Lu Aroniki; per. s angl. Vasiliya Goroxova. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2014. 272 s. (In Russian).

6. Zhukova I.N. *Slovar` terminov mezhkul`turnoj kommunikacii* [Dictionary of terms of intercultural communication] / I.N. Zhukova, M.G. Lebed`ko, Z.G. Proshina, N.G. Yuzefovich; pod red. M.G. Lebed`ko i Z.G. Proshinoj. M.: Flinta: Nauka, 2013. 632 c. (In Russian).
7. *Konstruirovaniye pozitivnoy e`tnicheskoy identichnosti v polikul`turnoj sisteme* [Constructing a positive ethnic identity in a multicultural system]: monografiya / N.P. Kopceva, N.N. Seredkina. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2013. 184 s. (In Russian).
8. Kry`s`ko V.G. *E`tnicheskaya psixologiya* [Ethnic psychology]: Ucheb.posobie dlya stud. vy`ssh. ucheb. zavedenij. 2-e izd., stereotip. M.: Izdatel`skij centr «Akademiya», 2004. 320 s. (In Russian).
9. Lippman U. *Obshhestvennoe mnenie* [Public Opinion] / per. s angl. T.V. Barchunovoj; redaktory` perevoda K.A. Levinson, K.V. Petrenko. M.: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie», 2004. 384 s. (In Russian).
10. Loginov V.G., Ignat`eva M.N., Balashenko V.V. *E`tnosocioe`kosistemny`j podxod k ocenke zhiznedeyatel`nosti korenny`x malochislenny`x narodov Severa* [Ethnosocioecosystem approach to the assessment of the vital activity of indigenous peoples of the North] // *E`konomika regiona*. 2018. T.14. vy`p.3. S.896-913. (In Russian).
11. Osipov Yu.S.i dr. *Bol`shaya Rossijskaya e`nciklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. [Tekst]: [v 30 t.]. Moskva: Bol`shaya Rossijskaya e`nciklopediya, 2004. 672 s. (In Russian).
12. Oslon A. *Uolter Lippman o stereotipax: vy`piski iz knigi «Obshhestvennoe mnenie»* [Walter Lippman on stereotypes: extracts from the book «Public Opinion»] / per. s angl. T.V. Barchunovoj // *Social`naya real`nost`*. 2006. № .4. S.125-126. (In Russian).
13. Pestrikova I.E. *Rol` geograficheskogo faktora v formirovanii mentaliteta korenny`x malochislenny`x narodov Zapadnoj Sibiri* [The role of the geographical factor in the formation of the mentality of indigenous small-numbered peoples of Western Siberia] // *Omskij nauchny`j vestnik*. 2010. № 4 (89). S. 39-43. (In Russian).
14. Sirotkina T.A. *Osnovny`e sposoby` reprezentacii kategorii e`tnichnosti v yazy`kovoj kartine mira* [The main ways of representing the category of ethnicity in the linguistic picture of the world] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2011. № 3. S.87-92. (In Russian).
15. Stefanenko T.G. *E`tnopsixologiya* [Ethnopsychology] M.: Institut psixologii RAN, «Akademicheskij proekt», 1999. 320 s. (In Russian).
16. Tishkov V.A. *Rossijskij narod: istoriya i smy`sl nacional`nogo samosoznaniya* [The Russian people: the history and meaning of national identity] / V.A. Tishkov; Institut e`tnologii i antropologii im. N.N. Mikluxo-Maklaya RAN. M.: Nauka, 2013. 649 s. (In Russian).
17. Tkachuk N.V. *E`tnicheskaya identichnost` korenny`x malochislenny`x narodov: sociologicheskij analiz* [Ethnic identity of small indigenous peoples: a sociological analysis] // *Social`naya kompetentnost`*. 2021. T.6. № .1. S.142-152. (In Russian).
18. Frumkina R. *Uolter Lippman: svobodny`j kollektivizm!* [Walter Lippman: free collectivism!] // *Social`naya real`nost`*. 2006. № 4. S.123-124. (In Russian).
19. Shhekotixina I.N. *Stereotip: aspekty` i perspektivy` issledovaniya* [Stereotype: aspects and prospects of research] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2008. № 5(19). S.69-81. (In Russian).
20. *E`tnopsixologiya* [Ethnopsychology]: ucheb. posobie / B.R. Mandel`. 2-e izd., ster. M.: FLINTA, 2014. (In Russian).
21. *E`tnicheskaya identichnost` v kontekste tolerantnosti* [Ethnic identity in the context of tolerance] / S.V. Ry`zhova. M.: Al`fa-M, 2011. 280 s. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.006

УДК 37.015.4:004

ББК 60.561.9

В.В. ГАВРИЛОВ

**К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ
ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ**

V.V. GAVRILOV

**ON THE ISSUE OF PROFESSIONAL
SELF-IDENTIFICATION
OF STUDENTS-JOURNALISTS
OF THE DIGITAL ERA**

Статья посвящена вопросу профессиональной самоидентификации студентов-журналистов цифровой эпохи. Было важно выяснить, используя гайд-интервью как метод социологического опроса, насколько готовы студенты (будущие выпускники) осуществлять свою профессиональную деятельность в новых условиях. Было установлено, что большинство студентов способны адекватно оценить ситуацию на медиарынке, свои конкурентные преимущества в профессии, видят положительные и отрицательные стороны цифровизации журналистики. Студенты полагают, что именно государство должно устранить угрозы цифровизации, сами студенты готовы использовать информационные технологии и креативный подход, чтобы решать социальные вопросы и формировать общественное мнение. Студенты верно определяют профессиональные компетенции, которые понадобятся им в профессиональной сфере. Однако выяснилось, что компетенции, связанные с маркетингом, изучением общественного мнения, работой со специальными программами, а также работой в совместных редакторских средах, у них развиты недостаточно. Педагогам и наставникам на производстве предстоит заполнить существующие пробелы.

The article is devoted to the issue of professional self-identification of students-journalists of the digital era. It was important to find out, using the guide interview as a method of sociological survey, the readiness of students (future graduates) to carry out their professional activities in new conditions. It was found that the majority of students are able to adequately assess the situation in the media market, their competitive advantages in the profession, see the positive and negative sides of the digitalization of journalism. Students believe that it is the state that should eliminate the threats of digitalization, students themselves are ready to use information technology and a creative approach to solve social issues and form public opinion. Students correctly identify the professional competencies that they will need in the professional field. However, it turned out that their competencies related to marketing, studying public opinion, working with special programs, as well as working in joint editorial environments, are not sufficiently developed. Teachers and mentors in the workplace will have to fill in the existing gaps.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: компетенция, креативность, массмедиа, цифровая эпоха, самоидентификация, общественное мнение, цифровые среды, конвергентная журналистика.

KEY WORDS: competence, creativity, mass media, digital age, self-identification, public opinion, digital media, convergent journalism.

ВВЕДЕНИЕ. Социологические исследования показывают все возрастающую роль молодежи в жизни общества. В настоящее время на Земле «проживает 1,8 млрд молодых людей — самое большое число за всю историю человечества» [9]. В рамках Всероссийской переписи населения (2020 г.) были получены следующие сведения: в настоящее время в России проживает «24,3 млн человек в возрасте от 15 до 29 лет, что составляет 16,5% всего населения страны» [1]. Также следует отметить, что в 2020 году Государственная дума в законопроекте о молодежной политике в РФ повысила «возраст молодежи до 35 лет включительно, ее численность теперь увеличится на 12,7 млн человек, достигнув 41 миллиона» [4].

Однако мы, при выборе социально-демографической группы для исследования, руководствовались больше не количественными, а качественными показателями. Представители данной группы, обладая высоким интеллектуальным, культурным и творческим потенциалом, при этом в большинстве своем имеют достаточно скудный жизненный опыт для реализации потенциала, изменения социума под свои стандарты, под свою картину мира. Колоссальное воздействие на картину мира молодежи, их ценности, социокультурную идентичность, бесспорно, оказывают интернет-источники, цифровые масс-медиа. Эту мысль в своих работах с предельной ясностью обозначает В.Ф. Олешко: «...наряду с традиционной экономической, социальной, мировоззренческой проблематикой, всегда свойственной возрастному становлению личности, нынешний этап отличается высоким уровнем критического и протестного потенциала цифрового поколения, а поведенческая стратегия его все чаще предопределяется мобилизационными эффектами социальных медиа» [7, с. 137–138].

Особенно тяжелыми для российской молодежи были 90-е годы прошлого века, когда страна переходила от социализма к рыночной экономике. Молодежь изначально обладает низкой конкурентоспособностью в профессиональной сфере. Тем более так было в момент кардинальных экономических реформ. Как отмечают исследователи, «молодежь в современных условиях находится в положении маргинала, потерявшего связь с социокультурной средой, породившей это молодое поколение. Это было вызвано не только серьезными экономическими затруднениями, но и разрушением и изменением социальных связей, которые затронули и семейные, соседские, социально-профессиональные, этнические отношения, разрушением господствующей ранее системы ценностей и морально-психологических конструкций, связывавших людей» [6, с.5]. В этой связи мы можем утверждать, что снижение или, напротив, увеличение протестного потенциала во многом зависит от экономического и культурного состояния страны, эффективности государственной молодежной политики: чем меньше внимания уделяется проблемам молодежи, тем выше протестные настроения в данной социальной группе. Именно этим определяется актуальность изучения различных аспектов социокультурной идентификации молодежи как в России, так и за рубежом.

Глобализация современного мира оказала влияние практически на все сферы деятельности человека (экономическую, технологическую, информационную, духовно-нравственную, социокультурную, профессиональную и др.) Во многом развитию процессов глобализации содействует цифровизация. Этот процесс не мог не затронуть и такую достаточно унифицированную область деятельности, как журналистика. В этой связи обращение к проблемам молодежи, к вопросам самоидентификации студентов журналистов является достаточно актуальным, поскольку именно современным журналистам предстоит в самое ближайшее время формировать медиаповестку страны и общественное сознание граждан. Безусловно, в этой связи необходимо понимать, как идентифицируют себя студенты-журналисты, каково их отношение к происходящим процессам и как они оценивают свое место в быстро меняющемся цифровом мире.

ЦЕЛЬ СТАТЬИ — дать оценку профессиональной самоидентификации студентов-журналистов цифровой эпохи.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая база исследования

Социологи начали изучать молодежь в конце XIX века, когда произошла индустриализация в Европе, но лишь в конце XX века молодёжь выделили в отдельную социально-демографическую группу. Изучение социальной идентичности, самоидентичности, самоидентификации молодежи связано с двумя научными сферами: социологией и психологией. Среди психологов, занимавшихся проблемами молодежи, можно отметить следующих ученых: К. Юнг, З. Фрейд, Ж. Пиаже, Э. Берн, А.Н. Леонтьев, А.В. Выготский, С.Л. Рубенштейн, Л.М. Архангельский, С.Н. Иконникова, И.С. Кон, В.Т. Лисовский, В.Б. Ольшанский, Д.И. Фельдштейн, В.М. Щердаков и др.

Среди западных философов, социологов следует назвать Д. Белла, Г. Маркузе, Р. Мертона, Т. Парсонса, В. Райха, А. Радклифф-Брауна, Э. Фромма (структурно-функциональная концепция). Рискологическая концепция формируется в рамках теорий У. Бека, Э. Гидденса, М. Дугласа, С. Лаша, Н. Лумана. Нам близка культурологическая концепция (1960–1970-е гг.), построенная на работах П. Бергера, Т. Лукмана, А. Шюца. Социокультурная идентификация молодежи рассматривается в соотношении с идеями, образами, представлениями, мотивами, целями социума (т.е. молодежь изучается как элемент социально-культурного пространства общества).

В России проблемы молодежи изучали И.В. Бестужев-Лада, Ю.А. Левада, И.Т. Левыкин, В.Н. Боряз, В.Г. Васильев, А.С. Канто, А.С. Колесников, В.А. Мансуров, И.М. Слепенков, В.И. Староверов, С.С. Фролов, В.Н. Шубкин, Ф.Р. Филиппов, М.Н. Руткевич, Л.Я. Рубина и другие.

Собственно вопросами идентичности и самоидентичности молодежи в свое время занимались такие исследователи, как Э. Эриксон, Waterman, Грушин, Marcia и др. В качестве основных элементов идентичности рассматривались цели, ценности и убеждения, которые формируются в результате личного ответственного выбора в период кризиса идентичности.

Исследователи выделили основные проблемы, связанные с социокультурной идентификацией молодежи: «мировоззренческие ценности, которые определяют поведение, массмедиа как источник их формирования; отношение молодежи к идеям и практике гражданского общества; ксенофобия; экстремистские проявления в данной среде и влияние способов коммуникации на социализацию; социальный и экономический статусы молодых людей» [2], свобода выбора при решении жизненных задач, жизненные цели и убеждения (А.В. Быков, Е.А. Настина).

Проблемами профессиональной идентичности как составляющей социокультурной идентичности молодежи занимались такие исследователи, как Перинская Н.А., Кулакова А.С., Пронина Е.Е., Олешко В.Ф., Олешко Е.В. и др.

Социологи Д.В. Дунас и С.А. Вартанов говорят о цифровых массмедиа как о неотъемлемой составляющей молодежи как сегмента общества. Это создает коммуникативно благоприятные условия для оперативного восприятия и интериоризации/интерпретации информации. Однако при низкой медиаграмотности возникает возможность манипулятивного воздействия СМИ на реципиента [3].

Иными словами, в настоящее время именно цифровые медиаресурсы определяют и будут определять в ближайшем будущем идентификацию молодежи, в значительной степени влияют на их жизненный выбор, поведение, социализацию и профессионализацию. В этой связи исследования в данном направлении позволят не только обозначить назревшие в молодежной среде проблемы идентификации в цифровую эпоху, но и сделать

ряд выводов относительно медийного статуса личности, стратегии взаимодействия с молодежью, а в дальнейшем — помочь молодым людям в непростом процессе самопознания, самооценки, выбора оптимального вектора взаимодействия с представителями органов власти и других поколений.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. При изучении социокультурной идентичности личности в науке чаще всего используются соцопросы (в цифровую эпоху — онлайн-опросы) и анкетирование. Однако полученные данные не всегда являются объективными. Как справедливо отмечают В.Ф. Олешко, Е.В. Олешко, О.С. Мухина, участниками таких опросов чаще всего «становятся одни и те же активные пользователи глобальной Сети, стремящиеся к самопрезентации. А система анкет с предпосланными «закрытыми» ответами... позиционирует заранее сформулированные исследователями гипотезы или их развитие в том или ином направлении» [7, с. 140]. Сами исследователи, изучая ключевые аспекты самоидентификации студентов-журналистов, ставя перед ними проблемный вопрос «Легко ли быть молодым?», использовали жанр эссе как одну из форм репрезентации субъективного опыта представителей творческой профессии. О неэффективности количественных методов при исследовании вопросов, связанных с интенциями личности, ее самоидентификацией, поведенческими моделями, профессиональными предпочтениями, позиционированием себя в обществе (и в профессиональном сообществе в частности) говорит и С.Г. Коваленко [5].

С учетом сказанного выше, мы выбрали следующие методы исследования: интервью с путеводителем («гайд-интервью»), метод теоретико-методологического анализа (изучение степени разработанности проблемы) и метод дискурсивной рефлексии (построение теоретических положений и выводов на основе имеющегося опыта).

Мы убеждены, что изучение вопросов социокультурной идентичности молодежи (особенно творческих направлений подготовки) возможно лишь с помощью качественных исследований. Метод гайд-интервью позволяет «определить личные связи и отношения к значимому для респондентов событийному ряду. Преимущество указанного метода перед структурированными интервью заключается в том, что при его профессиональной реализации появляется возможность получения интересной дополнительной информации. Гайд-интервью основывается на использовании различного рода методик, способных побудить респондента к обстоятельному и глубокому рассуждению по ряду обозначенных вопросов» [5, с. 58–59].

При составлении вопросов для гайд-интервью мы учитывали требования (рекомендации) современной методологии:

1. Запрещено употребление малораспространенных, малопонятных слов и специальных терминов.
2. Вопросы должны быть краткими.
3. При необходимости вопрос может сопровождаться пояснением, но сама формулировка должна оставаться лаконичной.
4. Вопросы не должны содержать подсказку.
5. Вопрос нужно сформулировать так, чтобы предотвратить получение шаблонных ответов.
6. Не следует, чтобы вопрос принуждал респондентов к неприемлемым для них ответам.
7. Язык вопросов не должен вызывать отвращение (к примеру, быть слишком экспрессивным).
8. Недопустимы вопросы суггестивного (внушающего) характера» [8, с. 362–367].

Вопросы выстраивались по четырехблочной схеме: ситуация — цель — действие — результат (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Вопросы гайд-интервью

Ситуация	Цель	Действие	Результат
• Как вы оцениваете сложившуюся ситуацию на российском медиарынке (+/-). • Назовите Ваши конкурентные преимущества на медиарынке. • Назовите положительные стороны цифровизации журналистики. • Перечислите негативные аспекты цифровизации журналистики.	• Какова Ваша жизненная цель? • Как вы видите свои перспективы в качестве профессионального журналиста? • Готовы ли Вы пойти на определенные жертвы ради достижения поставленной цели?	• Необходимо ли вмешательство государства, социальных институтов с тем, чтобы внести изменения в сложившуюся ситуацию на медиарынке России? • Что, по Вашему мнению нужно исправить в области цифровизации журналистики? • Что лично Вы готовы предпринять, чтобы изменить, если необходимо, существующую ситуацию?	• Оцените перспективы развития российской журналистики? • Какими компетенциями должен обладать журналист, чтобы эффективно работать в цифровую эпоху? • Какие дополнительные компетенции необходимы журналисту, помимо тех, что получены в вузе?

Исследование проводилось в 2020–2021 уч. г. в двух группах студентов направления подготовки 42.03.02 Журналистика (бакалавриат) Сургутского государственного педагогического университета (3 курс, гр. Б-8201, 20 человек и 4 курс, гр. Б-7081, 17 человек).

Поскольку вопросы гайд-интервью не требуют стандартизированных ответов, но предполагают высказывание личного мнения, с целью объективной оценки полученных данных мы разработали позитивные и негативные индикаторы (см. Таблицу 2). Опираясь на них, мы смогли выявить сильные и слабые стороны в формировании идентификации в цифровую эпоху. Ответы записывались на диктофон. Также в ходе опроса основные моменты фиксировались письменно. Выводы были сделаны с опорой на полученные записи после их соотнесения с индикаторами.

Таблица 2. Позитивные и негативные индикаторы оценки ответов студентов

Индикаторы оценки ответов	
Позитивные	Негативные
• Студент объективно оценивает ситуацию на медиарынке. • Видит положительные стороны и угрозы цифровизации журналистики. • Положительно оценивает свою роль в социальном переустройстве. • Четко формулирует жизненную и профессиональную цель. • Знает профессиональные компетенции, которые позволяют ему эффективно работать в журналистике. • Полностью не перекладывает ответственность на государство в плане социальных изменений. • Готов работать в сложившихся условиях, мотивирован на достижение положительных результатов.	• Студент не способен объективно оценить ситуацию на медиарынке. • Не видит угроз цифровизации журналистики. Не имеет четкой жизненной и профессиональной цели. • Считает, что полученных в вузе компетенций достаточно, не готов к саморазвитию. • Не понимает собственной роли в социальном переустройстве / считает ее незначительной. • Перекладывает ответственность за улучшение ситуации на государство. • Не видит объекта для применения своих творческих сил и профессиональных навыков / не собирается менять ситуацию к лучшему.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Цифровая эпоха породила новые проблемы в молодежной среде, продвигая идеи неограниченного потребления, стремление к комфорту. В этой связи, в условиях цифровых войн за внимание, предпочтения, а, по сути,

за умы молодых граждан, необходимо выстраивание стратегии эффективной коммуникации с представителями молодежи, которая, в свою очередь, «предполагает выявление особенностей мотивационной сферы социально активной личности. А на первый план выходит задача описания того, что способствует или препятствует самоидентификации индивидов, поскольку самоидентичность в современной антропологии рассматривается, прежде всего, как результат процесса становления» [10, с.7]. Безусловно, изучение проблем молодежи должно происходить в контексте ее взаимоотношений со старшим поколением, в основе которых лежит понимание молодого человека как субъекта общественных процессов и его места в социуме. И цифровизация в данном случае играет важнейшую роль.

В рамках данной статьи мы представляем результаты гайд-интервью, цель которого — выявление компонентов, характеризующих процесс самоидентификации студентов-журналистов цифровой эпохи. В процессе интервьюирования и анализа полученных результатов мы учитывали ряд профессиональных черт (характеристик), свойственных студентам данного направления: умение работать со словом, креативность, особые интересы, специфические знания и навыки коммуникации с другими людьми, взаимодействия с информацией, стремление к объективному анализу информации, четкая гражданская позиция. Многим студентам присуще глубокое понимание происходящего в обществе и в мире, также подавляющее большинство опрошенных уже имели опыт работы в СМИ. В этой связи полученные данные интересны еще и тем, что студенты-журналисты выступают по отношению к цифровизации медиaproстранства не только как объекты (потребители информации), но и как субъекты (акторы), формирующие контент и, следовательно, общественное мнение.

Ситуация

Мнение о сложившейся ситуации на медиарынке у студентов, как правило, негативное. Большинство респондентов (86,5%) говорят о жестких требованиях в редакциях, необходимости следовать корпоративным установкам («Отношение в редакции (во время практики. — В.Г.) было со знаком «минус». Суeta, никому ни до кого нет дела, а результат нужно выдать» (Н.К.); «Надо писать о том, что в тренде, что требуется по плану. А мне это не очень интересно» (В.Т.). Многие отмечают ограниченные возможности в плане реализации творческих идей, интересных некоммерческих проектов («Я хотела бы писать о моде. Предложила запустить проект в издании. Но сейчас другие приоритеты, это понятно») (Т.Д.). И только 13,5% респондентов считают, что в нынешней ситуации у современной журналистики больше плюсов, чем минусов («В России для журналистов гораздо больше свободы, чем на Западе. Попробуйте там написать плохо о меньшинствах, например. Уверен, что могу здесь говорить о том, что волнует, что интересно другим. Главное — больше писать, трудиться больше. Тогда тебя узнают, все получится» (Е.К.); «Отношение положительное. Была на практике. Все очень понравилось. Хотя понятно: ТВ, радио, тем более печать отходят на второй план. Будущее за интернет-проектами») (Е.О.).

Большинство респондентов понимают значимость цифровизации в журналистике, смогли назвать более одного плюса и минуса:

- считают, что это скорее благо (положительные характеристики преобладают) — 23,3%;
- убеждены, что это угроза (в ответах преобладают негативные факторы) — 48,7%;
- равное количество положительных и отрицательных характеристик — 28%.

Подобные расхождения в оценках можно объяснить различным уровнем владения цифровыми технологиями, опытом их применения в профессиональной сфере, а также опытом (позитивным или негативным) использования их в быту. Мы попытались систематизировать и обобщить полученные развернутые ответы. Положительные стороны цифровизации в журналистике: легкий доступ к информации (архивы, статистические данные, интервью)

(«Интернет содержит знания по любой теме. Поисковые системы делают информацию доступной. Можно узнавать новости из разных областей науки, получить необходимые сведения моментально. Раньше журналисту на это нужны были недели поисков, созвонов, сложных переговоров... (К.М.); инструмент саморазвития («На мой взгляд, цифровизация позволила человечеству иметь обширный доступ ко всей интересующей информации. Это касается и сферы саморазвития и обучения. Благодаря Интернету мы можем без затруднений найти ответ на любой вопрос. Как журналист я могу нарастить компетенции, которые считаю нужными») (Ю.К.), «Благодаря этому явлению мы можем пройти любой образовательный курс в любом учреждении независимо от местоположения» (К.С.); возможность распространять контент в режиме он-лайн; возможность воздействовать на аудиторию («Цифровая журналистика позволяет не просто взаимодействовать с потребителями информации в реальном времени, но и продвигать потребителям свои идеи, внушать определенные моменты, в том числе и рекламные, коммерческие» (О.К.); появление новых журналистских форматов (конвергентная журналистика); упрощенная работа в редакции («Можно производить контент, сидя у себя дома, просто получая задания от редактора. Особенно хорошо это работало в пандемию» (Е.В.).

Угрозы цифровизации: тотальный контроль, мошенничество, зависимость, остановка в интеллектуальном развитии («При полном погружении в виртуальную реальность человек останавливается в своем развитии, деградирует, он не узнает ничего нового, время жизни тратится впустую» (О.Б.), пропаганда («Очень много фейков. Информационная культура потребителей (информации. — В.Г.) довольно низкая. Как разобраться, где правда, а где ложь?» (Т.А.), трудно защищать свои личные данные («Журналист — человек, по определению, публичный. Известность — это хорошо, престижно, выгодно. Но это и угроза. Если твои данные в Интернете, на тебя могут повлиять, трудно оставаться объективным в такой ситуации» (Е.К.).

Большинство студентов (93%) считают себя конкурентоспособными на медиарынке, готовы применить свои творческие и профессиональные способности для достижения поставленных жизненных целей. Наиболее частотными конкурентными преимуществами были следующие: умение работать с людьми (устная коммуникация), умение искать информацию, использование в работе мультимедийных технологий (работа с различными программами), а также сети Интернет, умение создавать оригинальные журналистские тексты. Здесь можно отметить одно противоречие: студенты говорят об умении находить нужную информацию, но никто не отметил в качестве базового умения переработку этой информации (анализ и систематизация). Полагаем, что это западающая позиция, на которую нужно обратить внимание в рамках процесса обучения в дальнейшем.

Цель

Среди опрошенных 63% имеют четкую жизненную цель, которая связана с выбором профессии: такие студенты нацелены на достижение успеха. Ориентированы на активное включение в работу редакции, готовы поступиться комфортом, материальными благами, тратить личное время на достижение признания в коллективе и профессии («Да, я готова. Мне интересна эта профессия. Мне кажется, я, как бульдозер, буду копать. Мне важно состояться именно как журналисту. А деньги, известность придут потом. Это пока не главное» (Е.В.); «Практика показала, что теория и реальная работа в редакции отличаются очень сильно. У нас хорошо учат, но практических знаний все-таки маловато. И в редакции к нам относились, как к желторотикам, несерьезно, в общем. Но также я поняла, что смогу справиться с этой работой, мне нравится. Я думаю, что добьюсь своего» (И.К.); «Цель? Стать известным журналистом, чтобы к твоему мнению прислушивались, тебе доверяли. Тогда можно делать свои проекты, быть независимым. Пока, конечно, первое время придется поработать на имя, на имидж... Я готова» (О.Т.). 29% студентов не готовы были сформулировать четко свои

профессиональные цели, их жизненные приоритеты были размыты и с трудом подавались систематизации. 8% (по различным причинам) не собираются работать по профессии.

Действие

Обозначив существующие в журналистике (в связи с ее цифровизацией) проблемы, студенты рассуждали о том, что можно исправить в сложившихся условиях и кто должен быть инициатором и субъектом изменений.

78% опрошенных отметили необходимость усиления контроля в сфере информационной безопасности. Речь, как мы поняли, идет не о введении цензуры по отношению к журналистским материалам, но о борьбе с фейками, разъяснительной работой среди журналистов и потребителей информации. Кроме того, необходимы «фильтры», которые автоматически отсеивали бы непроверенную и заведомо ложную информацию. Технические возможности редакций позволяют эту практику внедрить. Ответственность за все вышеперечисленное должно взять на себя государство. Сами журналисты готовы принять определенные правила игры, относиться более ответственно к тем сведениям, которые к ним поступают, и использовать их в своих материалах после двойной и даже тройной проверки. Вот несколько выдержек из интервью студентов по данному вопросу: «Основная проблема, конечно, фейки. Да, журналист должен проверять информацию. Но без контроля государства все останется просто на словах. Издание всегда стремится к увеличению рейтинга, количества читателей, репостов и т.д., а это легче всего сделать, передавая скандальную, так скажем, информацию. Можно повышать авторитет за счет мастерства, но это сложнее, затратнее...» (В.К.); «Как отличить правдивую информацию от фейка? Ведь это сейчас инструмент манипуляции. Мы стоим, наверно, на переднем крае обороны. Помощь государства нам очень нужна. Нужны специальные программы на основе «агрегаторов». Я знаю, что где-то, в столице, они уже есть. Нужно отсеивать искаженные сведения. Журналист с этим справится не всегда. И редактор тоже» (И.К.).

22% опрошенных убеждены, что контроль за изданиями со стороны государства и так достаточно серьезный. Редакциям нужно дать больше свободы, «как в 90-х» (О.В.). А журналисты сами должны нести ответственность за предоставляемые сведения. В этой связи интерес представляют ответы на вопрос: «Что лично Вы готовы предпринять, чтобы изменить, если необходимо, существующую ситуацию?»: «Если будет возможность работать, не оглядываясь на государство, на цензоров (это, конечно, идеальная ситуация), я бы запустила свой проект. Не буду здесь раскрывать направление и тему, но наметки есть. И это будет проект не про гламур, или спорт, или звезд. Аналитика, обсуждение важных вопросов, злободневных. Проект во многом определяет личность журналиста. Роберт Вудворд, Роберт Фиск, Андерсон Купер, наш Владимир Познер — вот на кого надо равняться... Будет имя, будут и возможности решать текущие проблемы...» (О.К.); «Думаю, мы (журналисты. — В.Г.) слишком много говорим о глобальных вещах: о политике, о нефти, о цене доллара, но не замечаем проблем, которые рядом с нами: дети-сироты, бездомные животные, грязь на улицах или те же бомжи... Надо начинать с малого. Тогда, наверно, постепенно и глобальные проблемы решатся. То есть я хочу сказать, что региональная журналистика должна решать прежде всего местные вопросы...» (Е.В.).

Также в числе ключевых была названа проблема большого количества информации и сложности ее переработки. По мнению студентов, программисты в редакции должны обеспечить сотрудников программами по отбору и классификации информации, с которой затем можно будет работать журналистам (рейтинг, творческая переработка).

Результат

97% опрошенных смотрят на будущее российской журналистики в эпоху цифровизации, несмотря на указанные проблемы, с оптимизмом. Студенты верят, что профессиональные

журналисты смогут конкурировать с любителями (блогерами, ютуберами, тиктокерами и т.д.), поскольку имеют профильное образование, ресурсы редакции и креативны не меньше, чем конкуренты. Далее компетенции журналиста в цифровую эпоху, названные опрошенными, мы приводим в иерархии — начиная с наиболее значимых для респондентов:

- 1) умение работать с различными форматами (в рамках конвергентной журналистики);
- 2) знание информационных запросов, установок, ценностей потребителей информации (изучение общественных приоритетов);
- 3) медиаграмотность (работа с соцсетями, программами, медиатекстами в Интернете)
- 4) сбор, классификация и переработка большого массива данных в Интернете;
- 5) умение работать в совместных редакторских средах (рассылка, редактирование и поддержки контента);
- 6) умение работать в различных системах управления (Joomla, Wordpress, Drupal), JavaScript (язык сценариев) и др.
- 7) умение редактировать фото-, видео-, радиоматериалы, используя цифровые ресурсы и программы;
- 8) маркетинговые компетенции (реклама, продвижение информационного продукта на медиарынке).

При этом компетенции № 2, 5, 6, 8, по мнению студентов, развиты у них в недостаточной степени, что является поводом для педагогов и работодателей (базы практик) скорректировать планы с целью заполнить существующие пробелы.

ВЫВОДЫ. В нашей работе был использован такой метод социологического исследования, как гайд-интервью, который позволяет студентам творческих направлений подготовки свободно высказывать свое мнение по заданным вопросам. В данном случае нас интересовали вопросы профессиональной идентификации студенческой молодежи (будущих журналистов) в рамках процессов цифровизации журналистики. Мы выяснили, что большинство студентов объективно оценивают ситуацию, сложившуюся на медиарынке, видят и критически осмысливают положительные и отрицательные стороны цифровизации журналистики. Впрочем, чаще всего перекладывают на государство ответственность за устранение имеющихся угроз. Они, как правило, положительно оценивают свою роль в социальном переустройстве, готовы пойти на определённые жертвы, чтобы достичь поставленных жизненных и профессиональных целей. Студенты четко называют профессиональные компетенции, которые понадобятся им в профессиональной сфере.

Однако некоторые компетенции, связанные с маркетингом, изучением общественного мнения, работой со специальными программами, а также работой в совместных редакторских средах, являются не до конца сформированными. Очевидно, что развить их можно только в практической деятельности, поэтому необходимо обсудить данные проблемные вопросы с работодателями и обратить на них внимание во время прохождения производственных практик.

Литература

1. В России подсчитали число юношей и девушек // РИАМО. 2019. Ноябрь, 12. Режим доступа: <https://riamo.ru/article/392542/v-rossii-podschitali-kolichestvo-yunoshej-i-devushek> (дата обращения: 24.02.2022).
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПИМ, 2010. 592 с. URL: https://www.5top100.ru/upload/iblock/9d6/molodez_rossii.pdf (дата обращения: 6.04.2022).
3. Дунас Д.В., Вартаков С.А. Молодежный сегмент аудитории СМИ: теоретические подходы отечественных медиаисследователей // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 1. С. 106–122.

4. Замахина Т. Госдума одобрила проект о повышении возраста молодежи до 35 лет // Российская газета. 2020. Ноябрь, 11. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/11/11/gosduma-odobrila-proekt-o-povyshenii-vozrasta-molodezhi-do-35-let.html> (дата обращения: 29.02.2022).
5. Коваленко С.Г. Гайд-интервью как источник анализа самоидентификации и поведенческих моделей постсоветской региональной элиты // Архонт. 2018. № 3 (6). С. 57–66.
6. Кузнецова И.Ю. Социализация молодежи на рубеже веков: региональный аспект: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств. Краснодар, 2001. 23 с.
7. Олешко В.Ф., Олешко Е.В., Мухина О.С. Проблема самоидентификации студентов-журналистов цифровой эпохи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2021. № 4. С. 137–138.
8. Солонников В.В. Гайд-интервью // Тезаурус социологии. М.: ООО «Изд-во «Юнити-Дана»», 2013. С. 362–367.
9. Счетчик населения Земли // Население Земли. Режим доступа: <https://countrymeters.info/ru/World> (дата обращения: 17.03.2022).
10. Шеманов А.Ю. Самоидентификация человека как антропогенетический феномен: автореферат дис. ... доктора философских наук: 24.00.01 / [Место защиты: Моск. гос. ун-т культуры и искусств]. М., 2008. 38 с.

References

1. *V Rossii podschitali chislo yunoshej i devushek* [In Russia, the number of boys and girls was calculated] // RIAMO. 2019. Noyabr', 12. Rezhim dostupa: <https://riamo.ru/article/392542/v-rossii-podschitali-kolichestvo-yunoshej-i-devushek.xl> (data obrashcheniya: 24.02.2022). (In Russian).
2. Gorshkov M.K., SHeregi F.E. *Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret* [Youth of Russia: sociological portrait]. M.: CSPiM, 2010. 592 s. URL: https://www.5top100.ru/upload/iblock/9d6/molodez_rossii.pdf (data obrashcheniya: 6.04.2022). (In Russian).
3. Dunas D.V., Vartanov S.A. *Molodezhnyj segment auditorii SMI: teoreticheskie podhody otechestvennyh mediaissledovatelej* [The youth segment of the media audience: theoretical approaches of domestic media researchers] // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2020. T. 9. № 1. S. 106–122. (In Russian).
4. Zamahina T. *Gosduma odobrila projekt o povyshenii vozrasta molodezhi do 35 let* [The State Duma approved a project to raise the age of youth to 35 years] // Rossijskaya gazeta. 2020. Noyabr', 11. Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2020/11/11/gosduma-odobrila-proekt-o-povyshenii-vozrasta-molodezhi-do-35-let.html> (data obrashcheniya: 29.02.2022). (In Russian).
5. Kovalenko S.G. *Gajd-interv'yu kak istochnik analiza samoidentifikacii i povedencheskih modelej postsovet-skoj regional'noj elity* [Guide-interview as a source of analysis of self-identification and behavioral models of the post-Soviet regional elite] // Arhont. 2018. № 3 (6). S. 57–66. (In Russian).
6. Kuznecova I.YU. *Socializaciya molodezhi na rubezhe vekov: regional'nyj aspekt* [Socialization of youth at the turn of the century: regional aspect]: avtoreferat dis. ... kandidata kul'turologii: 24.00.01 / Krasnodar. gos. un-t kul'tury i iskusstv. Krasnodar, 2001. 23 s. (In Russian).
7. Oleshko V.F., Oleshko E.V., Muhina O.S. *Problema samoidentifikacii studentov-zhurnalistov cifrovoj epohi* [The problem of self-identification of students-journalists of the digital era] // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2021. № 4. S. 137–138. (In Russian).
8. Solodnikov V.V. *Gajd-interv'yu* [Guide-interview] // Tezaurus sociologii. M.: ООО «Изд-во «Юнити-Дана»», 2013. S. 362–367. (In Russian).
9. Schetchik naseleniya Zemli [Earth Population counter] // Naselenie Zemli. Rezhim dostupa: <https://countrymeters.info/ru/World> (data obrashcheniya: 17.03.2022). (In Russian).
10. SHemanov A.YU. *Samoidentifikaciya cheloveka kak antropogeneticheskij fenomen* [Human self-identification as an anthropogenetic phenomenon]: avtoreferat dis. ... doktora filosofskih nauk: 24.00.01 / [Mesto zashchity: Mosk. gos. un-t kul'tury i iskusstv]. M., 2008. 38 s. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.003

УДК 37.015.4

ББК 60.561.9

Ю.С. ПИНЬКОВЕЦКАЯ **ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ
В РЕГИОНАХ РОССИИ**

YU.S. PIN'KOVETSKAYA **AGE STRUCTURE OF TEACHERS
OF SECONDARY SCHOOLS
IN RUSSIAN REGIONS**

Целью нашего исследования была оценка показателей, характеризующих долю педагогических работников разных возрастных групп в общей численности преподавательского персонала общеобразовательных школ в регионах России. В ходе работы были оценены показатели, характеризующие долю учителей, относящихся к пяти возрастным группам: моложе 30 лет, от 30 до 39 лет, от 40 до 49 лет, от 50 до 59 лет, 60 лет и старше в общей численности педагогических кадров системы общего среднего образования. В исследовании использовалась официальная статистическая информация о численности педагогического персонала в 85 регионах России. Аппроксимация исходной эмпирической информации осуществлялась на основе статистического моделирования. Результаты вычислительного эксперимента показали, что доля педагогических кадров, относящихся соответственно к каждой их возрастных групп составила: до 30 лет — 13,4%; от 30 до 39 лет — 19,1%; от 40 до 49 лет — 26,1%; от 50 до 59 лет — 27,2%; от 60 лет и старше — 11,1%. Доказано, что доля педагогических работников пенсионного и предпенсионного возраста превышает долю молодых учителей. Проведенный анализ показал наличие определенной дифференциации значений рассматриваемых показателей по регионам. Предлагаемый методологический подход и полученные результаты могут быть использованы при разработке мероприятий по привлечению молодежи в качестве преподавателей в средние школы, а также дальнейших исследованиях по рассматриваемой проблеме.

The purpose of our study was to evaluate the indicators characterizing the share of teaching staff of different age groups in the total number of teaching staff of secondary schools in the regions of Russia. In the course of the work the indicators characterizing the share of teachers belonging to five age groups were evaluated: younger than 30 years, from 30 to 39 years, from 40 to 49 years, from 50 to 59 years, 60 years and older in the total number of teaching staff of the general secondary education system. The study used official statistical information on the number of teaching staff in 85 regions of Russia. The approximation of the initial empirical information was carried out on the basis of statistical modeling. The results of the computational experiment showed that the share of teaching staff belonging respectively to each of their age groups was: up to 30 years — 13.4%; from 30 to 39 years — 19.1%; from 40 to 49 years — 26.1%; from 50 to 59 years — 27.2%; from 60 years and older — 11.1%. It is proved that the share of teachers of retirement and pre-retirement age exceeds the share of young teachers. The analysis showed the presence of a certain differentiation of the values of the considered indicators by region. The proposed methodological approach and the results obtained can be used in the development of measures to attract young people as teachers to secondary schools, as well as further research on the problem under consideration.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общее среднее образование, возраст педагогов, регионы России, функции нормального распределения.

KEY WORDS: general secondary education, age of teachers, regions of Russia, normal distribution functions.

ВВЕДЕНИЕ. В последние годы во многих, особенно экономически развитых странах, наблюдается тенденция к увеличению среднего возраста педагогов, занятых в средних школах. Это привело к увеличению доли педагогического персонала среднего и старшего возраста и, соответственно, снижению доли молодежи, работающей в системе среднего образования [15]. Эта тенденция может значительно ухудшить возрастную структуру педагогических кадров средних школ и вызвать их нехватку в ближайшем будущем [11, 19].

Наша статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы изучения сложившейся возрастной структуры педагогического персонала в системе среднего образования регионов России. Соответствующая информация важна для государственных органов, занимающихся планированием и регулированием школьного образования. Кроме того, такие данные необходимы при формировании приема абитуриентов в высшие и профессиональные учебные заведения, готовящие специалистов для системы среднего образования. Современных исследователей привлекает проблема более глубокого изучения возрастной структуры педагогических работников средней школы, на это указывается в некоторых научных публикациях, например [12].

Несмотря на наличие исследований по проблеме возрастной структуры педагогических кадров, ее региональным особенностям уделяется недостаточное внимание. Однако, как показано в статье [14], региональные различия в формировании педагогического персонала играют существенную роль в разработке мероприятий по совершенствованию работы общеобразовательных школ. В России региональные особенности кадрового обеспечения системы общего среднего образования определяются двумя различными тенденциями: в одних регионах число детей школьного возраста растет, в то время как в других оно уменьшается [4]. Соответственно, количество педагогических работников в школах находится определенной динамике.

ЦЕЛЬЮ нашего исследования была оценка показателей, характеризующих долю педагогических работников, принадлежащих к разным возрастным группам, в общей численности педагогического персонала системы общего среднего образования по регионам России. Исследование направлено на получение определенного эмпирического и методологического вклада в понимание возрастной структуры педагогических кадров. Этот вклад заключается в том, что предложен авторский метод моделирования оценки соответствующих показателей для регионов России с использованием функций плотности нормального распределения. Эмпирический вклад связан с определением средних значений и стандартных отклонений показателей по регионам. Кроме того, были определены регионы с максимальными и минимальными значениями рассматриваемых показателей.

Структура этой статьи приведена ниже. В следующем разделе представлен обзор научных публикаций, характеризующих возрастные аспекты педагогического персонала. Затем представлена методология, исходные данные и дизайн исследования. Результаты моделирования и их обсуждение представлены далее. Последние разделы содержат выводы и библиографические ссылки.

Обзор литературы

Краткое описание научных публикаций, посвященных проблемам оценки возрастной структуры педагогического персонала в России, приведено в таблице 1. В таблицу включены исследования, проведенные в последние годы.

Таблица 1. **Научные публикации, характеризующие деятельность работников средней школы в России**

Авторы	Проблемы, исследуемые авторами
Горохов С.А., Луцкая Е.Е. [5]	Приведен анализ региональных особенностей формирования педагогических кадров в Центральном федеральном округе. Делается вывод о необходимости учета существующей региональной дифференциации при обосновании развития общего среднего образования.
Жилина А.И. [6]	Рассматривается проблема управления средними школами в определенных районах с целью обеспечения их квалифицированными педагогами.
Видревич М.Б., Сапожникова Е.В. [3]	Рассмотрен возрастной дисбаланс педагогических кадров. По данным за 2014 год наиболее сложной проблемой было старение персонала средних школ, поэтому более 20% педагогов относились к пенсионному возрасту.
Васильева Л.В., Лебедев К.В., Семенова Е.С. [2]	Представлены итоги оценки динамики старения педагогического персонала системы среднего образования. Определены десять субъектов Российской Федерации, в которых в 2017–2019 годах преобладали педагогические работники старшей возрастной группы
Чуркин К.А., Нуриева Л.М., Киселёв С.Г. [10]	На примере анализа возрастной структуры педагогического персонала в Омской области был сделан вывод, что почти двадцать процентов всех педагогических работников средних школ за период с 2014 по 2020 год были пенсионерами
Агранович М.Л., Адамович К.А., Адамчук Д.В. [1]	Проведен анализ демографического состава педагогического персонала средних школ в России, сделаны выводы об увеличении среднего возраста педагогов, внесены предложения по привлечению молодежи к школьной работе
Федоров А.А. и др. [9]	Рассмотрены три возрастные группы, характеризующие структуру педагогического персонала, сделан вывод о том, что в 2016 году в России наблюдался дефицит педагогов среднего возраста (от тридцати пяти до пятидесяти лет), при этом наблюдался избыток педагогических кадров старшего возраста.
Горбовский Р.В., Мерцалова Т.А. [4]	В исследовании представлены результаты мониторинга системы общего образования в Российской Федерации, включая обеспечение образовательного процесса необходимыми педагогическими кадрами. На основе анализа данных по России за период с 2013 по 2016 год доказано, что численность педагогических работников пенсионного возраста, начиная с 2014 года, превышает численность молодых работников в возрасте до тридцати пяти лет
Лебедев К., Васильева Л., Суменова Е. [13]	Дан прогноз изменений возрастной структуры педагогических работников средних школ в России при условии сохранения преобладающих тенденций
Пугач В.Н., Утемов В.В. [8]	На примере образовательных организаций Кировской области, по данным за 2016 год, была проведена аналитическая оценка возраста педагогических работников, которая показала, что доля пенсионеров достигла 24%

Источник: Таблица составлена автором на основе информации, представленной в Российском индексе научного цитирования.

Основываясь на информации, приведенной в таблице 1, можно констатировать, что российские ученые уделили определенное внимание проблеме изучения возрастной структуры педагогического персонала общеобразовательных школ. В то же время недостаточное внимание уделялось региональным особенностям этой проблемы. В рассматриваемых публикациях было отмечено преобладание педагогических работников предпенсионного и пенсионного возраста.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В нашей статье рассматриваются показатели, характеризующие распределение численности педагогических кадров по возрастным группам в общей численности педагогических работников общеобразовательных школ по регионам России. К этим показателям относятся:

- доля педагогических работников в возрасте до 30 лет в общей численности педагогических работников по регионам (показатель 1);
- доля педагогических работников в возрасте от 30 до 39 лет в общей численности педагогических работников по регионам (показатель 2);
- доля педагогических работников в возрасте от 40 до 49 лет в общей численности педагогических работников по регионам (показатель 3);
- доля педагогических работников в возрасте от 50 до 59 лет в общей численности педагогических работников по регионам (показатель 4);
- доля педагогических работников в возрасте 60 лет и старше в общей численности педагогических работников по регионам (показатель 5).

Процесс исследования включал пять этапов. На первом этапе были сформированы исходные данные, описывающие численность и возрастную структуру педагогических работников, занятых в средних общеобразовательных школах, расположенных в каждом из регионов России в 2020 году. По каждому из регионов были рассмотрены данные, описывающие количество педагогических работников, относящихся к пяти возрастным группам (моложе 30 лет, от 30 до 39 лет, от 40 до 49 лет, от 50 до 59 лет, 60 и более лет).

На втором этапе были рассчитаны значения показателей, характеризующих возрастную структуру педагогических работников, относящихся к каждой из возрастных групп.

На третьем этапе были разработаны математические модели и оценено распределение долей педагогических кадров по каждой из возрастных групп по регионам.

На четвертом этапе были определены средние значения показателей, а также диапазоны, в которых находятся эти значения для большинства из них.

На пятом этапе были определены регионы, которые характеризовались максимальными и минимальными значениями показателей по данным за 2020 год.

В исследовании использовалась официальная статистическая информация Министерства образования Российской Федерации [7]. Она включала данные о численности и возрастной структуре педагогических работников общеобразовательных школ по всем 85 регионам страны.

В процессе исследования проводилось тестирование следующих четырех гипотез:

H1 — оценка распределения показателей возрастной структуры педагогических работников общеобразовательных школ по регионам может быть проведена с использованием функций плотности нормального распределения;

H2 — в большинстве регионов России педагогическими работниками являются люди среднего и старшего возраста. Молодые люди относительно редко выбирают карьеру педагогов в школах;

H3 — значения показателей, характеризующих сложившуюся возрастную структуру педагогических работников различаются по регионам, но коэффициенты вариации по каждому из пяти показателей по регионам не очень значительны (не превышают 33%);

H4 — регионы, характеризующиеся максимальными и минимальными значениями доли педагогических кадров различных возрастных групп расположены в разных федеральных округах. То есть территориальное расположение регионов не влияет на максимальные и минимальные значения каждого из пяти показателей.

Оценка значений пяти рассматриваемых показателей проводилась на основе математического моделирования исходных эмпирических данных. В качестве моделей мы использовали функции плотности нормального распределения, метод разработки которых

для оценки значений относительных показателей был предложен автором. Некоторые аспекты использования методологии приведены в статьях [17, 18]. Для оценки качества выполняемых функций, т.е. для определения уровня аппроксимации эмпирических данных мы использовали известные и хорошо зарекомендовавшие себя статистические тесты Пирсона, Колмогорова-Смирнова и Шапиро-Уилка (критерии согласия).

Дисперсионный анализ показателей для регионов с минимальными и максимальными значениями показателей, проведенный на пятом этапе исследования по каждому из показателей, был основан на методе ANOVA [16]. Процедура однофакторного дисперсионного анализа включала определение отношения межгрупповой дисперсии к внутригрупповой дисперсии для этих двух групп регионов. Дисперсионный анализ позволил нам проверить, насколько дисперсия, вызванная различием между группами, была больше по сравнению с дисперсией, вызванной внутригрупповой изменчивостью.

РЕЗУЛЬТАТЫ. В ходе вычислительного эксперимента было проведено экономико-математическое моделирование на основе эмпирических данных. Модели, описывающие распределения ($y_1; y_2; y_3; y_4;$) пяти показателей ($x_1, \%$; $x_2, \%$; $x_3, \%$; $x_4, \%$; $x_5, \%$) ниже показаны данные по 82 регионам:

— доля педагогических работников в возрасте до 30 лет в общей численности педагогических работников по регионам

$$y_1(x_1) = \frac{210.86}{2.60 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1 - 13.43)^2}{2 \times 2.60 \times 2.60}}; \quad (1)$$

— доля педагогических работников в возрасте от 30 до 39 лет в общей численности педагогических работников по регионам

$$y_2(x_2) = \frac{257.71}{3.66 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2 - 19.11)^2}{2 \times 3.66 \times 3.66}}; \quad (2)$$

— доля педагогических работников в возрасте от 40 до 49 лет в общей численности педагогических работников по регионам

$$y_3(x_3) = \frac{164.00}{2.43 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3 - 26.05)^2}{2 \times 2.43 \times 2.43}}; \quad (3)$$

— доля педагогических работников в возрасте от 50 до 59 лет в общей численности педагогических работников по регионам

$$y_4(x_4) = \frac{281.14}{3.76 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_4 - 27.19)^2}{2 \times 3.76 \times 3.76}}; \quad (4)$$

— доля педагогических работников в возрасте 60 лет и старше в общей численности педагогических работников по регионам

$$y_5(x_5) = \frac{257.71}{3.36 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_5 - 14.11)^2}{2 \times 3.36 \times 3.36}}. \quad (5)$$

Качество функций (1)-(5) мы проверили с использованием следующих тестов: Колмогорова-Смирнова, Пирсона и Шапиро-Вилка. Рассчитанные значения критериев приведены в таблице 2.

Таблица 2. Рассчитанные значения критериев

Показатели	Тесты		
	Колмогорова-Смирнова	Пирсона	Шапиро-Вилка
доля педагогических работников в возрасте до 30 лет в общей численности педагогических работников по регионам	0,07	3,77	0.96
доля педагогических работников в возрасте от 30 до 39 лет в общей численности педагогических работников по регионам	0,06	1,45	0.97
доля педагогических работников в возрасте от 40 до 49 лет в общей численности педагогических работников по регионам	0,05	2,69	0.96
доля педагогических работников в возрасте от 50 до 59 лет в общей численности педагогических работников по регионам	0,03	0,47	0.99
доля педагогических работников в возрасте 60 лет и старше в общей численности педагогических работников по регионам	0,03	0,32	0.99

Источник: Данные в таблице основаны на результатах вычисленных функций.

Информация, приведенная в столбце 2 таблицы 2, показала, что все рассчитанные значения меньше критического значения теста Колмогорова-Смирнова (0,174) при уровне значимости равном 0,05. Данные в столбце 3 меньше критического значения теста Пирсона (9,49). Данные в колонке 4 превышают критическое значение 0,93 теста Шапиро-Уилка при уровне значимости 0,01. Таким образом, вычислительный эксперимент показал, что все разработанные функции обладают высоким качеством.

На следующем этапе исследования мы произвели оценку обсуждаемых показателей на основе построенных функций. Значения показателей, средние по регионам, приведены в колонке 2 таблицы 3. Средние значения были определены на основе функций (1)-(5). В третьем столбце таблицы 3 указаны стандартные отклонения по рассматриваемым показателям. Значения показателей, характеризующих верхнюю и нижнюю границы интервалов, соответствующих большинству регионов, приведены в столбце 4.

Мы вычисляем нижнюю границу как разницу между средним значением и стандартным отклонением, а верхнюю границу вычисляем как сумму среднего значения и стандартного отклонения.

Таблица 3. Значения показателей, характеризующих возрастную структуру педагогических работников в регионах России

Показатели	Средние значения	Стандартное отклонение	Значения для большинства регионов
доля педагогических работников в возрасте до 30 лет в общей численности педагогических работников по регионам	13,43	2,6	10,83-16,03
доля педагогических работников в возрасте от 30 до 39 лет в общей численности педагогических работников по регионам	19,11	3,66	15,45-22,77

доля педагогических работников в возрасте от 40 до 49 лет в общей численности педагогических работников по регионам	26,05	2,43	23,62-28,48
доля педагогических работников в возрасте от 50 до 59 лет в общей численности педагогических работников по регионам	27,19	3,76	23,43-30,95
доля педагогических работников в возрасте 60 лет и старше в общей численности педагогических работников по регионам	14,11	3,36	10,75-17,47

Источник: Расчеты выполнены автором на основе функций (1)-(5).

Приведенная выше информация показывает возможность оценки распределения показателей возрастной структуры педагогических работников, работающих в общеобразовательных школах по регионам с использованием функций плотности нормального распределения. Таким образом, первая гипотеза была подтверждена.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Официальная статистическая информация Министерства образования России (2021 год) показала, что в 2020 году общее количество общеобразовательных школ составляло почти 41 тысячу. Они были расположены во всех 82 регионах России. В средних школах работало почти 2,1 миллиона человек, в том числе 1,3 миллиона педагогических работников.

Анализ данных, приведенных в третьей таблице, позволяет охарактеризовать долю педагогических кадров по каждой из пяти возрастных групп в общей численности педагогического персонала общеобразовательных школ в регионах. В среднем доля этих работников в возрасте до 30 лет в 2020 году в общей численности всего педагогического персонала в регионах составила 13,4%. То есть каждый седьмой педагогический работник относился к этой возрастной категории. В большинстве регионов значения этого показателя колебались от 10,8% до 16,0%. Доля педагогов в возрасте от 30 до 39 лет в общей численности всех педагогических работников в регионах России составила в среднем 19,1%. Следовательно, каждый пятый педагогический работник принадлежал к этой возрастной категории. В большинстве регионов значения соответствующего показателя колебались от 15,5% до 22,8%. Среднее значение третьего показателя по регионам России в 2020 году составило 26,1%, то есть почти каждый четвертый педагогический работник относился к этой возрастной категории. Интервал изменения доли педагогов в возрасте от 40 до 49 лет находился в диапазоне от 23,6% до 28,5%. Среднее по регионам значение доли педагогического персонала в возрасте от 50 до 59 лет в 2020 году в общей численности всех педагогических работников составило 27,2%. В большинстве регионов значения этого показателя колебались от 23,4% до 30,9%. Доля педагогических работников в возрасте 60 лет и старше составила 14,1%. Следовательно, каждый седьмой педагогический работник принадлежал к этой возрастной категории. В большинстве регионов значения соответствующего показателя колебались от 10,8% до 17,5%.

Экстраполяция полученных средних значений показателей позволила сделать вывод, что средний возраст педагогических кадров в России в 2020 году составлял около 46 лет. Следует отметить, что пенсионный возраст женщин в России законодательно установлен в 60 лет. Как показывают статистические данные, большинство педагогических работников составляют женщины. Следовательно, можно сделать вывод, что средний возраст педагогического персонала относительно высок, поскольку почти половине из тех, кто

работает в школах, до пенсионного возраста осталось менее четырнадцати лет. В то же время доля педагогических работников в возрасте до 39 лет составляет всего 32,5%. То есть на эту возрастную страту приходится менее трети всех тех, кто работает в средних общеобразовательных школах. Также необходимо учитывать, что с наступлением пенсионного возраста значительная часть педагогических работников прекращает свою деятельность, что следует из сравнения данных по возрастным группам от 50 до 59 лет и 60 и более лет.

Представляет интерес сравнительный анализ удельных весов численности педагогических работников, принадлежащих к пяти рассматриваемым возрастным группам. Соответствующее распределение можно описать как обратную U-образную кривую. То есть по мере увеличения возраста педагогических кадров их доля в общей численности педагогического персонала общеобразовательных школ сначала увеличивается, а затем уменьшается. Минимальное значение доли соответствует группе педагогических работников в возрасте до 30 лет. Максимальное значение соответствует возрастной группе от 50 до 59 лет. Следует отметить, что в двух группах, объединяющих педагогических работников в возрасте от 40 до 59 лет, доля числа педагогических работников достигает 53,0%. Это свидетельствует о преобладании людей среднего и старшего возраста среди педагогических кадров. Как уже отмечалось, для двух групп, в которые входят педагогические работники в возрасте до 39 лет включительно, соответствующая доля составляет 32,5%. Это позволяет сделать вывод, что люди в молодом возрасте не заинтересованы в карьере педагогических работников. Таким образом, можно предположить, что в ближайшем будущем в средних школах России будет наблюдаться значительная нехватка педагогов. Таким образом, подтвердилась вторая гипотеза.

Данные второй таблицы позволяют сделать вывод о дифференциации значений показателей по регионам. Была проанализирована степень вариации каждого из показателей. Для этой цели мы использовали стандартные отклонения, указанные в колонке 3. Индексы вариации следующие: по первому показателю — 19%, по второму показателю — 19%, по третьему показателю — 9%, по четвертому показателю — 14%, по пятому показателю — 24%. Этот анализ показал, что в рассматриваемых регионах уровень дифференциации значений всех пяти показателей был ниже 33%, то есть не очень значителен. То есть третья гипотеза подтвердилась.

Следующим шагом было определение регионов, в которых были отмечены максимальные и минимальные значения каждого показателя. В этом случае максимальными значениями являются те, которые превышают верхние пределы диапазонов, указанных в столбце 4 таблицы 3, а минимальными значениями являются те, которые меньше нижних пределов указанных диапазонов.

Ниже перечислены регионы, в которых отмечались максимальные значения каждого из пяти показателей в 2020 году:

- по первому показателю — Томская область, Севастополь, Тюменская область (Уральский федеральный округ), Москва (Центральный федеральный округ), республика Саха, Сахалинская область, Чукотский автономный округ (Дальневосточный федеральный округ), республика Тыва (Сибирский федеральный округ), республика Ингушетия, Чеченская республика (Северо-Кавказский федеральный округ);
- по второму показателю — Забайкальский край, республика Саха, Камчатский край, Чукотский автономный округ (Дальневосточный федеральный округ), республика Крым (Южный федеральный округ), Тюменская область (Уральский федеральный округ), республика Тыва, республика Алтай (Сибирский федеральный округ), республика Дагестан, республика Ингушетия, Чеченская республика (Северо-Кавказский федеральный округ);

- по третьему показателю — Архангельская область (Северо-Западный федеральный округ), Оренбургская область (Южный федеральный округ), Липецкая область, Москва, Орловская область, Брянская область (Центральный федеральный округ), республика Башкортостан, Чувашская республика, республика Татарстан, Пермский край (Приволжский федеральный округ), республика Алтай (Сибирский федеральный округ);
- по четвертому показателю — республика Башкортостан, Ульяновская область, Пензенская область, Саратовская область, Кировская область, республика Марий Эл, Чувашская республика, республика Мордовия (Приволжский федеральный округ), Рязанская область, Тамбовская область, Смоленская область, Ивановская область (Центральный федеральный округ);
- по пятому показателю — Рязанская область, Ивановская область, Калужская область, Ярославская область, Смоленская область, Владимирская область, Тульская область (Центральный федеральный округ), Санкт-Петербург, Псковская область, Ленинградская область (Северо-Западный федеральный округ), Севастополь, республика Калмыкия, республика Северная Осетия-Алания (Южный федеральный округ), Приморский край (Дальневосточный федеральный округ).

Ниже перечислены регионы, в которых наблюдались минимальные значения каждого из пяти показателей в 2020 году:

- по первому показателю — республика Башкортостан, республика Марий Эл, Чувашская республика, Кировская область (Приволжский федеральный округ), Смоленская область, республика Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкарская республика (Северо-Кавказский федеральный округ), Орловская область, Тверская область (Центральный федеральный округ), Псковская область (Северо-Западный федеральный округ), республика Калмыкия (Южный федеральный округ);
- по второму показателю — Смоленская область, Рязанская область, Ивановская область, Владимирская область, Брянская область (Центральный федеральный округ), республика Мордовия, Чувашская республика, Кировская область, Пензенская область (Приволжский федеральный округ);
- по третьему показателю — республика Калмыкия, Севастополь, республика Крым (Южный федеральный округ), Владимирская область, Ярославская область, Тульская область, Ивановская область, Москва (Центральный федеральный округ), республика Саха (Якутия), Магаданская область, Камчатский край (Дальневосточный федеральный округ), Ленинградская область, Санкт-Петербург, Псковская область (Северо-Западный федеральный округ), Нижегородская область (Приволжский федеральный округ);
- по четвертому показателю — Чеченская республика, республика Ингушетия, республика Дагестан (Северо-Кавказский федеральный округ), Сахалинская область, Камчатский край (Дальневосточный федеральный округ), республика Тыва, республика Алтай (Сибирский федеральный округ), Севастополь (Южный федеральный округ);
- по пятому показателю — республика Тыва, республика Алтай (Сибирский федеральный округ), республика Ингушетия, Чеченская республика (Северо-Кавказский федеральный округ), Тюменская область (Уральский федеральный округ), республика Башкортостан, Пермский край, республика Татарстан (Приволжский федеральный округ), Москва (Центральный федеральный округ), Чукотский автономный округ (Дальневосточный федеральный округ).

В приведенных выше перечнях регионов в скобках после их названий было указано территориальное расположение. Анализ показывает, что регионы с максимальными и минимальными значениями каждого из пяти показателей расположены в разных федеральных

округах. То есть максимальные и минимальные значения показателей не определяются территориальным расположением регионов. Следовательно, четвертая гипотеза подтвердилась.

Затем был проведен так называемый анализ ANOVA. При этом по каждому из рассматриваемых показателей сравнивались значения показателей для двух групп регионов соответственно с максимальными и минимальными значениями показателей. Результаты анализа ANOVA приведены в таблице 4. В нем содержатся статистические оценки для каждой из этих групп регионов. При этом в первой и второй строках таблицы указаны соответственно средние значения показателей по группам регионов с максимальными и минимальными значениями. Третья и четвертая строки показывают значения дисперсий для каждой из групп регионов с максимальными и минимальными значениями показателей. В пятой строке показаны межгрупповые дисперсии для групп регионов с максимальными и минимальными значениями показателей. Шестая строка показывает дисперсию внутри групп регионов. Седьмая, восьмая и девятая строки таблицы демонстрируют результаты тестирования качества ANOVA.

Таблица 4. **Статистические характеристики, описывающие группы регионов с максимальными и минимальными значениями показателей**

Статистические характеристики	Показатели				
	1	2	3	4	5
Среднее значение по группам регионов с максимальными значениями показателей, %	17,74	26,01	29,98	32,24	19,36
Среднее значение по группам регионов с минимальными значениями показателей, %	9,64	14,19	22,25	20,06	8,48
Дисперсия по группам регионов с максимальными значениями	3,36	7,10	1,42	1,11	1,87
Дисперсия по группам регионов с минимальными значениями	0,68	1,13	0,65	9,28	3,70
Дисперсия между группами регионов с максимальными и минимальными значениями	325,09	769,63	343,68	866,30	669,18
Дисперсия внутри групп регионов с максимальными и минимальными значениями	2,17	4,12	1,05	4,45	2,66
Расчетное значение критерия Фишера	149,73	187,00	325,78	194,56	252,02
Критическое значение критерия Фишера	4,41	4,35	4,32	4,30	4,33
Уровень значимости	less 0.001	less 0.001	less 0.001	less 0.001	less 0.001

Источник: Рассчитано автором на основе анализа ANOVA.

Анализ данных, представленных в таблице 4, показывает, что для групп регионов, характеризующихся максимальными и минимальными значениями показателей, существуют относительно небольшие различия внутри каждой группы. Это свидетельствует о том, что в каждую из этих групп входят регионы с небольшими различиями в значениях показателей. Средние значения для групп регионов с максимальными значениями показателей существенно отличаются от средних значений для групп регионов с минимальными значениями. Дисперсия между группами регионов с максимальными и минимальными значениями значительно больше, чем дисперсия, характерная для каждой из групп по всем рассматриваемым показателям. Данные, приведенные в таблице 4, показывают, что по каждому из рассматриваемых в статье показателей существуют существенные различия между группами регионов с максимальными значениями и минимальными значениями. Это следует из того факта, что соотношение между межгрупповыми и внутригрупповыми

отклонениями по каждому из показателей, приведенных в седьмой строке таблицы, значительно больше единицы. Эти соотношения представляют собой рассчитанные значения критерия Фишера, которые больше табличных значений этого критерия, приведенных в восьмой строке таблицы. Необходимо отметить, что уровень значимости составляет менее 0,001, то есть с вероятностью 99,9% наблюдаются существенные различия, характерные для групп регионов с максимальными и минимальными значениями показателей. Таким образом, статистические характеристики анализа ANOVA, основанного на межгрупповых различиях, а именно на критериях Фишера и уровне значимости, показали высокое качество полученных оценок. Следовательно, группы регионов с максимальными и минимальными значениями показателей имеют большие отличия между собой. Это положение относится ко всем пяти рассматриваемым показателям.

ВЫВОДЫ. Наше исследование вносит важный вклад в понимание возрастной структуры педагогических работников общеобразовательных школ, расположенных во всех регионах России. Цель исследования, связанная с оценкой показателей, характеризующих долю педагогических работников, принадлежащих к разным возрастным группам, в общей численности педагогического персонала в регионах России, достигнута.

Следующие выводы обладают научной новизной и оригинальностью. В ходе исследования была изучена доля педагогических работников, принадлежащих к пяти возрастным группам, в общей численности педагогических кадров, работающих во всех общеобразовательных школах каждого из регионов. Предложен метод оценки пяти показателей, характеризующих возрастную структуру педагогического персонала, с использованием функций плотности нормального распределения. На основе предложенной методологии было оценено распределение этих показателей в 2020 году по 85 регионам России. Результаты вычислительного эксперимента показали, что доля педагогических работников, относящихся соответственно к каждой их возрастных групп составила: до 30 лет — 13,4%; от 30 до 39 лет — 19,1%; от 40 до 49 лет — 26,1%; от 50 до 59 лет — 27,2%; от 60 лет и старше — 11,1%. Проведенное исследование доказало, что значения показателей, характеризующих долю педагогических работников разного возраста в общей численности педагогического персонала зависит от их возраста. Максимальное значение показателя наблюдалось в возрастной группе от 50 до 59 лет. Распределение средних значений показателей по возрастным категориям представляет собой обратную U-образную кривую. При этом сначала наблюдается увеличение значений показателей с увеличением возраста педагогических работников, а затем снижение после достижения максимума. В ходе исследования было доказано, что в большинстве регионов России педагогическими работниками являются люди среднего и старшего возраста. Молодые люди относительно редко выбирают карьеру, связанную с работой педагогами в общеобразовательных школах.

Наблюдалась определенная дифференциация значений пяти рассматриваемых показателей по регионам. В то же время эта дифференциация была не очень существенной, так как коэффициенты вариации значений показателей не превышали 24%. Были определены регионы, которые характеризовались максимальными и минимальными значениями пяти рассматриваемых показателей. Сравнительный анализ показал, что территориальное расположение регионов не влияет на максимальные и минимальные значения показателей.

Практическая значимость исследования для органов государственной власти заключается в учете возрастных и территориальных особенностей формирования педагогических кадров системы общеобразовательных школ России. Результаты работы могут быть использованы в деятельности федеральных и региональных структур, связанных с регулированием школьного образования, обосновывая необходимость дополнительного привлечения молодежи к работе в школах. Для потенциальных молодых абитуриентов в педагогические вузы особый интерес могут представлять данные о предполагаемой нехватке педагогических работников

в большинстве регионов. Полученные новые знания представляют интерес и могут быть использованы в образовательных программах высшего и среднего специального образования по соответствующим специальностям.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на установление гендерных характеристик распределения педагогических работников по регионам. Кроме того, представляет интерес оценить возрастную структуру численности педагогических работников в отдельных муниципальных образованиях, относящихся к каждому из регионов России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агранович М.Л., Адамович К.А., Адамчук Д.В. Российские учителя в свете исследовательских данных. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2016. 320 с.
2. Васильева Л.В., Лебедев К.В., Семенова Е.С. Среднесрочный прогноз возрастной структуры педагогических работников общеобразовательных школ в субъектах Российской Федерации // Образование и наука, 2021. № 23(2). С. 140–169.
3. Видревич М.Б., Сапожникова Е.В. Кадровый потенциал организации общего образования как условие реализации непрерывного образования. Материалы Международной научно-практической конференции «Развитие системы непрерывного образования в условиях индустрии 4.0». 2019. С. 25–32.
4. Горбовский Р.В., Мерцалова Т.А. Мониторинг системы образования: контингент и кадры начального, основного и среднего общего образования // Факты образования, 2018. № 2(17). С. 1–32.
5. Горохов С.А., Луцкая Е.Е. Особенности системы общего образования Центрального федерального округа // Наука и школа, 2021. № 5. С. 138–152.
6. Жилина А.И. Системное управление педагогическими кадрами для общеобразовательной школы России XXI века // Мир науки, культуры, образования, 2020. № 6(85). С. 328–330.
7. Отчет по форме федерального статистического обследования № ОО-1. Министерство образования Российской Федерации. 2022. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/ed3ca74f26a1dc055a313991f66d2fa3/> (дата обращения 20.02.2022).
8. Пугач В.Н., Утёмов В.В. Экспертно-аналитическая оценка возрастного состава кадрового потенциала общеобразовательных организаций Кировской области // Научно-методический электронный журнал Концепт, 2016. № Т17. С. 974–986.
9. Федоров А.А., Соловьев М.Ю., Илалудинова Е.Ю., Кондратьев Г.В., Фролова С.В. Возрастная структура педагогического сообщества: анализ и прогноз развития. Аналитический доклад. Нижний Новгород: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина». 2018. 78 с.
10. Чуркин К.А., Нуриева Л.М., Киселёв С.Г. К вопросу о потребности в педагогических кадрах // Экономика образования, 2014. № 4. С. 11–21.
11. Darling-Hammond L., Podolsky A. Breaking the cycle of teacher shortages: What kind of policies can make a difference? // Education Policy Analysis Archives, 2019. № 27(34). P. 1–15.
12. Ingersoll R., Merrill E., Stuckey D., Collins G. Seven Trends: The Transformation of the Teaching Force. CPRE Research Reports. 2018. URL: https://repository.upenn.edu/cpre_researchreports/108 (дата обращения 20.02.2022).
13. Lebedev K., Vasilieva L., Sumenova E. Forecast for pedagogical workers age structure in general education of Russia // The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences EpSBS, 2019. P. 522–533.
14. Mchenry-Sorber E., Campbell M. Teacher shortage as a local phenomenon: District leader sense-making, responses, and implications for policy // Education Policy Analysis Archives, 2019. № 27(87). P. 1–33.

15. OECD. Education Statistics. Education at a glance Distribution of teachers by age and gender. 2022. URL: <https://doi.org/10.1787/edu-data-en> (дата обращения 20.02.2022).
16. Ostertagova E., Ostertag O. Methodology and Application of One-way ANOVA // American Journal of Mechanical Engineering, 2013. № 1(7). P. 256–261.
17. Pinkovetskaia I.S. Distribution of the number of scientific and pedagogical staff of universities by work experience // Revista Tempos e Espaços em Educação, 2022. № 15(34). e17010. P. 1–9.
18. Pinkovetskaia I., Nuretdinova Y., Nuretdinov I., Lipatova N. Mathematical modeling on the base of functions density of normal distribution // REVISTA DE LA UNIVERSIDAD DEL ZULIA, 2021. № 12(33). P. 34–49.
19. See B., Gorard S. Why don't we have enough teachers? A reconsideration of the available evidence // Research Papers in Education, 2020. № 35(4). P. 416–442.

REFERENCES

1. Agranovich M., Adamchuk D., Barinov S. *Rossiyskiye uchitelya v svete issledovatel'skikh dannykh* [Russian teachers in the light of research data]. Moskva: Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». 2016. 320 s. (In Russian).
2. Vasilieva L., Lebedev K., Sumenova E. *Srednesrochnyy prognos voznrastnoy struktury pedagogicheskikh rabotnikov obshcheobrazovatel'nykh shkol v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii* [Medium-term forecast of the age structure of teachers in secondary schools in the Russian Federation] // Obrazovaniye i nauka, 2021. № 23(2). S. 140–169. (In Russian).
3. Vidrevich M.B., Sapozhnikova E.V. *Kadrovyy potentsial organizatsii obshchego obrazovaniya kak usloviye realizatsii nepreryvnogo obrazovaniya* [The personnel potential of the organization of general education as a condition for the implementation of continuing education]. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Razvitiye sistemy nepreryvnogo obrazovaniya v usloviyakh industrii 4.0». 2019. S. 25–32. (In Russian).
4. Gorbovsky R., Mertsalova T. *Monitoring sistemy obrazovaniya: kontingent i kadry nachal'nogo, osnovnogo i srednego obshchego obrazovaniya* [Monitoring of the education system: The contingent and personnel of primary, basic and secondary General education] // Fakty obrazovaniya, 2018. № 2(17). S. 1–32. (In Russian).
6. Zhilina A.I. *Osobennosti sistemy obshchego obrazovaniya Tsentral'nogo federal'nogo okruga* [System management of teaching staff for general education schools in Russia of the XXI century] // Nauka i shkola, 2021. № 5. S. 138–152. (In Russian).
7. *Otchet po forme federal'nogo statisticheskogo obsledovaniya № OO-1* [Report according to the form of the federal statistical survey No. OO-1]. Ministry of Education of the Russian Federation. 2022. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/ed3ca74f26a1dc055a313991f66d2fa3/> (data obrashheniya: 20.02.2022). (In Russian).
8. Pugach V., Utemov V. *Ekspertno-analiticheskaya otsenka voznrastnogo sostava kadrovogo potentsiala obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy Kirovskoy oblasti* [Expert-analytical assessment of the age composition of the personnel potential of educational organizations of the Kirov region] // Nauchno-metodicheskii elektronnyy zhurnal Kontsept, 2016. № T17. S. 974–986. (In Russian).
9. Fedorov A., Soloviev M., Ilaltdinova E., Kondratiev G., Frolova S. *Vozrastnaya struktura pedagogicheskogo soobshchestva: analiz i prognos razvitiya* [Age structure of the pedagogical community: analysis and forecast of development: analytical report]. Analiticheskii doklad. Nizhniy Novgorod: Federal'noye gosudarstvennoye byudzhethnoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego professional'nogo obrazovaniya «Nizhegorodskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet imeni Koz'my Minina». 2018. 78 s. (In Russian).
10. Churkin K., Nureyeva L., Kiselev S. *K voprosu o potrebnosti v pedagogicheskikh kadrakh* [On the question of the need for teaching staff] // Ekonomika obrazovaniya, 2014. № 4. S. 11–21. (In Russian).
11. Darling-Hammond L., Podolsky A. *Breaking the cycle of teacher shortages: What kind of policies can make a difference?* // Education Policy Analysis Archives, 2019. Vol. 27(34). Pp. 1–15. (In English).

12. Ingersoll R., Merrill E., Stuckey D., Collins G. Seven Trends: The Transformation of the Teaching Force. CPRE Research Reports. 2018. URL: https://repository.upenn.edu/cpre_researchreports/108 (data obrashheniya: 20.02.2022). (In English).
13. Lebedev K., Vasilieva L., Sumenova E. *Forecast for pedagogical workers age structure in general education of Russia* // The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences EpSBS, 2019. Pp. 522–533. (In English).
14. Mchenry-Sorber E., Campbell M. *Teacher shortage as a local phenomenon: District leader sensemaking, responses, and implications for policy* // Education Policy Analysis Archives, 2019. Vol. 27(87). Pp. 1–33. (In English).
15. OECD. Education Statistics. Education at a glance Distribution of teachers by age and gender. 2022. Available at: <https://doi.org/10.1787/edu-data-en> (data obrashheniya: 20.02.2022). (In English).
16. Ostertagova E., Ostertag O. *Methodology and Application of One-way ANOVA* // American Journal of Mechanical Engineering, 2013. Vol. 1(7). Pp. 256–261. (In English).
17. Pinkovetskaia I.S. *Distribution of the number of scientific and pedagogical staff of universities by work experience* // Revista Tempos e Espaços em Educação, 2022. Vol. 15(34), e17010. Pp. 1–9. (In English).
18. Pinkovetskaia I., Nuretdinova Y., Nuretdinov I., Lipatova N. *Mathematical modeling on the base of functions density of normal distribution* // REVISTA DE LA UNIVERSIDAD DEL ZULIA, 2021. Vol. 12(33). Pp. 34–49. (In English).
19. See B., Gorard S. *Why don't we have enough teachers? A reconsideration of the available evidence* // Research Papers in Education, 2020. Vol. 35(4). Pp. 416–442. (In English).

РАЗДЕЛ 3. СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

SECTION 4. SOCIOLOGY OF SCIENCE

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.010

УДК316.74:: 001.89

ББК 60.561.8+72.5

И.Н. ФИЛИПОВА

**РИНЦ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ**

I.N. FILIPPOVA

**RUSSIAN SCIENCE CITATION INDEX:
PROBLEMS AND PROSPECTS
OF PUBLICATION ACTIVITY**

Статья посвящена поиску путей оптимизации работы РИНЦ. Решение этой актуальной задачи наукометрии необходимо в целях большей объективности оценки публикационной активности исследователей. Представленный анализ направлен на структурирование проблем во взаимодействии РИНЦ с научной общественностью и обзор перспектив российской наукометрии. Фактическим материалом служат примеры ошибок, выявленных ответственным представителем в отношении публикаций сотрудников Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета и ссылок на них. Намечен комплекс мероприятий для повышения качества работы РИНЦ: улучшение технологии платформы, ужесточение контроля регистрируемых публикаций и унификация транслитерирования источников.

We are looking for ways to optimize the work of the Russian Science Citation Index. The solution of this urgent problem of scientometrics is necessary in order to assess the publication activity of researchers more objectively. The presented analysis is aimed at structuring problems in the interaction of the RSCI with the scientific community and reviewing the prospects of Russian scientometrics. The actual material includes examples of errors identified by the responsible representative in relation to publications of employees of the Institute of Linguistics and Intercultural Communication of Moscow State Regional University and references to them. We are planning a set of measures to improve the quality of the work of the RSCI: improving the technology of the platform, tightening the control of registered publications and unifying the transliteration of sources.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научная электронная библиотека, российский индекс научного цитирования, наукометрия, научно-исследовательская деятельность, публикационная активность.

KEY WORDS: Scientific Electronic Library, Russian Science Citation Index, scientometrics, research activity, publication activity.

ВВЕДЕНИЕ. В последние два десятилетия РИНЦ (российский индекс научного цитирования) прочно обосновался в научной жизни России. Теперь без анализа публикационной активности [1, 3] не функционирует ни одно предприятие исследовательской, издательской и образовательной сфер, а понятия импакт-фактора журнала и индекса Хирша неотделимы от соответствующих дискурсивных практик. Как показывает опыт, жить в этих обстоятельствах можно, но сложно. Развитие системы РИНЦ [6] предполагает совместные усилия персонала Научной электронной библиотеки (НЭБ) на платформе e-library.ru (орга-

низаторов, программистов, группы технической поддержки, операторов) и представителей научного сообщества (издательств, образовательных и исследовательских организаций, их ответственных представителей).

В настоящей статье представлена попытка дифференцировать трудности, возникающие при идентификации цитирований, и «странности»/неясности/погрешности системы, обнаруженные в течение последних 5 лет (особенно, в течение последнего года — 2021-го).

ЦЕЛЬ СТАТЬИ — разработка типологии затруднений в пополнении показателей публикационной активности исследователей на платформе НЭБ e library. Методы, используемые в работе, носят общенаучный характер — наблюдение над фактическим материалом, анализ и синтез, обобщение и абстрагирование, графическая интерпретация данных. Материалом работы служат факты коррекции ссылок и регистрации новых (ранее не представленных в базе РИНЦ) публикаций, соответственно более 2300 и 350 единиц (за период работы автора ответственным представителем лингвистического факультета МГОУ в течение 8 лет: с 2013 г. по 2022 г.). Достаточный объем фактического массива и объективные методы исследования обеспечивают надежность и достоверность полученных результатов (эмпирического уровня) и выводов (теоретического порядка).

Главный вопрос настоящей статьи о границах полномочий (прав / обязанностей) ответственного представителя организации [4]. Вопрос этот носит, конечно, риторический характер, т.к. ответ на него могут дать только руководящие структуры e-library, которые не торопятся раскрыть участникам «хиршезации» некоторые аспекты деятельности РИНЦ [6].

Полномочия ответственного представителя организации дают возможность регистрировать новые (ранее не представленные в e-library материалы конференций, сборники, монографии и т.п.) и идентифицировать ссылки на ранее зарегистрированные публикации сотрудников организации. В целом это разумная и действенная система пополнения показателей публикационной активности. Но некоторые ее противоречия требуют от представителя организации больших усилий (чем до 2019 г. и чем можно требовать при разумном разделении обязанностей в системе).

Идентификация ссылок не требует вмешательства представителей организации при отсутствии нарушений: если информация представлена истинно и полно, то она автоматически распознается системой НЭБ к взаимному удовольствию всех участников научной коммуникации. Однако так бывает не всегда, доказательством этого служит многочисленность и разномасштабность ошибок, подлежащих исправлению для нормального функционирования системы [2]. Для оптимизации работы НЭБ необходима унификация сложностей, которые выявляются в ходе правки ранее зарегистрированных публикаций. В настоящей статье использованы реальные факты ошибок в идентификации ссылок, корректируемые ответственным представителем организации по привязке ссылок на публикации сотрудников.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. Для эффективного построения алгоритма по коррекции и (лучше!) предотвращению ошибок наибольшую перспективу имеет группировка обнаруживаемых проблем (ошибок) по их предмету: 1) проблемы идентификации публикации; 2) проблемы идентификации автора; 3) ошибки ввода информации при предшествующей регистрации. Фактическим материалом служат примеры ошибок, которые были выявлены в работе с платформой НЭБ в отношении сотрудников Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

Идентификация публикации вызывает наибольшие затруднения ввиду многочисленности, частотности и разнообразия проблем. Детерминирующими причинами в данном аспекте выступают:

- ошибки в названиях публикаций в списке цитируемой литературы;
- переводная множественность в отношении названия одного произведения в иноязычных цитирующих публикациях;

- разные стандарты транслитерации в журналах;
- нерасчлененное указание названия цитируемой публикации и ее типа;
- неверная идентификация типа цитируемой работы;
- некорректное указание даты цитируемой публикации;
- случайные ошибки.

Актуальность вопроса и непонимание степени ответственности многими участниками научного диалога требуют конкретизировать вышеуказанные (прискорбные!) обстоятельства.

- Максимальное количество ошибок сопряжено с названием цитируемого произведения — каким бы фантастичным это ни казалось. Несомненное значение имеет и собственно формулировка названия: более сложные терминологизированные названия, в состав которых входят единицы паронимических отношений, вызывают больше затруднений при цитировании. Так, названия «Толковый переводоведческий словарь» и «Переводоведческая лингводидактика» Л.Л. Нелюбина в 45% цитирующих публикаций искажаются авторами до «переводческих» (близких по семантике, но не тождественных). Нарушения прецизионной информации в дискурсе наукометрии имеют негативное влияние на показатели научной продуктивности в работе многих заслуженных ученых. Остается надеяться, что эти нарушения являются следствием невнимательности, а не отсутствием опыта общения с работами исследователей, указываемыми в списке источников многих статей.
- Много неадекватных ссылок дают сложно оформленные названия. К таковым можно отнести расчлененные названия, например, «Наука о переводе: история и теория с древнейших времен и до наших дней» и «Введение в технику перевода: когнитивный теоретико-прагматический аспект» Л.Л. Нелюбина или «Ложные друзья переводчика. Общенаучная лексика. Английский язык» Л.И. Борисовой. Длинное название дает больше возможностей для неточностей цитирования (и просто ошибок), но расчлененность в еще большей степени способствует тому, что система автоматического распознавания не идентифицирует работу. Не могут похвастаться активностью адекватных ссылок и произведения, в названии которых присутствуют заковыченные фрагменты, например: «“Римский мир” Нового завета в англоязычных версиях: репрезентация реалий» Г.Т. Хухуни и А.А. Осиповой или «“Ложные друзья” переводчика научно-технической литературы» Л.И. Борисовой.
- Цитирование отечественных исследователей зарубежными авторами или отечественными авторами в зарубежных журналах, несомненно, составляет отрядный факт. Однако здесь возникает комплекс проблем, связанных с феноменом переводной множественности, который реализуется как разные варианты иноязычного наименования одного русскоязычного первоисточника. Например, вышеупомянутый «Толковый переводоведческий словарь» Л.Л. Нелюбина получил несколько различных вариантов иноязычного представления в ссылках публикаций на иностранных языках и в изданных на русском языке произведениях, содержащими дублирующий список источников на английском языке (в транслитерации и на других языках): *Defining dictionary*, *Explanatory dictionary for translation Scientists*, *Explanatory dictionary of translation*, *Explanatory translation dictionary*, *The Explanatory dictionary of the theory of translation*, *Translational dictionary*, *Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'*, *Котормонун түшүндүрмө сөздүгү*. Нельзя исключить и возможность появления новой версии передачи названия оригинала средствами английского и других языков.
- Отсутствие единого стандарта транслитерации в научной периодике также негативно влияет на работу системы автоматического распознавания цитирований на платформе e-library. Популяризация российской науки и активное внедрение в процесс научного дискурса на английском языке как «лингвофранка» науки способствуют

распространению информации об оригинальных научных работах в европейских и американских наукометрических базах. Однако отсутствие унификации требований к системе транслитерации источников в различных журналах существенно осложняют этот перспективный процесс. В различных периодических изданиях выбор редсовета падает на разные способы транслитерации (с сопровождением переводом и без него, в соответствии с одной из 7 транслитерирующих систем: LC (Библиотека конгресса США), BSI (Британский институт стандартов) etc. Опыт общения с различными журналами однозначно свидетельствует о различных подходах издателей к этому вопросу. В некоторых сборниках, публикующих материалы конференций, выявляется неидентичность систем транслитерации, которая эксплицирует отсутствие единой издательской политики. При такой поливариантности достичь единообразия цитирующих ссылок на первоисточники представляется совершенно невыполнимой задачей.

- Нерасчлененное указание характера работы и названия, в результате единицы учебник, монография и т.п. попадают в поле названия публикации, которая становится для системы неидентичной самой себе и потому не распознается, т.к. «История науки о языке: учебник» — не тождественна публикации «История науки о языке». Наибольшее распространение такие факты получают в библиографических списках диссертаций. Многокомпонентные перечни источников, традиционно подтверждающие достоверность полученных результатов исследования, закономерно провоцируют погрешности их обработки. Эта тенденция подпитывается невниманием операторов и авторов цитирующих публикаций.
- В случае ошибки с определением жанра (диссертация, монография, статья и т.д.) цитируемая публикация, которая значится в НЭБ как статья в журнале, не будет распознаваться как самоидентичная, если в цитирующей публикации она указана как глава в книге. За ошибки такого рода с большой долей вероятности ответственны представители организации, ограничивающиеся автоматизированным «разбором» цитируемой публикации.
- Ошибки даты опубликования цитируемого произведения в библиографических перечнях однозначно лежат на совести авторов цитирующих публикаций. При этом обусловлены они могут быть различными факторами: невнимательностью автора, использованием вторичными ресурсами (без обращения к первоисточнику) или электронными версиями издания (копиям с ошибками сканирования).
- Окаzionaliонные ошибки, обусловленные опосредованным обращением к произведению через электронные ресурсы (ЭБС и т.п.) и — субъективно — человеческим фактором: усталостью и/или рассеянностью авторов цитирующих публикаций. Ошибки этого типа связаны с неверным указанием первоисточника (который не может быть идентифицирован) ввиду встроенных переносов (по форматированию источника цитирования в онлайн-сервисе), орфографических ошибок и опечаток (искажающих название оригинала до неузнаваемости для системы автоматической регистрации ссылок).

Ошибки в отношении названия оригинала, совершаемые авторами цитации в отношении названий первоисточников, не исчерпывают погрешностей цитирования. Большая доля неидентифицированных ссылок, которые могут быть скорректированы только при дополнительных усилиях ответственных представителей организации и операторов НЭБ, приходится на неточности идентификации автора. Ошибки в отношении фамилии и инициалов автора оригинала отражаются негативно на уровне цитируемости его работ и на показателях его индекса Хирша. Эти ошибки могут быть обусловлены несколькими факторами:

- ошибки в указании инициалов и/или фамилии автора оригинала;

- смена фамилии (при вступлении в брак и прочих обстоятельствах);
- окказиональные ошибки.
- Среди представленных неточностей в указании инициалов и/или фамилии автора самая большая частотность обнаруживается в связи с так называемыми «ошибками сканирования». «Слепой» шрифт создает помехи в распознавании имен, отчеств и фамилий цитируемых исследователей, упоминаемых в тексте и списках литературы. Искажения авторских данных провоцируют вторичные цитирования (без обращения к первоисточникам): Нелюбим, Нелюбит, Нелюбин Л.П., Нелюбин П.Ш. (вместо Нелюбин Л.Л.).
- Процедура смены фамилии создает известные трудности в идентификации авторов. С.В. Гринев-Гриневи́ч первоначально был зарегистрирован в Science Index как Гринев, результатом изменения фамилии стала невозможность автоматической идентификации его новых публикаций. Для присвоения ему публикаций последних лет требуется дополнительная работа операторов РИНЦ и/или ответственных представителей организации. Утрата самоидентификации для лиц, сменивших фамилию в браке, также создает препятствия на пути роста показателей публикационной активности.
- Деформации инициалов и/или фамилий нередко оказываются проявлением невнимания цитирующих авторов, их незнания с оригиналами (при вторичном цитировании — через чужие произведения), а также отражают небрежное отношение к библиографической культуре: Т.Г. Хухуни (вместо Г.Т. Хухуни), Н.К. Грабовский (вместо Н.К. Гарбовский) и пр.
- Идентификация авторов затруднительна при их участии в авторском коллективе при издании статьи, в коллективных монографиях и сборниках. Наибольшие осложнения в таком случае представляет регистрация сотворчества исследователей, работающих в разных организациях. Распространенная практика публикации статей в изданиях международных баз Scopus и WoS с участием 5 и более авторов осложнена не только англоязычным форматом представления информации об исследователях, но и их численностью.

Не меньший уровень трудозатрат и временных ресурсов приходится на исправления внесенной ранее некорректной информации об авторе или его научного произведении, препятствующей адекватной автоматической идентификации и присвоению ссылок. Значительная доля ответственности за многочисленные факты этой группы неверной информации ложится на операторов РИНЦ, зарегистрировавших некорректные отсылки к авторам и цитируемым публикациям. Наибольшее количество неточностей обнаруживается в сборниках по материалам конференций, которые были (очевидно) недостаточно внимательно проанализированы операторами РИНЦ и Science Index и незаслуженно получили статус подтвержденных источников. Такая прискорбная тенденция обусловлена действием человеческого фактора и при должном контроле со стороны операторов РИНЦ может быть остановлена, а ошибки предотвращены. Группировать погрешности анализируемого типа перспективно по следующим аспектам:

- представление библиографического корпуса единым массивом (без членения и нумерации);
- искажения жанровой принадлежности цитируемого оригинала;
- представление библиографического корпуса на иностранных языках;
- представление библиографического корпуса в двуязычном формате;
- отсылка к фрагменту произведения.

Вариативность стандартов оформления ссылок на первоисточники и ограниченные возможности алгоритма распознавания в НЭБ негативно влияют на рост показателей публикационной активности авторов в следующих обстоятельствах:

- Печальную частотность приобрела за 2020–2021 гг. практика нерасчлененной библиографии в статьях, опубликованных в сборниках по итогам конференций. Отсутствие нумерации или дифференциации по абзацам, составляющих норму оформления списка источников, не дает возможности автоматической обработки такой информации. При достаточном объеме такого «списка» (в некоторых случаях — до 30 источников) корректировка такого библиографического корпуса требует значительных усилий от представителя организации для упорядочивания информации в целях идентификации и привязки ссылок к первоисточникам и их авторам.
- Ошибки жанровой принадлежности публикации возникают при регистрации ссылок вследствие установки системы на определение типа публикации «статья» по умолчанию (если не редактируется представителем организации или издательства иначе). В связи с этим идентификация ссылок, например, на автореферат диссертации или главу в книге, становится невозможной даже при корректном указании названия произведения и автора первоисточника. Тщательной регистрации жанра цитируемой публикации следует требовать от сотрудников, вносящих новую информацию в НЭБ-ответственных представителей или издательств, а от операторов РИНЦ — контроля за этим аспектом при подтверждении новых публикаций.
- Рост числа публикаций на иностранных языках закономерно и носит характер объективной тенденции в связи с активизацией коллабораций. В изданиях на иностранных языках (с наибольшей частотностью — на английском, но также и на немецком, французском, польском, белорусском и пр.) библиографический аппарат в языковом отношении также передается иноязычно. Различия графики, алфавитных систем обуславливают нетождественность способов межъязыковой передачи названий публикаций и фамилий авторов, а полученные варианты осложняют идентификацию. Так, американизированный стандарт авторства Любовь И. Борисова приводит к распознаванию автора системой как Любовь И., исключая автоматическую идентификацию. Для отождествления ссылок в таком случае требуется сопровождение названия публикации и фамилии автора русскоязычной версией. Полезно было бы рекомендовать технически организовать необходимость указания первоисточников на языке оригинала (русском) при регистрации таких публикаций — по принципу корпоративной этики.
- Двуязычный формат представления ссылок — на языке оригинала и в транслитерированной форме (в сопровождении переводом или без него) расширяет сферу своего влияния, захватывая новые журналы и сборники. До некоторой степени этот процесс объективен и необратим (что можно только приветствовать) — в связи с перспективами развития русскоязычного сектора международных баз цитирования (например, Russian Science Citation Index как части Web of Science Core Collection). Однако полученная таким образом дублированная ссылка не может быть зарегистрирована (в соответствии с принципом однократного цитирования одного источника в рамках одной публикации), но может быть опознана ответственным представителем организации как двойная ссылка только в ходе внесения изменения в цитирующую публикацию. Такая же кратная цитация первоисточника наблюдается при организации библиографического корпуса в виде ссылок в порядке следования в теле статьи (где последующие отсылки к одной цитируемой публикации сопровождаются пометами указ.соч.).
- Указание фрагмента первоисточника в качестве цитируемой публикации неизбежно влечет отказ системы от автоматической идентификации с оригиналом (в его полнотекстовой форме). Опознанный целый произведение фрагмент не может быть соотнесен с первоисточником и требует дополнительных комментариев ответственным

ного представителя для оператора НЭБ, только после этого возможно соотнесение фрагмента с названием первоисточника и привязка ссылки к нему. В связи с этим необходимо подчеркнуть осложнения, сопровождающие коллективное авторское право (в коллективных монографиях и энциклопедиях) в процессе регистрации ссылок на определенные разделы/главы/статьи и пр.

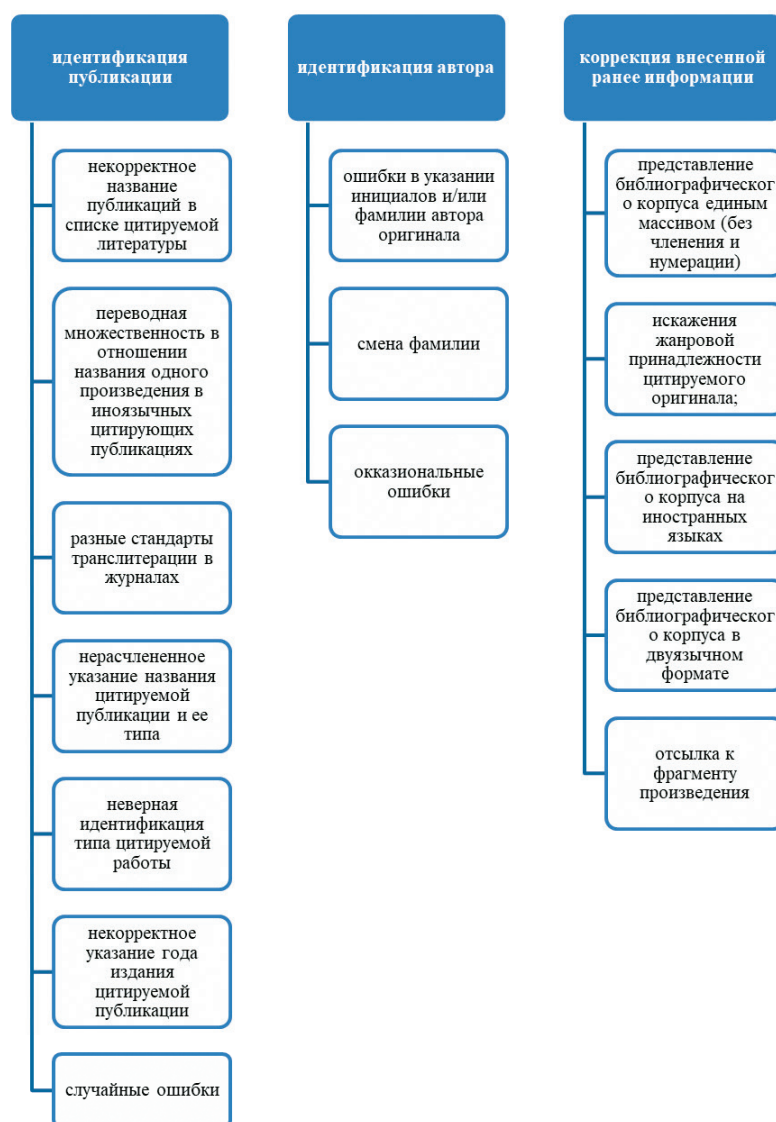

Рис. 1. Типология ошибок публикаций, авторов, ссылок в РИНЦ

Подводя итоги представленного обзора, необходимо отметить, что некоторые проблемы в идентификации авторов, публикаций, идентификации ссылок и регистрации новых публикаций обусловлены не только объективно — техническими параметрами работы системы НЭБ, но и субъективно — недобросовестностью или низким уровнем культуры цитирования у отдельных участников научного дискурса.

Несмотря на объективные и субъективные затруднения работы исследовательского коллектива (в лице издательства, библиотеки и ответственного представителя) в сотрудничестве с РИНЦ, определенный опыт преодоления препятствий и устранения погрешностей в базе e-library позволяет повышать показатели публикационной активности. Отражением роста продуктивности научно-исследовательской деятельности могут служить данные сайта РИНЦ. Из представленных количественных данных анализа публикационной активности в диаграмму включены показатели МГОУ по годам как наиболее адекватные цели (см. рис. 2). Отметим также, что данные 2021 г. неполны ввиду того, что не все изданные в течение календарного года материалы на нынешний момент зарегистрированы в базе РИНЦ и будут пополняться в дальнейшем.

Фундаментальными репрезентантами эффективности научно-исследовательской работы, проводимой организацией, служат количество публикаций в РИНЦ и количество цитирований в РИНЦ (как главные критерии расчета индекса Хирша). К этим показателям мы присовокупляем в приводимой ниже диаграмме количество публикаций, загруженных в РИНЦ, т.е. опосредованное количественное выражение активности и продуктивности работы ответственного представителя организации, реализующего контакт с сотрудниками платформы e-library для пополнения сведений и в целях повышения престижа вуза и ее сотрудников.

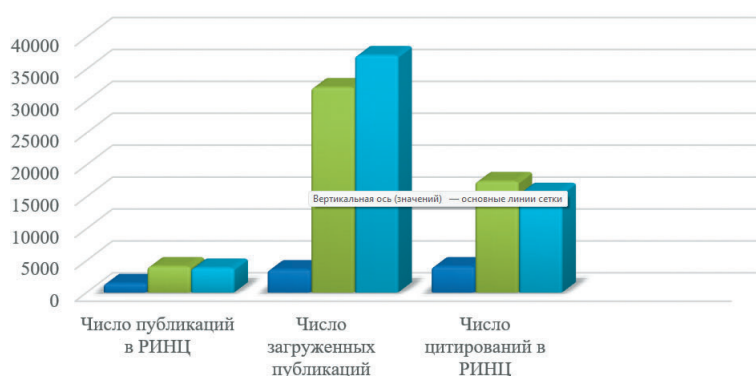

Рис. 2. Сравнительные показатели публикационной активности МГОУ, адекватные цели исследования

Однако, некоторые особенности работы РИНЦ провоцируют сомнения в объективности анализа и полноты показателей, которые служат репрезентантами успешности исследовательской работы организации.

Вопросы вызывают ограничения на регистрацию переизданий как самостоятельных произведений (при указании кодов и полного библиографического описания) отмечены неоднократные отказы системы (в лице операторов платформы) от внесения и идентификации таких произведений. Требования к указанию англоязычной версии организации (места работы автора цитирующей публикации) представителем организации (места работы автора цитируемой публикации) представляется избыточным. Периодические (троекратные за последние 10 лет) изменения правил расчета индекса Хирша (в связи с его значимостью для организаций и научных сотрудников) подрывают доверие к самому инструментарию и к его оценке научным сообществом. К таковым фактам можно отнести исключение авторефератов диссертаций, словарей, реферативных журналов и некоторых журналов (без оглашения результатов их экспертизы) из источников цитирования, привлекаемых для расчета индекса.

ВЫВОДЫ. Оптимизация работы платформы НЭБ — актуальная задача, решение которой предполагает улучшение технологии платформы, совершенствование программного обеспечения (внедрения модулей для распознавания иноязычных ссылок и дублированной цитации), большая тщательность и ужесточение контроля регистрируемых публикаций (особенно, с коллективным авторством), унификацию транслитерирования (со стороны издательств). В завершении следует упомянуть, что представленный анализ проблем оценивания публикационной активности нацелен не только на выявление «проблемных зон» в работе платформы НЭБ, но и привлечение внимания к перспективам эффективного взаимодействия исследователей, организаций, издательств и НЭБ в области наукометрии. Адекватная и ответственная работа всех участников этого многостороннего и многофакторного взаимодействия значима для развития публикационной активности (и повышения показателей, таких как индекс Хирша). Перспективы решения технологических задач ELIBRARY во взаимосвязи с ростом библиографической культуры дают основания для оптимистичного прогноза в организации научно-исследовательской деятельности и наукометрии.

Литература

1. Алексанин С.С., Евдокимов В.И., Рыбников В.Ю. Science Index — показатель инновационной активности отечественных авторов и научных организаций // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2012. № 4. С. 126–132.
2. Галеев И.Х. Оценка полноты и интеллектуальности РИНЦ // Образовательные технологии и общество. 2014. Т. 17. № 3. С. 583–602.
3. Гринёв А.В. Использование наукометрических показателей при оценке публикационной активности в современной России // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 10. С. 993–1002.
4. Мазов Н.А., Гуреев В.Н. Опыт использования надстройки РИНЦ Science Index для организаций // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. 2015. № 21. С. 77–82.
5. Рахимова Н.М. Определение научной продуктивности научно-исследовательского института. Опыт работы // Библиосфера. 2016. № 3. С. 60–64.
6. Цветкова В.А., Калашникова Г.В. Еще немного о российском индексе научного цитирования (РИНЦ) // Культура: теория и практика. 2016. № 5–6 (14–15). С. 2.

References

1. Aleksanin S.S., Evdokimov V.I., Rybnikov V.Yu. *Science Index — pokazatel' innovacionnoj aktivnosti otechestvennykh avtorov i nauchnykh organizacij* [Science Index as a Marker of Innovative Activity of Domestic Authors and Research Organizations] // Mediko-biologicheskie i social'no-psihologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychajnykh situacijah. 2012. № 4. S. 126–132. (In Russian).
2. Galeev I. *Ocenka polnoty i intellektual'nosti RINC* [Assessment of the completeness and intelligence of the RSCI] // Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo. T. 17. № 3. S. 583–602. (In Russian).
3. Grinev A.V. *Ispol'zovanie naukometriceskikh pokazatelej pri ocenke publikacionnoj aktivnosti v sovremennoj Rossii* [The Use of Scientometric Indicators to Evaluate Publishing Activity in Modern Russia] // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2019. T. 89. № 5. S. 451–459. (In Russian).
4. Mazov N.A., Gureev V.N. *Opyt ispol'zovaniya nadstrojki RINC Science Index dlya organizacij* [Science Index for Organizations of the Russian Science Citation Index: User Experience] // Informacionnye tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyah. 2015. № 21. S. 77–82. (In Russian).
5. Rakhimova N.M. *Opredelenie nauchnoj produktivnosti nauchno-issledovatel'skogo instituta. Opyt raboty* [Determining the Research Institution Scientific Productivity. The Activity Experience] // Bibliosfera. 2016. № 3. S. 60–64. (In Russian).
6. Tsvetkova V.A., Kalashnikova G.V. *Eshche nemnogo o rossijskom indekse nauchnogo citirovaniya (RINC)* [A Little More about the Russian Science Citation Index (RSCI)] // Kul'tura: teoriya i praktika. 2016. № 5–6 (14–15). S. 2. (In Russian).

РАЗДЕЛ 4. ИСТОРИКИ В ГОСТЯХ У СОЦИОЛОГОВ**SECTION 4. HISTORIANS VISITING SOCIOLOGISTS**

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.013

УДК 94(470+571)"19":316.356.2

ББК 63.3(2)61-7+60.561.51(2)6

С.П. КАЧЕСОВА

**«СТАРОЕ ОТЖИЛО И НЕ ИМЕЕТ СИЛЫ,
А НОВОЕ ЕЩЕ НЕ СЛОЖИЛОСЬ»:
СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ
КОНФЛИКТОВ КРЕСТЬЯНАМИ В РОССИИ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

S.P. KACHESOVA

**« OLD HAS OUTLIVED ITS USEFULNESS
AND HAS NO FORCE, AND NEW HAS NOT
YET DEVELOPED»: PEASANTS' WAYS
OF RESOLVING FAMILY CONFLICTS IN RUSSIA
IN THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY**

Цель статьи — выделить способы решения семейных конфликтов российскими крестьянами в первой трети XX века. В первой трети XX века в России происходят политические события, вызвавшие кардинальные перемены в государственном строе и повседневной жизни общества. Изучив эго-документы крестьян на основе методологических подходов истории повседневности и гендерной истории, мы выделяем реально использовавшиеся крестьянами способы решения семейных конфликтов, а также определяем степень их взаимодействия с органами власти по этому вопросу. Научная новизна выводов данной статьи состоит в выявлении правового нигилизма в решении семейных конфликтов крестьянами в России первой трети XX века. В данный период семейные конфликты разрешались крестьянами с использованием традиционных патриархальных методов. Среди способов решения семейных конфликтов, открыто указываемых в эго-документах крестьян, мы можем выделить замужество или женитьбу, а также рукоприкладство мужа по отношению к жене. Указание на применение рукоприкладства для решения семейного конфликта чаще встречается в эго-документах крестьян мужского пола, что стало выражением непонимания усилившегося процесса изменения роли женщины в семье. Крестьяне обращались в органы власти для решения семейных конфликтов, требующих решения материальных вопросов. Случаи таких обращений относятся к периоду, предшествующему 1917 году, а также концу 1920-х годов.

The article highlights the ways of solving family conflicts by Russian peasants in the first third of the XX century. In the first third of the XX century political events took place in Russia, which caused radical changes in the state system and the daily life of society. Having studied the ego documents of the peasants on the basis of methodological approaches to the history of everyday life and gender history, we identify the methods actually used by the peasants to resolve family conflicts, and also determine the degree of their interaction with the authorities on this issue. The scientific novelty of the conclusions of this article consists in identifying legal nihilism in solving family conflicts by peasants in Russia in the first third of the XX century. It's concluded

that during this period family conflicts were resolved by peasants using traditional patriarchal methods. Such ways to resolve family conflicts of peasants as marriage and the assault of the husband towards his wife were identified. An indication of the use of physical assault to resolve a family conflict is more common in the ego documents of male peasants, which has become an expression of misunderstanding of the intensified process of changing the role of women in the family. The author of the article redlines that peasants appealed to the authorities to resolve family conflicts requiring the resolution of material issues. Cases of such appeals relate to the period preceding 1917, as well as the end of the 1920s.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история повседневности, гендерная история, семейный конфликт, крестьяне, женитьба, замужество, рукоприкладство, правовой нигилизм.

KEY WORDS: everyday history, gender history, family conflict, peasants, marriage, assault, legal nihilism.

ВВЕДЕНИЕ. Проблемам трансформации крестьянства в первой трети XX века посвящено достаточно большое количество исследований. За последние десять лет авторы обращались к разным аспектам данной проблемы. Не последнее место среди них занимает и развитие взаимоотношений в крестьянской семье в указанный период. Отношение крестьян к браку, отношения между супругами, родителями и детьми в крестьянской семье в это сложное, наполненное разными политическими событиями время стали основными темами данных исследований. Однако авторы этих исследований не обращают внимания на способы решения семейных конфликтов, которые выбирают крестьяне в первой трети XX века.

На основе изучения архивных документов и материалов, а также опубликованных нормативно-правовых актов, статистических сборников, аналитического материала периодических и справочных изданий, фольклорных источников О.А. Боева определяет «изменение повседневного уклада жизни крестьянской семьи Воронежской губернии в связи с социальными, экономическими и политическими преобразованиями в России» в конце XIX — первой трети XX вв. [3, с. 13]. К изучению источников личного происхождения, авторами которых были крестьяне, О.А. Боева не обращалась.

Для того чтобы выявить влияние различных факторов, накладывавших отпечаток на весь семейный уклад крестьян Воронежской губернии в конце XIX — первой трети XX вв., О.А. Боева изучила представления крестьян о предназначении семьи и показала социальный статус мужчины и женщины в семейной экономике, проанализировала отношение крестьян к добрым и внебрачным связям, исследовала отношение крестьян к рождению детей [3, с. 13]. В соответствии с выводами О.А. Боевой [3, с. 22] крестьянская семья исследуемого периода постепенно превращалась из патриархальной в нуклеарную¹. В третьем десятилетии XX века изменяются взгляды крестьян на характер взаимоотношений в семье, на роль и положение женщины. Крестьяне, по мнению О.А. Боевой, вплоть до конца первой трети XX века, в решении семейных проблем ориентируются на устоявшиеся обычаи и традиции.

Чрезвычайно важными для нашего исследования являются выводы В.Б. Безгина [1]. Уверенно утверждая о приоритете обычного права в крестьянской среде, В.Б. Безгин одновременно становится сторонником точки зрения об отсутствии среди основных ориентиров для решения крестьянами повседневных проблем, в том числе семейных конфликтов, законодательных актов [1, с. 202].

Тезис о том, что крестьянское население в конце XIX — начале XX вв. «обладало смутным представлением о содержании действующего законодательства, в оценке преступлений

1 Патриархальная семья состоит из нескольких поколений родственников по отцовской линии; нуклеарная — из родителей и детей, либо только из супругов.

крестьяне руководствовались нравственным началом и принципами справедливости» подтверждается и в исследовании А.А. Карабанова [8, с. 2], посвященном обзору конфликтогенных тенденций в жизни русской крестьянской общины в данный период и проведенном на материалах Олонецкой губернии. А.А. Карабанов выделяет разные виды конфликтов в крестьянской общине — не только горизонтальные (в число которых входят и семейные конфликты), но и вертикальные — конфликты крестьян с надзорными органами и органами управления. Обострение семейных конфликтов в указанный период А.А. Карабанов объясняет нарушением паттернов семейных взаимоотношений в крестьянской общине, при этом отмечая, что «основные крестьянские семейные устои оставались нерушимыми» [8, с. 100].

Анализ конфликтогенности крестьянской общины Олонецкой губернии в конце XIX — начале XX вв. проводится А.А. Карабановым с учетом ее этнического и конфессионального разнообразия на основе материалов практики мирового и волостного судов. Историк приводит несколько примеров обращения крестьян в органы власти для решения семейных конфликтов, однако все они носят материальный характер и связаны с решением материальных вопросов — порча, поджог имущества. Всего один из одиннадцати приведенных примеров демонстрирует обращение с иском о действиях оскорбительного характера. Этот факт не уменьшает значение проведенного А.А. Карабановым исследования, но побуждает нас более детально выявить причины обращения крестьян в органы власти для решения семейных конфликтов, ежедневное число которых несомненно превышает число конкретных обращений. Для этого решения этого вопроса мы прибегаем к изучению эго-документов крестьян.

О процессе либерализации отношений мужчины и женщины как о причине возникновения проблемы добровольного ухода крестьянок из семьи пишет и А.В. Спичак [14, с. 89]. В качестве верхней границы исследования выбраны события 1917 года, повлекшие коренные изменения во всех сферах жизни российского общества. На основе анализа прошений крестьянок о разводе в Тобольскую духовную консисторию А.В. Спичак справедливо отмечает, что в указанный период возможность развода стала более доступной, однако бракоразводный процесс был сложным и продолжительным.

Случаи жалоб в волостные суды на оскорбления и побои мужей участились, но подавали их только тогда, когда «сохранить брак было уже невозможно, т.е. терпели сравнительно долгое время» [14, с. 101]. По мнению автора, это все стало выражением возросшего самосознания женщин-крестьянок, но в целом «браки в русской деревне были прочными, а разводы — явлением достаточно редким» [14, с. 101].

М.А. Соснина исследует противоречия между официальным законодательством и крестьянской правовой культурой в вопросе разделения семей Архангельской губернии в период с 1861 по 1917 гг. [13] в соответствии с решениями волостных судов данной губернии. Преимущественно рассматриваемые споры носят имущественный характер, но М.А. Соснина приводит и примеры межличностных споров, когда официальное законодательство вступает в противоречие с обычно-правовыми основами крестьянских конфликтов.

И.С. Слепцова в контексте микроистории, то есть «изучения жизненного пути конкретного человека в конкретных исторических обстоятельствах» [12, с. 79] пытается реконструировать «коллективную биографию» сельского социума по материалам дневников ярославского крестьянина П.В. Бугрова, относящихся к первой трети XX в. И.С. Слепцова поясняет, что применяет просопографический метод, «при котором рассматривается отдельный аспект или несколько взаимосвязанных аспектов биографии человека, типичных для исследуемой группы» [12, с. 79], при этом личность анализируется «в контексте социального окружения (семьи, локальной группы), изучаются ее взаимоотношения с другими членами социума и функции, которые она выполняет в данном сообществе» [12, с. 79]. И.С. Слепцова отмечает, что солидная часть дневников посвящена описанию

«семейной жизни и взаимоотношений между членами семьи» [12, с. 88]. Примечателен вывод И.С. Слепцовой об изменении характера семейных взаимоотношений с начала 1920-х годов: «Появляются записи, из которых становится ясно, что прежних отношений в семье, основанных на непререкаемой власти отца, уже не существует» [12, с. 95]. Автор статьи не объясняет этот факт современными ему политическими событиями, но выделение его чрезвычайно важно, т.к. говорит о трансформации семейных взаимоотношений крестьян. Но ни сама И.С. Слепцова, ни ярославский крестьянин П.В. Бугров, основное действующее лицо ее исследования, не упоминают об обращении его к законодательству в поиске способов решения семейных конфликтов. Крестьянин в этой сфере своей жизни предпочитает руководствоваться сложившимся опытом решения этих вопросов.

В работах зарубежных исследователей мы не обнаруживаем пристального внимания к рассмотрению проблемы решения семейных конфликтов крестьянами в первой трети XX века. Положение крестьянской семьи в российском обществе, условия жизни крестьян рассматриваются только с точки зрения соответствия происходящих социально-экономических событий в это время в России общемировым событиям [19]. Литовский историк Д. Лейнарте, рассматривая несанкционированное семейное поведение в крестьянских общинах на европейских территориях Российской империи, в качестве верхней границы исследования определяет 1914 год, когда Литва еще была ее частью «царской империи» [18, с. 3].

Крестьянская семья интересует Д. Лейнарте только с точки зрения ее принадлежности к европейской территории, однако и она обращает наше внимание на слабую приверженность крестьян к обращению в органы власти для решения семейных конфликтов. Взаимодействие российских крестьян с органами власти становится предметом исследования для зарубежных историков только в процессе рассмотрения крупных политических событий, произошедших в начале XX века в Российской империи и позднее в Советской России. Так Д.Э. Джей Мейси посвящает вопросу участия крестьян в столыпинской аграрной реформе отдельную главу в коллективной научной монографии об аграрных преобразованиях в постсоветской России [17, с. 246–271].

Изучение массива трудов историков, посвященных крестьянской семье первой трети XX века, показало, что в основном они направлены на исследование степени конфликтности в семейной сфере крестьянских общин определенных территорий нашей страны, относящихся к Центральному Черноземью (Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская, Олонекская, Костромская, Ярославская губернии), а также Архангельской губернии и территории Тобольской епархии, расположенных ближе к Европейской части России. Хронологические рамки исследования разных аспектов повседневной жизни крестьянской семьи в большинстве трудов совпадают с периодом второй половины XIX — начала XX вв., причем начало XX века ограничивается 1917 годом. Для исследования выбранной проблемы авторы рассмотренных нами трудов выбирают методологические подходы истории повседневности, социальной и гендерной истории [14, с. 90], используют просопографический метод в контексте подхода микроистории [12, с. 79], классические методологические принципы исследования историзма и объективизма [3, с. 13], либо не указывают ни один из методов. В качестве источниковой базы исследований выбраны материалы практики мировых и волостных судов, материалы этнографических исследований. К изучению эго-документов крестьян прибегают крайне редко.

Являлись ли патриархальные традиции и обычаи, непосредственно составлявшие быт крестьян, единственной инстанцией для решения семейных разногласий? Насколько чаще стали крестьяне обращаться к законодательству и органам власти для решения этих проблем? Изучив содержание эго-документов крестьян, проживавших не только в области Центрального Черноземья, но и в отдаленных регионах России — Томской и Оренбургской губернии, мы попытаемся ответить на эти вопросы.

ЦЕЛЬ СТАТЬИ — на основе изучения эго-документов крестьян выделить способы решения семейных конфликтов крестьянами в первой трети XX века. Для достижения поставленной цели в статье последовательно будут решены следующие задачи:

- определить понятие семейного конфликта и способа его решения, которые мы будем использовать при изучении эго-документов крестьян, осящающих разные стороны жизни крестьянской семьи в первой трети XX века;
- обосновать выбор методологического подхода и методов исследования, использованных для изучения эго-документов крестьян;
- описать источниковую базу исследования, представленную эго-документами крестьян;
- выделить способы решения семейных конфликтов, выбираемых крестьянами в первой трети XX века.

Хронологические рамки исследования мы ограничиваем периодом 1900–1930 гг., когда в истории нашей страны происходит целый ряд масштабных политических событий, повлиявших не только на развитие государства, но и на повседневную жизнь населения. К 1930 году в основном складывается новая государственная идеология, вместе с ней приходят кардинальные перемены в жизнь крестьянской семьи, требующие соблюдения семейного законодательства.

Используя преимущества методологических подходов истории повседневности и гендерной истории, мы определим способы решения семейных конфликтов крестьянами, а также выявим причины их обращения или необращения в органы власти для их решения, изучив содержание эго-документов крестьян, проживавших не только в области Центрального Черноземья, но и в отдаленных регионах России — Томской и Оренбургской губернии.

Понятие семейного конфликта в начале XX века в России встречается крайне редко. Нормативное определение семейного конфликта отсутствует в гражданском законодательстве Российской империи начала XX века. Отдельных систематизированных актов, регулирующих семейные отношения, по-прежнему нет. Книга «О правах и обязанностях семейственных» является частью тома X «Свод законов гражданских» Свода законов Российской империи. Книга «О правах и обязанностях семейственных» содержит три раздела — «О союзе брачном», «О союзе родителей и детей, и союзе родственном», «О опеке и попечительстве в порядке семейственном». В издании X тома от 1912 года не упоминается ни только слово конфликт, но и словосочетание семейный конфликт, однако есть близкое по значению определение «спору, от брачных дел возникающие» [11, с. 2]. Но здесь речь идет именно о спорах, вытекающих из противоречий по поводу заключения брака. Можем предположить, что отсутствие нормативного определения семейного конфликта является одной из причин крайне редкого обращения крестьян для решения подобных противоречий в органы власти.

Само слово конфликт заимствовано в русском языке из немецкого. В толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля 1905 года издания конфликт определяется как «столкновение, спор» [15, с. 391], а семейный — «к семье относящийся» [16, с. 123]. В словосочетаниях, показывающих употребление слова, словосочетание семейный конфликт отсутствует. Но в их числе поговорка — «Семейное согласие всегда дороже». Под семьей понимается «совокупность близких родственников, живущих вместе; в тесном значении родители с детьми; женатый сын или замужняя дочь, отдельно живущие составляют уже иную семью» [16, с. 123], что демонстрирует переход от семьи патриархальной к нуклеарной в российском обществе, отмеченный О.А. Боевой, но не всегда применимый к семье крестьянской, т.к. в эго-документах крестьян мы еще встречаем описание жизни патриархальных семей в исследуемый период. Словосочетание «семейный конфликт» отсутствует не только в толковом словаре, но и в эго-документах крестьян.

Современная конфликтология как научная дисциплина появилась в 1950–1960-х гг. на Западе и с начала 1990-х гг. в России. Именно с этого времени понятие конфликта начали употреблять в сфере семейных взаимоотношений. Поэтому необходимо пояснить, что мы понимаем под семейным конфликтом и что, собственно, предполагаем выделять на основе изучения эго-документов крестьян. Доктор педагогических наук С.В. Бобрышов и кандидат психологических наук В.В. Ивакина на основе антропологического подхода к пониманию феномена конфликта определяют семейный конфликт как «столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, ролей, мнений, ценностей или взглядов участников семейного взаимодействия» [2, с. 13]. Далее С.В. Бобрышов и В.В. Ивакина отмечают, что главное в понимании семейного конфликта это, прежде всего, «реализация его субъектами специфического способа разрешения создавшегося противоречия, которое нарушает нормальное взаимодействие, наносит ущерб сторонам (или одной из них), в результате чего они (или одна из них) зачастую начинают видеть источник возникшей проблемы в позиции другой стороны». В изучении содержания эго-документов крестьян нам важно выделить именно этот специфический способ разрешения создавшегося противоречия» [2, с. 13]. Где находят этот способ разрешения создавшегося в семье противоречия крестьяне в первой трети XX века — в обычном праве и патриархальной традиции, в законодательстве или путем обращения в органы власти? На этот вопрос мы получим ответ, детально изучив эго-документы крестьян указанного периода.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для выделения способов решения семейных конфликтов российскими крестьянами в первой трети XX века мы изучим эго-документы некоторых представителей этого сословия. Эго-документы — это «принятое в современной исторической науке объединенное название разных текстов: автобиографий, мемуаров, дневников, журналов путешествий, писем» [6, с. 573]. Именно эти исторические источники помогут нам понять, насколько однозначно тот или иной крестьянин выбирает определенный способ решения семейного конфликта, чем он объясняет этот выбор, насколько легко он ему дается. Эго-документ крестьянина — явление нечастое, поскольку владение пером не было основным крестьянским занятием. В основном мы встретим такие источники под авторством крестьян из Европейской России, где грамотных представителей этого сословия было больше, чем в других регионах России. Поэтому особенно ценными для нашего исследования являются не только автобиографические воспоминания крестьянина Николая Иосифовича Скрылева, урожденного Воронежской губернии, и уроженки Костромской области Евдокии Константиновны Макаровой, дневник тотемского крестьянина Александра Алексеевича Замараева из Вологодской области, но и целый комплекс воспоминаний крестьян-толстовцев В.В. Янова, Д.Е. Моргачёва, Б.В. Мазурина, И.Я. Драгуновского, объединившихся в коммуну «Жизнь и труд» в Оренбургской губернии, воспоминания Анфима Игнатьевича Пономарева из Томской губернии, дневник Ивана Григорьевича Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области.

Первым источником, к которому мы обратились с целью изучить способы решения семейных конфликтов, избираемые крестьянами в первой трети XX в., стали воспоминания крестьян-толстовцев о своей жизни в этот период. Перед нами воспоминания крестьян, жизненные принципы которых имели весьма особый характер. Они пытались воплотить в жизнь идею о братском и мирном обществе, в котором нет места насилию и эксплуатации. Воспоминания крестьян-толстовцев буквально пронизаны толстовскими идеями, но в них содержатся и воспоминания о жизни до вступления в коммуну, а это несколько десятилетий, на которые мы сможем взглянуть глазами российского крестьянина, невольно ставшего свидетелем решительных перемен в стране. Первоначально кажется, что воспоминания крестьян-толстовцев так же, как и воспоминания людей, принадлежащих к другим классам строящегося нового советского общества, не отличаются пристальным вниманием

к семейной жизни. Дело в том, что социальная жизнь в первой трети XX в. была настолько насыщена событиями, что какие-то разногласия в семейной жизни казались не такими уж и важными для обсуждения. Голод, бытовая неустроенность, постоянная угроза жизни, неопределенность часто описываются крестьянами в повседневной жизни. «В это время, зимой 1922 года, голодающие Поволжья, женщины с детьми шли по направлению к Москве. Доходили и до нас, крайне истощенные и обессиленные. Многие на дороге замерзали. Иногда мать с ребенком или двумя лежит на краю дороги — замерзшие. Жалко и больно было смотреть на них, на этих голодных детей», — пишет один из крестьян-толстовцев Дмитрий Моргачев [5, с. 134].

Именно семья становится единственным убежищем человека, тем местом, где он может скрыться от строго взора государства. Рабочий В.В. Янов, чудом избежавший тюремного заключения за преступления против государства, так описывает свои чувства по возвращении домой: «И вот я опять среди любящей семьи, среди своих односельчан и родных полей. Кругом не слышно слов команд и допросов, а спокойная человеческая речь, и не маршировки, прыжки, судорожные движения по команде, а разумный, необходимый всем людям труд...» [5, с. 16]. Позднее он перевёз к себе жить семью своей сестры из Каменского завода. Ее семья очень сильно голодала. Несмотря на то, что остальные родственники не поддерживали Янова в его стремлении спасти детей сестры от голода, он описывает обстановку в доме после приезда на родину следующим образом: «В нашем доме, вернее, комнате, стало очень скученно, как в вагоне, но крайняя нужда не нарушала благоразумия, жалости, и жизнь шла своим чередом» [5, с. 17].

Крестьянин Дмитрий Моргачев так описывает встречу с женой и сыном после окончания военной службы в 1915 году: «Неописуемая радость после такой адской жизни, ежедневно грозившей смертью, и вдруг — жена, сын, и я свободен!» [5, с. 129]. Семья была единственной радостью человека в то нелегкое время.

Такие тенденции в развитии общества, как изменение отношения к женщине, изменение роли мужчины и женщины в семье, изменение характера семейного союза мы обнаруживаем и в воспоминаниях крестьян-толстовцев. В воспоминаниях рабочего, выходца из крестьян В.В. Янова описан такой случай. Он по подозрению в ненависти к советской власти и неблагонадежности был приведен для разбирательства в управление местного ЧК. Там он стал свидетелем такого разговора. Женщина средних лет обратилась к начальнику с просьбой присутствовать на допросе Янова, но получила твердый отказ. Начальник обосновал свой отказ тем, что она посторонняя. Женщина, рассердившись, ответила: «Я не посторонняя! А скажите, вы просто привыкли не считать женщину за человека. Вы не понимаете, что женщина — мать, от нее зависит воспитание детей, порядок в семье, в обществе» [5, с. 15]. Начальник «вполне» согласился с ней, но предложил обсудить это в следующий раз. Но женщина продолжила: «Да, вы все согласны, а делаете свое старое, дикое. Сколько я заявление писала — прекратить выпускать водку, табак, и все согласны, а муж приходит домой пьяным, я — мать — не знаю: куда спрятаться с детьми, а он все бьёт... и так живет все общество. Вот ваше согласие какое, а мне надо узнать нравственную сторону жизни... я уже много слышала о таких людях. Я хочу сама слышать» [5, с. 15]. Закончился этот разговор тем, что она получила окончательный отказ и хлопнула в ответ дверь. Мы обратили внимание на этот случай не потому, что он показывает явный интерес людей к последователям толстовского движения, так как женщина хотела присутствовать на допросе именно по этой причине. Не потому что от начальника как представителя власти последовал твердый отказ на просьбу присутствия на допросе. Нас привлекло замечание женщины об изменении отношения к женскому полу в принципе, изменении положения женщины в обществе. К ней категорически перестали прислушиваться. А ведь женщина в данном случае не просто сообщает, она кричит о том, что семья, основополагающая

единица общества, находится под угрозой. А общество и власть не хотят этого замечать. Не хотят принимать участия в решении семейных конфликтов, причиной которых как раз стала определенным образом проводимая внутренняя политика государства.

Крестьянину В.В. Янову не нравятся те изменения, которые произошли с женщиной, он прямо говорит, что лучшая часть человечества по непонятным ему причинам начала подражать мужчинам. Он искренне не понимает, почему так произошло. Вот что пишет он о женщине: «Женщина — это лучшая половина человечества, она дает жизнь, насыщая её своим молоком и согревая своей жалостью и самоотверженной любовью. И только из женщин проявляются святая мать, жалостливая сестра, добрый самоотверженный друг всего человечества. И такую женщину я очень люблю, уважаю, приветствую, уступаю дорогу и место больше, чем мужчинам. Но когда женщина по разным причинам, вольным и невольным, отступает от своей святой нравственности, возвышающей ее над людьми, и начинает подражать ошалелым мужчинам, занимающимся диким зверством, и тогда за такую, похожую на этих развратных мужчин, женщину мне очень больно и жаль ее, и я тогда не могу отдать ей предпочтения» [5, с. 32].

Представления о должном поведении женщины, видимо заложил в Василия Янова еще отец. Свои воспоминания о пережитом и пережитом он начинает с сюжета о предсмертном наказе, который дает его отец своей семье: «Вот, люди хорошие, — сказал с глубоким вздохом отец, — я скоро, сейчас, помирать буду, но мне хочется напоследок сказать свое желание. Вот слушай, Настя, детей в люди не отдавай, воспитывай сама. Маленького жалей больше всех, он будет тебе кормилец, а сейчас он слабее всех. Девочку рано замуж не отдавай, поспеют в горе и страдание окунуться, но лучше, чтоб они совсем оставались в девушках во всю свою жизнь, это самое лучшее, как я сейчас понимаю. Ребята тоже хорошо бы сделали, если бы воздержались от женитьбы, но у них совсем другой путь, их в солдаты заберут, а там всячески их развратят, но хорошо было бы, если бы они воздерживались и не научились пить, курить. С трезвой головой они в силах будут устоять от раннего разврата и годны будут Богу служить, а не властвующим людям» [5, с. 3]. Вот такое пожелание оставил для своих потомков отец крестьянина В.В. Янова. Общий посыл содержания такого наказа «сторониться общества», чье влияние особо пагубно, вполне понятен. Те изменения, которые происходили в нем в связи с внедрением новой идеологии, были враждебны сознанию простого крестьянина.

Такое же недоумение по отношению к резко изменившемуся поведению жены высказывает ярославский крестьянин Бугров. Приводим цитату из исследования И.С. Слепцовой: «Так расстроился с жизнью, никто не слушает, делают нехотя, потому из крестьянства ничего не выходит. Придется, видно, сказать, как хотите, так и делайте. <...> Скажешь что-нибудь из прожитой жизни, что надо, а что не надо, даже обругаешь толстой матерью, то есть поматерны, а если хлестнешь по рожке с досады, то получишь обратно. А матка станет дыбом против мужа и станет предьявлять, как жили раньше, когда дрался или ругался, и я тебя боялась. Но теперь, говорит, не раньше и срать на тебя не хочу. И этим рассказам и упрекам на мужа озлобляет детей против отца [1924 г., 4 июля]» [12, с. 91]. И.С. Слепцова отмечает, что сеговования П.В. Бугрова на непослушание и грубость жены и детей очень часты: «Жизнь моя становится скверная, нападает жена вместе с детьми, что я ничего не делаю, даром хлеб жру и ругаются. Но мне сильно обидно [1925 г., 31 октября]» [12, с. 92].

Ниже И.С. Слепцова поясняет, что «хотя П.В. Бугров демонстрировал такой же стиль поведения по отношению к своим родным еще лет десять назад, но он считал это нормой, однако когда столкнулся с аналогичным отношением к себе, то воспринял это чрезвычайно болезненно, как слом всей жизни» [12, с. 90]. Выводы этого автора подтверждают характерную для крестьянского сознания систему ценностей, построенную на патриархальных принципах.

Рукоприкладство как способ решения семейного конфликта со стороны мужчины описывает и Моргачев. В 1924 году женщины в коммуне стали все больше и больше не ладить, пошли побранки. Обмолотили хлеб, его нужно вывозить на повозках в амбар, а мешков почти не было. У его жены Марьяны было большое рядно, стлалось в повозку и в него насыпалось зерно до 30 пудов, а у других не было такого рядна. Кто-то пожаловался Моргачеву, что его жена не дает рядно. В личном разговоре с мужем Марьяна также отказалась одолжить рядно другим людям. Как отреагировал на это Дмитрий Егорович? «Долго я ее уговаривал и не мог уговорить, с досады я стегнул ее по голове, гимнастеркой, и пояс с пуговицей попал ей под глаз, глаз распух и под глазом черно», — рассказывал Моргачев. Но после отметил, что ему «было стыдно», и больше он «за всю жизнь нашу ее не трогал» [5, с. 136]. В отличие от П.В. Бугрова Дмитрий Моргачев сомневается в правильности своего поведения.

Женитьба или замужество по-прежнему были обязательным актом в жизни крестьянина. Тотемский крестьянин А.А. Замараев с особой тщательностью, наряду с описанием бытовых и хозяйственных событий, событий политической жизни, ежедневно указывает, кто и на ком женился, как прошли смотрины [7, с. 317–318, 319, 372]. Не только в воспоминаниях мужчин-крестьян, но и женщин-крестьянок мы встречаем указания на то, что женитьба, или замужество, выступали способом решения многих семейных конфликтов. Крестьянка Евдокия Макарова так объясняет причину своего замужества: «Конечно я бы за него не пошла. Я от жизни пошла, от тетушки» [10, с. 54].

Одним из главных качеств будущей жены, по мнению Д.Е. Моргачева, была способность трудиться на земле, поэтому грамотность невесты по-прежнему не приветствовалась. Одной из претендующих на роль его жены была старшая дочь дьякона Шура, бывшая учительницей в сельской земской школе. Но после совета с родственниками Д.Е. Моргачев отказался от этой идеи. Вот какие аргументы они привели ему: «...ты у нее будешь во всю жизнь подол заносить, а в жаркие летние дни завешивай окна и гоняй от неё мух, а самому некогда будет работать в поле. Бери крестьянку, земля у вас есть, и будете работать с ней на земле» [5, с. 119–120]. Даже спорить не стал с ними крестьянин, так с «ученой» и не сошелся.

Также объяснял главную причину своей женитьбы и крестьянин И.Я. Драгуновский: «Мать собирается женить меня: «Нужна помощница в хозяйстве» [5, с. 166]. Будущий муж очень сомневался в правильности намерений матери, но его уговорили общими силами и свадьба все-таки состоялась. Интересен тот факт, что в оценивании потенциальной невесты участвуют и родственники, и соседи, и односельчане. В решении семейного конфликта по поводу согласия или несогласия одной из сторон на заключение брака позволяют участвовать широкому кругу людей. Но как только брак заключен и семья создана, в ее внутренние дела никого не допускают ни в коем случае. Потому и описания семейных конфликтов, их публичное обсуждение встречаются реже.

Могли воспрепятствовать женитьбе и другие причины, также указываемые родственниками. Далее Д.Е. Моргачев, продолжая в своих воспоминаниях поиски невесты, рассказывает еще об одном случае: «Начал я дружить с одной девушкой Настей, но случилось так, что ее дядя, брат ее отца, украл копну хлеба — ржи (52 снопа), и этот позор лег на всю семью. Мои хозяева не посоветовали мне брать Настю в жены: во-первых, у нее нет приданого, а главное — порода воровская» [5, с. 122]. По описанию этого сюжета из жизни крестьянина мы видим, что нравственная сторона заключения брака была еще очень сильна. Для новых родственников очень важно было, из какой семьи в их семью приходит новобрачная. Не только с точки зрения ее зажиточности, напрямую влиявшей на размер приданого, но и с точки зрения чистоты «породы». Крайне важной в крестьянской среде была нравственная чистота не только самой невесты, но и ее ближайших родственников.

О важности правильной «природы» предполагаемой родни писала в своих воспоминаниях и крестьянка Евдокия Макарова: «Только начались святки, и в первый же вечер приехали

сватать... Парня я не знала. А гостила я в ихней родне, и бабушка знала их природу. А ведь в деревне, бывало, всю родню переберут, кто и какой и как живут, природу разбирали» [10, с. 52].

Описания семейных конфликтов в воспоминаниях крестьян о своей жизни в первой трети XX века можно встретить очень редко. Евдокия Макарова отмечает в своих воспоминаниях: «Жили дружно, выноса из дома не было» [10, с. 57]. Вот и крестьянин Д.Е. Моргачев радуется только лишь скудным упоминанием своего «недоразумения» с женой: «...недоразумения у нас с ней стали возникать уже скоро из-за ее приданого. Дело было в том, что нас было два брата, и хозяйство было общее, а я затрачивал в хозяйство и ее деньги, которые она принесла, и она стала говорить: почему израсходовал и мои деньги в общий дом?» [5, с. 123]. Этими словами он описание конфликта заканчивает. Мол, нечего распространяться перед посторонними и так сами понимаете, как и чем дело завершилось. Спор жены с мужем не приветствовался среди крестьян. В этом мы видим строгую приверженность крестьян традиции — решать семейные конфликты своими силами, без привлечения помощи государства теми патриархальными способами, что складывались столетиями.

В рассмотренных нами эго-документах крестьян мы встречаем несколько случаев обращения в органы власти для решения семейного конфликта. Практически во всех этих случаях речь идет о материальных интересах членов семьи. Первый случай такого обращения собственной матери в суд описан крестьянином Дмитрием Моргачевым. Родственники ее второго мужа отняли у нее шесть десятин земли, ранее данные в приданое. Потому мать Моргачева начала судиться с ними. Исход этого судебного разбирательства для нее был положительным, но необходимо отметить три важных обстоятельства, указанных Дмитрием. Первое — «Суд тянулся год или два, ездить приходилось несколько раз в Елец за 60–65 верст» [5, с. 119]. Второе — суд длился так долго, что «мать простыла и заболела чахоткой, болела недолго и померла» [5, с. 119]. И третье — «земли она все-таки высудила семь десятин, хотя она и была далеко, верст за 35 от дома» [5, с. 119]. Таким образом мы видим, что крестьяне начинают обращаться в органы власти для решения семейных конфликтов материального характера, но это происходит в самом начале XX века, сам процесс тянется долго, а его исход хоть и положителен, но крайне неудобен для истца.

Обращение в органы власти с целью раздела семейного имущества описывает в своих дневниках и пежемский крестьянин Иван Глов. 2 апреля 1916 года он с братом Афанасием подписал договор о разделе в волостном правлении. Иван свободно рассуждает о том, что этот раздел мог состояться и в суде, но он отказывается это делать по двум причинам. Первая — из-за чуждого отношения родственников: «Судом раздел вести я не желал из своего самолюбия, не желал омрачать память моего дорогого папаши» [9, с. 47]. И ниже поясняет: «Но имела и другая причина: раздел судом должен все-таки производится честно, без утайки, все нужно писать, что имеется, хотя у нас и большое хозяйство, но раз мы клали на 5 паев, то трудно ожидать, чтобы я мог получить более полный пай. Если брать к этому во внимание свое имущество и наличные деньги, но я и то очень благодарен Господу Богу, что я все-таки урвал время поехать и поделиться. Господь благословит. К этому, что досталось, пристрою и устрою и буду понемножечку с Божьей помощью жить, а главное — в такую тяжелую годину в городе прожить почти невозможно, дорого, но и за деньги нет, а детям в деревне хорошо в особенности: коровоньки, молочка вволю» [9, с. 48].

Крестьянин Д.Е. Моргачев описывает в своих воспоминаниях еще два случая обращения к органам власти для решения семейных конфликтов. Первый из них касался решения вопроса о смене опекуна для него и его братьев после смерти матери. Отчим их не работал, начал пить. Для решения этой конфликтной ситуации в семье Моргачев как старший из братьев обратился к волостному старшине. Тот вызвал родственников по матери, которые, посоветовавшись, дали согласие взять братьев Моргачевых к себе. Также был со-

бран сельский сход, который «постановил немедленно нашему неродному отцу выбраться из нашего дома со всей своей семьей; весь наш скот продать, а деньги вырученные отдать в сиротскую сберегательную кассу, до нашего совершеннолетия; весь инвентарь прибрать в кирпичную кладовую по списку и также хранить» [5, с. 119]. На этом же сходе был выбран новый опекун — глубоко верующий, православный сосед.

Второй случай, подтверждающий редкий факт обращения крестьян для решения семейного конфликта в органы власти и описанный также Моргачевым произошел в мае 1910 года. Дмитрий Моргачев тогда нашел невесту, но сам в тот момент не достиг еще брачного возраста. За разрешением заключить брак в возрасте семнадцати лет он обратился в церковь, подав соответствующее прошение архиерею.

Все три случая обращения к органам власти, описанные Дмитрием Моргачевым, и случай из жизни Ивана Глотова, произошли в дореволюционное время. Начиная с 1917 года мы обнаруживаем провал во взаимодействии крестьян с органами власти для решения семейных конфликтов. Положительные характеристики власти в оказании помощи по решению семейных конфликтов мы начинаем встречать лишь в воспоминаниях крестьян о событиях конца 1920-х годов. Так крестьянка Евдокия Константиновна Макарова в 1927 году с благодарностью описывает помощь председателя сельсовета в написании письма самому Ворошилову с просьбой отпустить ее мужа с военной службы для восстановления хозяйства после пожара [10, с. 59]. Таким образом, процесс построения системы советской власти отразился и на жизни крестьянской семьи. В это время крестьяне предпочитают в большинстве описанных в их эго-документах случаев решать семейные конфликты, касающиеся в том числе материальных вопросов, самостоятельно, не обращаясь к органам новой, незнакомой им власти.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Изучение эго-документов крестьян первой трети XX века позволило нам выявить признаки усилившегося в данное время явления правового нигилизма. Основная масса крестьян настолько обеспокоена происходящим в стране, что пытается дистанцироваться от нее любыми способами. Решение семейных конфликтов становится глубоко личной сферой жизнедеятельности русского крестьянина. В семье он находит спасение от нарастающих вмешательств власти в личную жизнь. Мы встречаем лишь единичные случаи обращения крестьян в органы власти для решения семейных вопросов. Эти единичные случаи чаще связаны с решением материальных вопросов — раздела имущества. Кроме того, мы можем отметить, что, с одной стороны, редкое обращение к органам власти за разрешением семейных конфликтов связано и с отсутствием в существующем на тот момент законодательстве норм, регулирующих подобные вопросы. Законодательство подробно регулирует процедуру заключения брака и споры, возникающие в связи с этим, права и обязанности детей и родителей, а также порядок установления опеки и попечительства разных категорий лиц. С другой стороны, мы обнаруживаем редкие прецеденты обращения крестьян к законодательству для решения семейных конфликтов, предположительно ввиду относительно невысокого уровня их грамотности в данный период.

Наряду с обострением политической обстановки в стране, непосредственно влияющей и на бытовую жизнь крестьянина, мы наблюдаем особенно остро встающий вопрос о роли женщины в семье и в решении семейных конфликтов. Авторами изученных нами эго-документов в основном были крестьяне-мужчины, поэтому общее негодование по этому вопросу обнаруживается сразу же. По их мнению, в этом кроется причина всех семейных неурядиц. Такие выводы связаны не только с приверженностью крестьян-толстовцев учению Л.Н. Толстого, в котором роль женщины в семье была подчинена мужчине-главе семьи, подобные мысли мы встречаем и в воспоминаниях других крестьян.

Ограничения проведенного исследования заключаются в сужении его источниковой базы, представленной только эго-документами крестьян. Нормативные акты, регулирую-

ющие семейные правоотношения в первой трети, интересуют нас только в том случае, если к ним обращаются представители крестьянского сословия для решения семейных конфликтов. Таких случаев мы не встречаем. Связующим звеном между нормативными актами и крестьянами выступали органы власти, церковь, к которым они обращались для решения конфликтных ситуаций, преимущественно возникающих из-за раздела семейного имущества.

Результаты исследования проблемы выбора альтернативных законодательных способов решения семейных конфликтов крестьянами в первой трети XX века открывают широкие перспективы для ее последующего изучения. Источниками для выделения способов решения семейных конфликтов могут стать эго-документы разных сословий общества Российской империи и классов нового общества Советской России. Исследователям предстоит здесь провести филигранную работу по выявлению причастности определенного человека к определенному сословию или классу, так как она будет по-разному обозначаться в разное время. Крестьянин не всю свою жизнь оставался крестьянином, он мог на некоторое время переселиться в город и трудиться в роли рабочего. Потомственный дворянин для того, чтобы выжить в сложное время первой трети XX века, оставлял государственную службу и занимался частной предпринимательской деятельностью. Осторожность в обращении для решения семейных конфликтов в органы власти является общей тенденцией, характерной для всего российского общества исследуемого периода. Поэтому вопрос о способах, избираемых для решения семейных конфликтов представителями разных сословий и классов, может получить многогранный ответ, который позволит глубже исследовать развитие явления правового нигилизма в повседневной жизни в первой трети XX века.

Кроме того, открываются широкие перспективы для изучения выбора способов решения семейных конфликтов представителями разных сословий и классов с точки зрения гендерного подхода. Ведь в это время происходят кардинальные изменения в осмыслении роли женщины в семье и обществе не только самими представительницами слабого пола, но и наблюдающими за этим процессом мужчинами.

ВЫВОДЫ. По сравнению с аналогичным периодом XIX века, в первой трети XX века мы уже не увидим четкой приверженности крестьян к выбору альтернативных законодательных способов решения семейных конфликтов. Даже на уровне повествования в своих эго-документах они стараются не посвящать в семейные проблемы посторонних лиц. Не только из-за беспокойной и непонятной политической обстановки вокруг, но и из-за крепкой веры в традиционные патриархальные устои крестьянской семьи. Большое недоумение крестьян вызывают неизбежные изменения в жизни их семей, вызванные изменением роли женщины, которая позже станет активным участником общественной жизни нового советского государства. Последствия революционных потрясений, Первой мировой войны нередко ставили женщину во главе семьи, тем самым заставляя играть совершенно не свойственную ей роль. Отметим, что способы решения семейных конфликтов, выделенные нами в процессе изучения воспоминаний, дневников и писем крестьян Российской империи в первой трети XIX века [4, с. 28], кардинально отличаются от тех, что мы можем выделить в эго-документах крестьян первой трети XX века. В начале XX века в воспоминаниях крестьян мы встречаем указания на такие способы решения семейных конфликтов, как женитьба, или замужество, совершаемые открытым путем, не прибегая к тайному венчанию, и упоминаемые случаи рукоприкладства мужчины по отношению к женщине.

Замужество, а точнее сам выход девушки из семьи родителей и создание новой семьи, в качестве способа решения семейного конфликта указывается именно в эго-документах, авторами которых были женщины. Выходя замуж, крестьянка переставала быть и участницей семейного конфликта, что фактически означало его решение. В мужских эго-документах аналогично женитьба приводила к решению семейного конфликта, но не путем выхода

крестьянина из родительской семьи, а наоборот ее пополнения, т.к. вхождение невестки в новую семью означало и решение многих хозяйственных вопросов.

Несомненным достоинством выбора крестьянами данных способов для решения семейных конфликтов является завершённый процесс сепарации от дворян-помещиков, к помощи которых они непременно прибегали для решения подобных вопросов в XIX веке. Архаичский след в виде рукоприкладства мужа по отношению к жене остается неотъемлемым элементом жизни крестьянской семьи, но вызывает все большие угрызения совести у главы семейства. Особенно часто мы встречаем переживания по этому поводу в эго-документах крестьян-толстовцев.

Случаи обращения конфликтов в органы власти для решения семейных также описываются крестьянами. Круг вопросов, с которыми обращаются крестьяне, совпадает с противоречиями в регламентировании общей семейной собственности, семейных разделов и опеки официальным законодательством и обычным правом, отмеченными ранее другими исследователями [13, с. 198], не обращавшимися к изучению эго-документов данной категории населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безгин В.Б. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи: монография. М.: Ломоносовъ, 2017. 248 с.
2. Бобрышов С.В., Ивакина В.В. Конфликты в сфере семейных отношений: социально-психологический аспект: учебное пособие. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2017. 194 с.
3. Боева О.А. Крестьянская семья Воронежской губернии в конце XIX — первой трети XX вв. Автореф. ... к.и.н. 07.02.00. Воронеж, 2012. 24 с. 6
4. Вольф С.П. Правовой нигилизм в решении семейных конфликтов дворянами и крестьянами в Российской империи первой трети XIX века // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 3. С. 22–30.
5. Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910–1930-е гг. / сост. А.Б. Рогинский. М.: Книга, 1989. 477 с.
6. Ерохин В.Н. Эго-документы в современной исторической науке // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы VI международной научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 13–15 февраля 2017 года) / отв. ред. А.В. Коричко. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. С. 573–576.
7. Замараев А.А. Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева, 1906–1922 годы // Тотма: краевед. альм. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 251–517. 10
8. Карабанов А.А. Обзор конфликтогенных тенденций в жизни русской крестьянской общины в конце XIX — начале XX в. (на материалах Олонецкой губернии) // История повседневности. 2019. № 1 (9). С. 91–106.
9. На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915–1931 годы. М.: Типография РАН, 1997. 324 с.
10. На сердце пали все печали: Судьбы крестьян в XX веке. Воспоминания / ред.-сост. А. Щербаков. М.: Изд-во «Агей Томеш», 2019. 434 с.
11. Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. Свод законов гражданских / под ред и с примеч. И.Д. Мордухай-Болтовского; сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. 385 с.
12. Слепцова И.С. «Коллективная биография» сельского социума (по материалам дневников ярославского крестьянина П.В. Бугрова) // Русский север. Вып. 1. Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию К.В. Чистова: сб. науч. ст. / ред.—сост. Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 79–96.
13. Соснина М.А. Обычно-правовые основы крестьянской семьи: влияние закона и обычая на решения волостных судов в брачно-семейных делах (на материалах Архангельской губернии второй

- половины XIX — начала XX) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 1. С. 195–218.
- Спичак А.В. Причины разводов крестьянок в конце XIX — начале XX в. (на материалах Тобольской епархии) // Женщина в российском обществе. 2017. № 4 (85). С. 88–103.
14. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 2. И-О. 3-е изд., испр. и доп. СПб.— М.: Изд-е т-ва М.В. Вольф, 1905. 1017 с.
 15. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 4. С-У. 3-е изд., испр. и доп. СПб.— М.: Изд-е т-ва М.В. Вольф, 1909. 853 с.
 16. David A.J. Macey Stolypin Is Risen! The Ideology of Agrarian Reform in Contemporary Russia // The «Farmer Threat»: The Political Economy of Agrarian Reform in Post-Soviet Russia / edited by Don Van Atta. New York: 1st Edition, 2020. 246–271 pp.
 17. Leinarte D. The Lithuanian Family in its European Context, 1800–1914: Marriage, Divorce and Flexible Communities. Springer, 2017. 192 p.
 18. Rogowski R. The Interwar Period and the Depression of the 1930s: The Decline and Fall of World Trade // Rogowski R. Commerce and Coalitions: How Trade Affects Domestic Political Alignments. Princeton: Princeton University Press, 2021. 232 p.

REFERENCES

1. Bezgin V.B. *Povsednevnyj mir russkoj krest'janki perioda pozdnej imperii* [The everyday World of a Russian peasant Woman of the Late Empire period]. Monografija. M.: Publ. Lomonosov, 2017. 248 s. (In Russian).
2. Bobryshov S.V., Ivakina V.V. *Konflikty v sfere semejnyh otnoshenij: social'no-psihologicheskij aspekt* [Conflicts in the Sphere of family Relations: socio-psychological Aspect]. Stavropol': Publ. SGPI, 2017. 194 s. (In Russian).
3. Boeva O.A. *Krest'janskaja sem'ja Voronezhskoj gubernii v konce XIX — pervoj treti XX vv.* [Peasant Family of the Voronezh Province at the End of the XIX — first Third of the XX centuries]. Avtoref. ... k.i.n. 07.02.00. Voronezh, 2012. 24 s. (In Russian).
4. Vol'f S.P. *Pravovoj nigilizm v reshenii semejnyh konfliktov dvorjanami i krest'janami v Rossijskoj imperii pervoj treti XIX veka* [Legal Nihilism in Resolving Family Conflicts of Nobles and Peasants of Russian Empire in the first third of XIX century] // Omskij nauchnyj vestnik. Serija Obshhestvo. Istorija. Sovremennost'. 2021. T. 6. № 3. S. 22–30. (In Russian).
5. *Vospominanija krest'jan-tolstovcev. 1910–1930-e gg.* [Memoirs of Tolstoy Peasants. The 1910s and 1930s] / sost. A.B. Roginskij. M.: Publ. Kniga, 1989. 477 s. (In Russian).
6. Erohin V.N. *Jego-dokumenty v sovremennoj istoricheskoj nauke* [Ego-documents in modern historical Science] // Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy [Culture, Science and Education: Problems and Prospects]. Nizhnevartovsk, Publ. Nizhnevart. gos. un-ta, 2017. S. 573–576. (In Russian).
7. Zamaraev A.A. *Dnevnik totemskogo krest'janina A.A. Zamaraeva, 1906–1922 gody* [Diary of a Totem Peasant A.A. Zamaraev, 1906–1922] // Tot'ma: kraeved. al'm. Vologda, 1997. Vyp. 2. S. 251–517. (In Russian).
8. Karabanov A.A. *Obzor konfliktogennyh tendencij v zhizni russkoj krest'janskoj obshhiny v konce XIX — nachale XX vv. (na materialah Oloneckoj gubernii)* [Review of conflict — causing Trends in the Life of the Russian peasant Community in the late XIX — early XX century (based on the Materials of the Olonets Province)]. Istorija povsednevnosti. 2019. № 1 (9). S. 91–106. (In Russian).
9. *Na razlome zhizni. Dnevnik Ivana Glotova, pezhemskogo krest'janina Vel'skogo rajona Arhangel'skoj oblasti. 1915–1931 gody* [At the Break of Life. The Diary of Ivan Glotov, a Pezhem Peasant of the Velsky District of the Arkhangelsk Region. 1915–1931]. M.: Publ. Tipografija RAN, 1997. 324 s. (In Russian).
10. *Na serdce pali vse pechali: Sud'by krest'jan v XX veke. Vospominanija* [All Sorrows have fallen on the Heart: The Fate of Peasants in the XX century. Memories] / red.-sost. A. Shherbakov. M.: Publ. «Agej Tomesh», 2019. 434 s. (In Russian).
11. *Svod zakonov Rossijskoj imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. T.X. Ch. 1. Svod zakonov grazhdanskih / pod red i s primech. I.D. Morduhaj-Boltovskogo; sost. N.P. Balkanov, S.S. Vojt,

- V.Je. Gercenberg. St.-Peterburg, Publ. Russkoe knizhnoe tovarishhestvo «Dejatel'», 1912. 385 s. (In Russian).
12. Slepčova I.S. «*Kollektivnaja biografija sel'skogo sociuma (po materialam dnevnikov jaroslavskogo krest'janina P.V. Bugrova)*» [«Collective Biography» of the rural Society (based on the materials of the diaries of the Yaroslavl peasant P.V. Bugrov)] // *Russkij sever* [Russian North]. Vyp. 1. Identichnosti, pamjat', biograficheskij tekst. K 95-letiju K.V. Chistova: sb. nauch. st. / red. — sost. T.B. Shhepanskaja. St.-Peterburg: Publ. MAJe RAN, 2017. S. 79–96. (In Russian).
 13. Sosnina M.A. *Obychno-pravovye osnovy krest'janskoj sem'i: vlijanie zakona i obyčaja na reshenija volostnyh sudov v brachno-semejnyh delah (na materialah Arhangel'skoj gubernii vtoroj poloviny XIX — nachala XX)* [The customary legal Foundations of the peasant Family: the Influence of Law and Custom on the Decisions of the volost Courts in marriage and family Affairs (based on the Materials of the Arkhangelsk Province of the second half of the XIX — early XX)] // *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs*. 2017. № 1. S. 195–218. (In Russian).
 14. Spichak A.V. *Prichiny razvodov krest'janok v konce XIX — nachale XX v. (na materialah Tobol'skoj eparhii)* [The Reasons for the Divorces of peasant Women in the late XIX — early XX century (based on the Materials of the Tobolsk Diocese)] // *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*. 2017. № 4 (85). S. 88–103 (In Russian).
 15. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka Vladimira Dalja* [Explanatory Dictionary of the living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. T. 2. I-O. 3-e izd., ispr. i dop. St.Peterburg — M.: Izd-e t-va M.V. Vol'f, 1905. 1017 s. (In Russian).
 16. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka Vladimira Dalja* [Explanatory Dictionary of the living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. T. 4. S-V. 3-e izd., ispr. i dop. St.Peterburg — M.: Publ. t-va M.V. Vol'f, 1909. 853 s. (In Russian).
 17. David A.J. Macey Stolypin Is Risen! The Ideology of Agrarian Reform in Contemporary Russia // *The «Farmer Threat»: The Political Economy of Agrarian Reform in Post-Soviet Russia* / edited by Don Van Atta. New York, 1st Edition, 2020. 246–271 pp. (In English).
 18. Leinarte D. *The Lithuanian Family in its European Context, 1800–1914: Marriage, Divorce and Flexible Communities*. Springer, 2017. 192 p. (in English).
 19. Rogowski R. *The Interwar Period and the Depression of the 1930s: The Decline and Fall of World Trade* // Rogowski R. *Commerce and Coalitions: How Trade Affects Domestic Political Alignments*. Princeton, Publ. Princeton University Press, 2021. 232 p. (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.002

УДК 94(571.17)"19":338.21

ББК 63.3(2Рос-4Кем)6-2

Н.М. МОРОЗОВ

**ПРОБЛЕМА ПЛАНИРОВАНИЯ
УГЛЕДОБЫЧИ В КУЗБАССЕ
В ГОДЫ I ПЯТИЛЕТКИ¹**

N.M. MOROZOV

**THE PROBLEM OF COAL MINING
PLANNING IN KUZBASS IN THE YEARS
OF THE FIRST FIVE-YEAR PLAN**

В статье рассматривается проблема планирования добычи угля в Кузбассе в период первой пятилетки (1928–1932). В отечественной историографии широко освещены основные тенденции становления Второй угольно-металлургической базы на востоке страны в 1928–1937 гг., включая строительство шахт, их механизацию, формирование шахтёрских кадров и повышение их квалификации. Вместе с тем, в работах историков отсутствует анализ трудностей, с которыми столкнулось руководство отрасли и хозяйственники на местах в ходе пятилетней кампании по планированию угледобычи. Ставится цель изучить указанную проблему с помощью анализа архивных документов. В результате проведённого исследования автор приходит к выводу о том, что в течение пятилетки планирование угледобычи в Кузбассе представляло собой непрерывный и напряжённый процесс, результатом которого был свод периодически меняющихся в сторону значительного повышения контрольных цифр. Вместе с тем, среди специалистов ещё наблюдалась инерция в деле перехода к плановому хозяйствованию, обусловленная проявлениями в производственных отношениях элементов охлократии и её последствий, влияния партийно-профсоюзного актива на управленческие решения.

The article considers the problem of planning coal mining in Kuzbass during the first five-year plan (1928–1932). The main trends in the formation of the Second Coal and Metallurgical Base in the east of the country in 1928–1937, including the construction of mines, their mechanization, the formation of mining personnel and the development of their qualifications, are widely covered in domestic history. However, the work of historians lacked an analysis of the difficulties faced by industry management and local managers during the five-year coal planning campaign. The aim is to investigate the problem by analyzing archived documents. As a result of the study, the author comes to conclusion that during the five-year period the planning of coal mining in Kuzbass was a continuous and tense process, the result of which was a set of periodically changing in the direction of significant increase in control figures. At the same time, there was still inertia among specialists in the transition to planned management, due to the manifestations in production relations of elements of ochlocracy and its consequences, the influence of a trade union front line on managerial decisions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кузнецкий округ, Кузбасс, шахта, добыча угля, планирование.

KEY WORDS: Kuznetsk district, Kuzbass, mining, coal mining, planning.

ВВЕДЕНИЕ. Проблема планирования заслуживает пристального внимания в связи с наличием в современном обществе запроса на качество управления во всех сферах его

¹ Статья написана в рамках реализации научного проекта «Кузбасс в составе Российского государства: социально-экономическое и общественно-политическое развитие региона в XVII - XX вв.» (AAAA-A21-121011590011-2).

жизнедеятельности. После господства в России 1990-х годов слабоуправляемой рыночной стихии, на всех уровнях властных и хозяйственных структур ощутимыми темпами идёт возврат к составлению прогнозов экономической и иной деятельности, определению среднесрочных и долгосрочных перспектив и стратегий развития. Изучение исторического опыта планирования добычи, переработки угля и других полезных ископаемых важно для понимания и оценки практики эксплуатации природных богатств страны, использования апробированных временем методов повышения эффективности руководства фундаментальными отраслями её экономики. Он актуален в настоящее время, насыщенное реализацией различных подходов внедрения современных технологий в угледобыче, создания для работников шахт и разрезов безопасных условий труда.

ЦЕЛЬ. Рассмотреть трудности, которые возникали в процессе планирования добычи угля в Кузбассе в период первой пятилетки (1928–1932).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В ходе проведённого исследования использован функциональный анализ документов, хранящихся в Государственном архиве Кузбасса, в которых отражены различные аспекты планирования угледобычи в регионе в рассматриваемый период.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Вопросы планирования угольной отрасли Кузбасса в годы первой пятилетки нашли отражение в работах отечественных исследователей. В обобщающих трудах, написанных коллективами авторов и отдельными исследователями, были раскрыты особенности её развития, показана финансовая и организационная поддержка отрасли со стороны государства, проанализированы источники пополнения и пути повышения квалификации шахтёрских кадров [6, 7, 8, 15].

В историографическом обзоре, посвящённом анализу работ А.В. Волченко, З.Г. Карпенко, Е.Д. Козочкиной, Д.М. Родионова, В.М. Савостенко, Г.Г. Халиулина и Н.П. Шуранова, касающихся отдельных сторон функционирования угольной промышленности Кузбасса в годы индустриализации, М.Г. Леухова отметила недостаточное внимание авторов к проблеме планирования и механизму централизованно-директивного влияния на развитие бассейна [12, с. 18–22]. Поставив перед собой задачу изучить этот аспект истории, она сосредоточилась на раскрытии основных тенденциях становления Второй угольно-металлургической базы на востоке страны в 1928–1937 гг. Ею показана роль центральных органов в определении валовых показателей угледобычи.

Вместе с тем, в работах историков отсутствует анализ трудностей, с которыми столкнулось руководство отрасли и хозяйственники на местах в ходе пятилетней кампании по планированию угледобычи. В данной статье предполагается восполнить этот пробел.

В годы первой пятилетки планирование угледобычи в Кузбассе представляло собой непрерывный и напряжённый процесс, обусловленный возрастающей ролью региона в народном хозяйстве СССР. На состояние его эффективности существенное влияние оказывали неоднократные изменения в структуре управления отраслью, уровень компетентности специалистов и имевшихся у них возможностей мобилизации шахтёрских коллективов на выполнение промфинплана.

В сентябре 1927 г. на базе предприятий Автономной индустриальной колонии (АИК) «Кузбасс» был создан трест — Государственное объединение каменноугольной, металлургической и химической промышленности «Кузбассуголь» (г. Новосибирск). Внутри новой структуры сразу обнаружились существенные недостатки, характерные для периода становления плановой советской экономики, связанные с отсутствием на практике строгого разграничения функций между различными управленческими звеньями в системе трест-комбинат-рудоуправление-шахта-цех/отдел. В результате, размывалась ответственность должностных лиц, в условиях неопределённости переключающихся на более безопасное (в бюрократической системе координат) формальное выполнение своих обязанностей.

Производственные программы ещё слабо увязывались с финансовыми сметами. Часто допускались ошибки в планировании материальных запасов, которые приводили к их дефициту или хранению мёртвым грузом на складах, и в конечном итоге, удорожанию готовой продукции, рассогласованию сроков ведения капитальных работ на предприятиях-смежниках и т.д.

В целях преодоления управленческой неразберихи бюро Кузнецкого окружкома ВКП(б) в апреле 1928 г. обязало руководителя Кемеровского угольного комбината И.Н. Котина в месячный срок разработать и довести до представителей горного надзора всех шахт права и обязанности комбината во взаимоотношениях с ними по всем вопросам производственной деятельности. Аналогичное разграничение функций следовало провести между администрацией предприятий и руководством его низовых звеньев [2, л. 95–96].

Существование двух трестов — «Кузбассугля» и «Кузбасстреста» (последний объединял шахты Анжеро-Судженска и Ленинска, прежде не входившие в АИК) в регионе затрудняло планирование и управление отраслью в целом. Постановлением ВСНХ СССР от 29 июля 1928 г. оба треста были объединены в Государственный трест каменноугольной промышленности Сибири («Сибуголь»), который начал функционировать с 1 октября того же года [15, с. 123].

Несмотря на реорганизацию системы управления, на шахтах острота возникшей в прежние годы проблемы восстановления единоначалия и на его основе — укрепления плановой, производственной и трудовой дисциплины, не снижалась. Её искажённые проявления рабочие видели в боязни руководителей брать на себя ответственность за те или иные решения без санкции парткома и профсоюзной организации, в зажиме критики, и, наоборот, в стремлении (особенно выдвиженцев из рабочей среды) при любых обстоятельствах не портить отношения с товарищами, в неисполнении распоряжений. Ещё часто шахтёры выражали недоверие к специалистам как классово чуждым элементам, культивируя тем самым спешество. Недовольство людей вызывали случаи выдвижения на ответственные посты лиц по протекции или за оказание мелких услуг [11].

В стране проблема низкой исполнительской дисциплины оказалась настолько животрепещущей, что ЦК ВКП(б) был вынужден принять Постановление от 5 сентября 1929 г. «О мерах по упорядочению управления производством и установления единоначалия». «В организации управления производством, — отмечалось в документе, — необходимо исходить из того, что администрация (директор) непосредственно отвечает за выполнение промфинплана и всех производственных заданий» [9, с. 558].

В ноябре этот документ обсуждался на собраниях во всех шахтёрских коллективах Кузбасса. Некоторые члены ВКП(б) были настроены критично и предупреждали о неизбежном ослаблении контроля действий начальников. Высказывались опасения по поводу развития кумовства, сватовства при приёме на работу. Для реализации установок, изложенных в Постановлении, в рудоуправлениях и на шахтах были введены должности помощника директора. Новоиспечённым назначенцам следовало начинать работу над устранением различного рода недочётов по планированию и использованию различного рода ресурсов [4, л. 12, 16]. Однако, в условиях дефицита квалифицированных управленцев и действенного внешнего контроля, администрация всех уровней ещё не была готова к решительному преодолению инерции следовать формально-бюрократическим привычкам, снижая тем самым эффект перехода к плановому хозяйствованию.

Угольные бассейны, расположенные восточнее Волги, согласно Постановлению СТО СССР от 28 июля 1930 г., были переподчинены Государственному союзному объединению каменноугольной промышленности Восточной Сибири — «Востокуголь» (г. Новосибирск). В период с марта 1931 г. по декабрь 1932 г. все предприятия «Сибугля» перешли в состав «Востокугля». Таким образом, была обновлена многозвенная система управления и планирования отраслью: Народный комиссариат тяжёлой промышленности (Наркомтяжпром)

→ «Главуголь» (Москва) → «Востокуголь» → рудуправление → шахта. На каждой шахте существовало до 20–25 отделов, подотделов, секторов, имевших своих представителей в забоях, нередко вносивших путаницу в организацию горных работ. При этом, мобилизационные возможности, а также функции контроля и корректировки управленческой инициативы сохраняли партийная и профсоюзная организации. В этих условиях заведующий шахтой, главный инженер, начальники участков, десятники и бригадиры ещё не стали центральными фигурами, организующими трудовые коллективы на выполнение промфинплана.

Таким образом, в течение пятилетки структура управления угледобычей и связанная с ней система планирования стремились к оптимальному для своего времени состоянию. Вместе с тем, среди специалистов ещё наблюдалась инерция в деле перехода к плановому хозяйствованию, обусловленная проявлениями в производственных отношениях элементов охлократии (формы управления, основанной на меняющихся прихотях толпы, постоянно попадающей под влияние демагогов), влияния партийно-профсоюзного актива на управленческие решения.

План первой пятилетки и контрольные цифры по Урало-Кузнецкому проекту, как известно, в кабинетах Госплана и угольных трестов просчитывались в течение всего 1928 года, когда она фактически уже началась, и затем неоднократно корректировались. На заседании бюро Кузнецкого окружного комитета ВКП(б), проходившем 21 февраля 1928 г., вопрос о разработке пятилетнего плана отдельно Кузнецкого округа, включая развитие культурно-просветительной сети, здравоохранения, коммунального и жилищного строительства, был поставлен впервые и лишь четырнадцатым пунктом из пятнадцати в повестке [1, л. 104].

В течение следующих двух месяцев плановая комиссия Кузнецкого окрисполкома, недоукомплектованная специалистами, пыталась определить на предстоящие пять лет перечень перспективных мероприятий. На заседании бюро Кузнецкого окружкома ВКП(б), прошедшем 24 апреля, заместитель председателя окрисполкома Елизаренко Ф.Н. подвёл неутешительные первые итоги её деятельности. Не обладая полной информацией о программах Госплана по развитию в регионе предприятий горной, химической промышленности и других отраслей союзного значения, работа по определению перспектив остальной части хозяйства округа, включая местную топливную промышленность, оказалась малосодержательной [2, л. 87]. Некоторые окружные учреждения, не располагавшие полноценными статистическими сведениями по своему ведомству за прошлые годы, недостаточно уяснив значение плановости в хозяйстве, «с большой неохотой и невнимательностью» отнеслись к составлению своих производственных программ. Бюро утвердило предварительные показатели пятилетки по сельскому и лесному хозяйствам, здравоохранению, дорожным работам, окончательно подготовленные к декабрю 1928 г., с пожеланиями об отнесении строительства школ и больниц в районах возведения новых промышленных предприятий за счёт этих новостроек.

В стране первый вариант контрольных цифр развития народного хозяйства был готов лишь к началу 1929 г. Фактически, планировалась уже четырёхлетка. В первоначальном варианте прирост добычи твёрдого топлива в СССР предусматривался почти в 2 раза: по отправному варианту на 175–192%, по оптимальному — на 193,7–211,8% [13, с. 33–34]. Уровень добычи в Кузбассе Госпланом был определён в объёме 5,2 млн тн, и по оптимальному варианту — 6 млн тн. Темпы роста (200–230%) оказались выше общесоюзных (175–211%) [12, с. 44–45].

Как известно, в течение 1929 года крайне обострились отношения СССР с капиталистическими странами, а в октябре начались боевые действия на Китайско-Восточной железной дороге. В сложившейся обстановке Политбюро ЦК ВКП(б) 15 июля 1929 г. приняло Постановление «О состоянии обороны СССР», на основании которого начался пересмотр пятилетних планов по всем важным отраслям с целью увеличения объёмов продукции тяжёлой промышленности. Высшее партийное руководство перестали устраивать прежние контрольные показатели по добыче угля.

В декабре 1929 г. на съезде ударников, проходившем в Москве, был выдвинут лозунг «Пятилетку в четыре года!». Обосновывая этот призыв, И.В. Сталин заявил: «Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это. Либо нас сомнут» [14, с. 38]. Это означало, что советскому народу предстояло совершить гигантский экономический рывок. По настоянию вождя партии уже в конце 1929 года объём угледобычи в Кузбассе на конец пятилетки был определён на уровне 8,2 млн тн, а в 1930 году этот показатель был доведён уже до 10,5 млн тн [15, с. 53–54].

Службы планирования объединений «Главуголь» (г. Москва), «Востокуголь» (г. Новосибирск) и местных комбинатов работали в напряжённом режиме, едва успевая просчитывать новые варианты лимитов необходимых ресурсов, которых не хватало для достижения прежде установленных контрольных цифр. Сложившаяся лихорадочная обстановка порождала перебои с финансированием и материально-техническим снабжением, частую смену титульных списков объектов строительства и нередкие просчёты в определении мест закладки новых шахт с неизбежными финансовыми и другими потерями, к срыву сроков их возведения. В течение I пятилетки в Кузбассе шахт, включая маломощные (до 300 тыс. тн угля в год) с короткими (до 2 лет) сроками строительства, было заложено значительно больше, чем предполагалось в 1929 году. Их суммарная проектная мощность превышала первоначально запланированные объёмы добычи в 18 раз [5, л. 201–204].

К таким форсированным темпам индустриализации регион не был готов.

Они существенно превосходили аналогичные показатели по Донецкому бассейну, на развитие которого первоначально предусматривалось $\frac{3}{4}$ всех пятилетних ассигнований по отрасли в целом, в то время, как Кузбассу выделялось лишь 70–75 млн руб. или 6,4%. При этом, проблем в реализации намеченного здесь было несравненно больше, чем в Украине. Среди них: недостаточная геологическая изученность угольных полей, отсутствие необходимых объёмов мощностей электроэнергии, слабая техническая база шахтного строительства и хроническое отставание в его проектировании.

Для обеспечения строек проектной документацией в 1929 г. в Новосибирске открывается проектное бюро, реорганизованное в 1930 г. в самостоятельную проектную организацию «Сибугля». В Томске организован филиал Харьковского института «Гипрошахт». Среди проектировщиков большинство составляли молодые инженеры со стажем от года до трёх лет. Многие из них ещё не бывали в Донбассе и в качестве примера не были знакомы с его некоторыми уже модернизированными шахтами. Всё это приводило к большому сроку изготовления проектов — до трёх лет, поэтому на объекты документация вместе с генеральными сметами поступала с большим опозданием, когда они уже возводились. Как следствие, начинались переделки уже готовых элементов конструкций. Вначале проектировщиками разрабатывалось 15 типов шахт, что влекло за собой многотипность требуемого оборудования, задержки его поставок и ввода в эксплуатацию. Только в 1932 г. встал вопрос о строительстве унифицированного варианта типовой шахты. К комплексному проектированию угледобычи в Кузбассе они приступили только к концу первой пятилетки.

Освоение выделенных средств осуществлялось в условиях острого дефицита квалифицированных работников строительных специальностей. Широкое использование завербованных крестьян, часть из которых являлась сезонными отходниками, а также спецконтингента в лице осуждённых, сказывалось на качестве работ. На возведение крупной шахты мощностью 1–1,5 млн тн в год устанавливались неоправданно короткие сроки — в течение 1,5–2,5 лет, хотя для этого требовалось не менее 3,5–4 лет, в которые строители, в основном, и укладывались.

Титульные списки объектов капитального строительства в Кузбассе только в 1928–1929 гг. менялись 13 раз, а план угледобычи — 6 раз. Результаты уже первого года пятилетки по-

казали недостаточное внимание к региону со стороны ВСНХ и Госплана, отсутствие у них чёткого понимания сути планомерного развития всех угольных районов бассейна, мирившихся с распылением капиталовложений по многочисленным второстепенным объектам. Несомненно, руководителям центральных органов, как и специалистам на местах, ещё предстояло познать основы социалистической экономики и овладеть методами комплексного планирования, в том числе сложного шахтного хозяйства Кузбасса.

На отсутствие сбалансированной программы развития угледобычи, а также плана обеспечения строящихся металлургических и химических заводов коксующимися углями, было указано в Постановлении ЦК ВКП(б) от 10 декабря 1930 г. «О положении угольной промышленности в Кузнецком бассейне» [7, с. 127–133, 141–142]. В текущем году первоначально установленное задание по производству кокса было выполнено лишь на 80%, а задание по капитальному строительству отдельными комбинатами исполнено на 50–60%. Недопоставки минерального топлива потребителям создавали угрозу не только их дальнейшему развитию, но также порождали в районах их местонахождения цепную реакцию замедления темпов роста для других отраслей промышленности. Двумя месяцами ранее, Постановлением ЦК ВКП(б) от 26 октября 1930 г. были намечены конкретные меры по изменению обстановки в Кузбассе, в частности, партийным организациям надлежало обеспечить ликвидацию в отставании геологоразведочных работ, перевести шахты на трёхсменный режим работы, улучшить организацию труда и повысить механизацию угледобычи до 40% [10, с. 222–226].

Наконец, в марте 1931 г. план развития угольной промышленности Кузбасса, в очередной раз переработанный специалистами объединения «Востокуголь», был одобрен в ВСНХ. Его строительная программа содержала мероприятия со сроком выполнения до 1935 г. Предусматривалось почти полное обновление шахтного фонда, а также закладка шахт преимущественно средней мощности — 1,25 млн тонн в год, 92% всей добычи возлагалось на новые шахты. В 1932 г. в Кузбассе намечалось добыть уже 13,9 млн тонн, из них 64% отводилось новым предприятиям. В целях повышения уровня механизации забоев к уже имеющимся небольшим механическим заводам в Томске, Анжеро-Судженске и Кемерово намечалось строительство заводов горного машиностроения в Новосибирске, Прокопьевске и Киселёвске [8, с. 14].

Ежегодные изменения строительной программы в угольной отрасли региона в сторону увеличения её объёмов сопровождались увеличением капиталовложений, которые, по итогам первой пятилетки, в Кузбассе исчислялись уже в сумме 322 млн рублей вместо ранее запланированных 77 млн рублей [15, с. 56].

ВЫВОДЫ. Как видим, в течение первой пятилетки планирование угледобычи в Кузбассе представляло собой непрерывный и напряжённый процесс, результатом которого являлся свод периодически меняющихся в сторону значительного повышения контрольных цифр. Вместе с тем, среди специалистов ещё наблюдалась инерция в деле перехода к плановому хозяйствованию, обусловленная проявлениями в производственных отношениях элементов охлократии и её последствий, влияния партийно-профсоюзного актива на управленческие решения. Эта практика, с одной стороны, была неизбежной в условиях форсированной индустриализации, усиления влияния политической конъюнктуры и отсутствия у советских организаций и учреждений опыта комплексного планирования на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу. С другой — она способствовала выявлению слабых мест в деле подготовки и организации угледобычи, уровня готовности шахтёрских коллективов к выполнению промфинплана. Многократный пересмотр Госпланом годовых заданий Кузбассу по углю приводил к частой корректировке в авральном режиме контрольных показателей в сторону ускоренного развития промышленности местных строительных материалов, энергетики, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства и всех отраслей социальной сферы [3, л. 124 об.].

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАК (Государственный архив Кузбасса). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 278.
2. ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 279.
3. ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 365.
4. ГАК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 415.
5. ГАК. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 38.
6. Заболотская К.А. Угольная промышленность Сибири (1890-начало 1990 гг.). Кемерово: Кузбас-вузиздат, 1995. 341 с.
7. История индустриализации Западной Сибири. (1926–1941 гг.) / Глав. ред. канд. ист. наук А.С. Московский. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 392 с.
8. История Кузбасса. Ч. III // ред. А.П. Окладников. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1970. 224 с.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4. 1926–1929. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1984. 575 с.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. 1929–1932. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1984. 446 с.
11. Кузбасс. 1928. № 171 от 25 июля.
12. Леухова М.Г. Становление второй угольной базы на востоке страны. 1928–1937 гг.: Дис. ...канд. ист. наук. Кемерово, 2000. 247 с.
13. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Ч. I. Сводный обзор. Изд. Третье. М.: Изд. «Плановое хозяйство», 1930. 168 с.
14. Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. 414 с.
15. Угольная промышленность Кузбасса, 1721–1996. Кемерово: Кн. изд-во, 1997. 301 с.

REFERENCES

1. GAK (*Gosudarstvennyj arhiv Kuzbassa*) [Kuzbass State Archive]. F. P-8. Op. 1. D. 278. (In Russian, unpublished).
2. GAK. F. P-8. Op. 1. D. 279. (In Russian, unpublished).
3. GAK. F. P-8. Op. 1. D. 365. (In Russian, unpublished).
4. GAK. F. P-8. Op. 1. D. 415. (In Russian, unpublished).
5. GAK. F. R-101. Op. 1. D. 38. (In Russian, unpublished).
6. Zabolotskaya K.A. *Ugol'naya promyshlennost' Sibiri (1890-nachalo 1990 gg.)* [Coal industry of Siberia (1890-early 1990)]. Kemerovo: Kuzbas-svuzizdat, 1995. 341 s. (In Russian).
7. *Istoriya industrializacii Zapadnoj Sibiri. (1926–1941 gg.)* [History of industrialization of Western Siberia. (1926–1941)] / Glav. red. kand. ist. nauk A.S. Moskovskij. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1967. 392 s. (In Russian).
8. *Istoriya Kuzbassa. CH. III* [The history of Kuzbass. PART III] // red. A.P. Okladnikov. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970. 224 s. (In Russian).
9. *KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1986). T. 4. 1926–1929* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). T. 4. 1926–1929.]. 9-e izd., dop. i ispr. M.: Politizdat, 1984. 575 s. (In Russian).
10. *KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1986). T. 5. 1929–1932* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). T. 5. 1929–1932.]. 9-e izd., dop. i ispr. M.: Politizdat, 1984. 446 s. (In Russian).
11. *Kuzbass* [Kuzbass]. 1928. № 171 ot 25 iyulya. (In Russian).
12. Leuhova M.G. *Stanovlenie vtoroj ugol'noj bazy na vostoке strany. 1928–1937 gg.* [The formation of a second coal base in the east of the country. 1928–1937.]: Dis. ...kand. ist. nauk. Kemerovo, 2000. 247 s. (In Russian).

13. *Pyatiletnij plan narodnohozyajstvennogo stroitel'stva SSSR. CH. I. Svodnyj obzor* [Five-year plan of national economic construction of the USSR. Part I. Summary.]. Izd. Tret'e. M.: Izd. «Planovoe hozyajstvo», 1930. 168 s. (In Russian).
14. Stalin I.V. *Sochineniya. T. 13* [Writings. T. 13.]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1951. 414 s. (In Russian).
15. *Ugol'naya promyshlennost' Kuzbassa, 1721–1996* [Coal industry of Kuzbass, 1721–1996]. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1997. 301 s. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.004
УДК 94(571.122)"1940/1960":338.4
ББК 63.3(2Рос-6Хан)63-2

Н.Н. РАШЕВСКАЯ **РОЛЬ ВЕДОМСТВЕННОСТИ
В ФОРМИРОВАНИИ ПОВСЕДНЕВНЫХ
ПРАКТИК РАБОЧИХ
ХАНТЫ-МАНСЬСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ 1940-Х — 1960-Е ГОДЫ**

N.N. RASHEVSKAYA **THE ROLE OF NARROW INSTITUTIONAL
INTERESTS IN THE FORMATION
OF THE DAILY PRACTICES OF THE WORKERS
OF THE KHANTY-MANSIYSK NATIONAL
DISTRICT IN THE SECOND HALF
OF THE 1940–1960 YEARS**

*Результаты исследования были получены в рамках выполнения
гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-10010
«Ведомственность как фактор в истории освоения Российского Севера (1930–1980-е гг.):
регионализм, конфликты интересов, институциональные структуры
и идентификационные стратегии».*

Статья посвящена исследованию влияния ведомственности на повседневные практики рабочих лесной и рыбной промышленности Ханты-Мансийского национального округа во второй половине 1940-х — 1960-е годы. В статье на основе широкого круга источников анализируются повседневные практики, связанные с трудовой деятельностью, пути приспособления рабочих к условиям ведомственного предприятия, каждодневные действия вне трудового времени, но формируемые ведомственностью, а также реакции людей на события производственной и бытовой повседневности. Автор пришел к выводу, что ведомственность как реальность централизованного хозяйства оказывала определяющее влияние на формирование многообразных повседневных практик советских рабочих.

The article is devoted to the study of the influence of departmental structure on the daily practices of workers in the forestry and fishing industry of the Khanty-Mansiysk National Okrug in the second half of the 1940s — 1960s. On the basis of a wide range of sources the article analyzes everyday practices related to labor activity, ways of adapting workers to the conditions of a departmental enterprise, everyday actions outside of working hours, but formed by the departmental, as well as people's reactions to the events of industrial and everyday life. The author came to conclusion that the departmental system as a reality of centralized economy had a decisive influence on the formation of diverse everyday practices of Soviet workers.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ведомственность, повседневные практики, повседневность, рабочие, Ханты-Мансийский округ, лесная промышленность, рыбная промышленность.

KEY WORDS: Narrow institutional interests, everyday practices, everyday life, workers, Khanty-Mansiysk district, forestry industry, fishing industry.

ВВЕДЕНИЕ. Изучение повседневности отдельных социальных групп предполагает широкое исследовательское поле. В историографии не существует единого подхода к определению сущности повседневности. В мировой науке продолжают бесконфликтно сосуществовать два понимания истории повседневности: как прием реализации методики микроисторического анализа и как реконструкция ментального макроконтекста событийной истории [26, С. 10].

Взгляды исследователей на содержание повседневности сходятся в том, что мир повседневности является частью жизненного процесса личности, включающего в себя рутинные, повторяющиеся жизненные явления и связанные с ними условия воспроизводства ее жизнедеятельности [25, С. 14]. В отечественной историографии накоплен значительный пласт работ, освещающих различные аспекты повседневной жизни людей в разные исторические периоды. В своих описаниях исследователи обычно уделяют внимание особенностям быта, организации трудового процесса, условиям труда рабочих, взаимодействиям внутри производственных групп, дисциплине на рабочем месте и т.д. В то же время в историографии отсутствуют специальные исследования, посвященные изучению повседневности с точки зрения ведомственной проблематики. Советский человек являлся неотъемлемой частью трудового коллектива, и это определяло его жизнедеятельность, поэтому ведомственная принадлежность предприятий предопределяла практики повседневности на локальном уровне производственно-экономических отношений в провинциальных населенных пунктах Севера.

ЦЕЛЬ СТАТЬИ — анализ влияния ведомственности на формирование повседневных практик рабочих лесной и рыбной промышленности Ханты-Мансийского национального округа во второй половине 1940-х — 1960-е годы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Источниками для реализации поставленной цели послужили фонды региональных архивов — Государственного архива Югры, Государственного архива социально-политической истории Тюменской области, материалы периодической печати — Сталинская трибуна и Ленинская правда, а также опубликованные воспоминания жителей округа, работавших в рыбной и лесной промышленности.

В основу исследования положены теории повседневных практик А. Людке и М. Серто, на основе которых предпринята попытка реконструировать повседневные практики рабочих с учетом влияния ведомственности как фактора, организовывавшего определенную среду, влияющую на формирование способов восприятия повседневного существования.

В исследованиях А. Людке под «практикой» понимается такое поведение, посредством которого люди осваиваются с условиями своей жизни (выживания) [23, С. 58], по мнению ученого практика, предполагает многообразие и противоречивость феноменов. Для М. Серто «повседневность как поле постоянной борьбы пользователей или потребителей схем, навязанных властью, за превращение этого пространства в свое. Повседневные практики представляют собой использование или потребление той продукции, которая навязывается властью или господствующим порядком. Во время этих практик возникают процедуры повседневной изобретательности» [27, С. 44].

В историографии отсутствует концептуальное понимание понятия «ведомственность», поэтому мы рассматриваем ведомственность как форму идентификации экономических предприятий, проявляющуюся в процессе хозяйственной и социокультурной деятельности посредством формирования и отстаивания собственных социально-экономических интересов и экстенсификации организационного пространства [28, С. 149].

По мнению А. Людке, для реконструкции повседневных практик лучше всего брать конкретные микрообъекты, так как именно в малых социумах естественным образом происходит «пересечение дискурсов власти и подчинения, находят свое конкретное преломление и отражение, господствующие политические, экономические, этнонациональные и иные тенденции» [23, С. 22-23].

В нашем исследовании в качестве малых социумов выбраны крупные предприятия округа в исследуемый период: Самаровский рыбоконсервный комбинат, Сургутский рыбоконсервный завод, Ханты-Мансийский и Сургутский леспромхозы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Послевоенный период стал для округа временем трансформации и больших перемен, связанных с началом преобразования из отсталого края в промышленно развитый регион. Во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х гг. перспективное развитие округа связывалось с освоением лесных и рыбных богатств, а со второй половины 1950-х гг. — нефтяной отрасли.

Рыбный и лесной промыслы являлись традиционными отраслями хозяйства изучаемой территории. Первые рыбозаводы на территории округа начали функционировать с 1930-х годов. В исследуемый период в округе действовало несколько рыбопромышленных предприятий, занимавшихся обработкой рыбы — Березовский, Микояновский, Усть-Иртышский, Сытоминский, Нижне-Вартовский, Нахрачинский рыбозаводы, производством консервов — Самаровский консервный комбинат и Сургутский рыбоконсервный завод. Деятельность предприятий распространялась на 38 рыбоучастков и 247 рыбоприемных пункта [10, Л. 7]. Сырьем рыбозаводы обеспечивали колхозы, рыбоартели и сельскохозяйственные артели.

Предприятия рыбной промышленности округа с 1943 г. находились в ведении Ханты-Мансийского государственного рыбопромышленного треста Главсибрыбпрома Народного комиссариата рыбной промышленности СССР. В 1947 г. трест вошел в Обь-Иртышский госрыбтрест Министерства рыбной промышленности СССР, а с 1951 г. — вновь стал самостоятельной единицей. С 1957 г. рыбопромышленные учреждения округа находились в подчинении управления рыбной промышленности Тюменского совнархоза, с 1968 г. — Сибирского управления рыбной промышленности (Сибупрыбпром).

С 1931 г. в округе начали создаваться лесозаготовительные предприятия: Ханты-Мансийское, Сургутское, Березовское, ведущие работу в лесах государственного значения. В 1933 г. был организован Кондинский лесопромышленный комбинат, в 1959 г. в округе функционировало 5 леспромхозов, в 1962 г. появилось три новых леспромхоза — Пионерский, Комсомольский и Сосновский, в 1963 г. количество предприятий увеличилось до 12. Предприятия лесной отрасли с 1944 г. находились под контролем треста «Тюменьлес» Главсиблеса Наркомлеса СССР, с 1953 г. — треста «Ханты-Мансийсклес», созданного по инициативе окружного комитета КПСС. После упразднения Министерства лесной промышленности СССР предприятия округа перешли в ведение управления лесной и деревообрабатывающей промышленности Тюменского совнархоза, а в последующем Средне-Уральского совнархоза (1962–1965 гг.), в который входила огромная территория, включавшая промышленно развитый район Среднего Урала, Тюмень и районы нового освоения Тюменского Севера.

Таким образом, рыбная и лесная промышленность начали развиваться в округе с 1930-х гг., продолжая оставаться важными отраслями производства в исследуемый период. До реформы 1957 г. предприятия находились в ведении различных ведомств, которые то — объединялись, то — разукрупнялись с ведомствами соседних территорий. Тюменский и Средне-Уральский совнархозы, контролируя огромную территорию, не могли обеспечить главное требование — приближение управления к производству и создание эффективной системы управления.

О коллективах

Советские предприятия представляли собой уникальный микро-мир, который с одной стороны был подчинен строгим правилам и ограничениям, связанным с монотонным выполнением определенных операций; с другой стороны отличался значительным наличием разнообразных вариаций в действиях и поступках. За годы войны состав коллективов предприятий рыбной промышленности стал очень разнообразным, большинство квалифициро-

ванных рабочих ушло с производства на фронт. Поэтому большую часть рабочих кадров составляли подростки и женщины. На предприятиях рыбной отрасли особенно не хватало слесарей и механиков. Поэтому рабочие данных профессий вынуждены были работать еще более напряженно, нередко совмещая несколько должностей. Так, на Самаровском рыбоконсервном комбинате слесарям приходилось работать в цехах по 11 и более часов без выходных [13, Л. 14].

Преимущественно дефицит кадров ощущался в пик сезона — сентябре и октябре, когда одновременно требовалось производить выпуск продукции и отгружать ее. Во время интенсивной работы по разгрузке и погрузке рыботоров приходилось прерывать работу отдельных цехов, даже консервного, чтобы собрать необходимое количество рабочих.

В такие периоды Самаровскому комбинату не хватало до 100–150 работников. Поэтому частью производственной повседневности рабочих являлись постоянные переброски с одного производственного процесса на другой, что вынуждало тружеников уметь выполнять различные виды работ, например, зимой рабочих привлекали на лесозаготовки [7, Л. 18].

Особенность организации лесозаготовок в послевоенные годы была связана с тем, что на большинстве участков отсутствовали кадровые рабочие, а основная масса работ выполнялась сезонной рабочей силой как пешей, так и возчиками с лошадьми. Кроме того, «рабочим сезонникам в начале лесозаготовительного сезона приходилось ходить ежедневно пешком на работу за 10–12 км, теряя до 50% времени на ходьбу» [7, Л. 58].

Зачастую на предприятиях лесной отрасли не хватало не только рабочих, но и руководящих работников. Трест «Тюменьлес» уделял недостаточно внимания леспромхозам округа, поэтому многие леспромхозы продолжительное время функционировали без директоров. Например, «в Ханты-Мансийский и Урманский леспромхозы директора прибыли в ноябре 1949 г., в Сургутский — в октябре, Березовский — феврале 1950 г., в Леушинском до сих пор нет директора (апрель 1950 г.)» [8, Л. 65].

Таким образом, на предприятиях округа остро ощущалась нехватка рабочих кадров, что приводило к распространению практики использования рабочих на разных работах и их периодической мобилизации для выполнения срочных работ, а также удлинению рабочего дня.

Работа в цеху

Значительное влияние на содержание повседневных практик рабочих оказывало дисциплинарное пространство ведомственного предприятия.

Одним из крупнейших предприятий округа являлся Самаровский консервный комбинат, который имел в своей структуре, кроме основных цехов (консервный и рыбообрабатывающий), и вспомогательные цеха: жестяно-баночный, энергоцех, паросиловое хозяйство, цех ширпотреба и механическую мастерскую.

Производственный цикл на предприятии начинался с рыбообрабатывающего цеха, который занимался приемкой сырья от рыбозаводов и его хранением в мороженом виде. Кроме того, цех выпускал готовую продукцию — мороженую, соленую, копченую рыбу и икру, а также заготавливал лед.

Важнейшим звеном производства являлся консервный цех, который был построен в 1930 году. В первые послевоенные годы здание цеха было настолько ветхим, что периодический текущий ремонт отдельных частей здания не мог решить проблему: «Отдельные участки стен прогнили, сквозь них подтекает ливневая вода. На 60% помещения потолочный утепленный настил прогнил и обвалился, в результате сейчас в ряде помещений (рыбо-разделка) осталась лишь потолочная тесовая подшивка, через которую беспрепятственно уходит тепло, а в оштукатуренных помещениях осыпается потолок. Оконные рамы перекошились и прогнили, в щели задувает снег и пыль. Штукатурка стен осыпается. В окнах

выбитые стекла заменены картоном и фанерой. Электропроводка пришла в полную ветхость» [14, Л. 23].

Работа жестяно-баночного цеха начиналась с приема жести из центрального склада, затем производился выпуск банко-тары, из которой большая часть подавалась в консервный цех. Кроме того, из-за постоянной нехватки металла цеховым рабочим приходилось заниматься восстановлением старой жести. Вспомогательные рабочие цеха ширпотреба изготавливали инвентарь для всех цехов комбината, а также производили изделия домашнего обихода. Энергоцех обеспечивал комбинат электроэнергией, паром, водой, освещением. Механическая мастерская производила ремонт оборудования и инвентаря цехов, рабочие мастерской самостоятельно изготавливали запчасти для обеспечения бесперебойной работы комбината. Рабочие подсобного цеха занимались заготовкой и сплавом дров для снабжения цехов [15, Л. 2–3].

Таким образом, особенность советских предприятий состояла в том, что они старались не зависеть от смежников, поэтому на предприятиях помимо деятельности основных цехов, важной работой занимались вспомогательные цеха, именно они обеспечивали исправную работу основных цехов, снабжая их паром, запчастями, инвентарем и даже собственной жестью для производства консервов.

В первые послевоенные годы на Самаровском комбинате наблюдалось катастрофическое положение с освещением цехов, ввиду изношенности электрооборудования и самих электростанций, размещавшихся в приспособленных зданиях [2, С. 218].

Руководством комбината принимались всевозможные меры для приобретения лампочек вплоть до покупки у населения по рыночной цене и мобилизации излишков, поэтому работа в большинстве помещений проходила в полумраке. Кроме того, из-за неисправности вентиляции в соусном и обжарочном помещениях, люди были вынуждены работать в тяжелых температурных условиях при насыщенности парами и чадом [14, Л. 24].

Большая изношенность паросилового оборудования котельной приводила к тому, что не все цеха обеспечивались паром: «бывают часто случаи, когда некоторые цеха снабжаются не по полной мощности или вообще на некоторое время перекрываются» [13, Л. 12].

Особенность работы паросиловой сети заключалась в том, что подогрев производился дровами, а не электричеством. Весьма часто на комбинате отсутствовали сухие дрова: «Комбинат, не имея запаса дров, вынужден направлять в паросиловую дрова сразу же после выкатывания из воды или с корня. Процент влажности доходит до 40–70%, что приводит к перерасходу дров» [16, Л. 4].

Еще одним крупным предприятием округа являлся Сургутский рыбоконсервный завод, который в послевоенные годы также находился в ветхом состоянии: «Рыбозавод наш представлял собой убогое предприятие. Деревянные здания покосились. Консервный цех стоял, благодаря 280 подпоркам, а склад готовой продукции удерживался на берегу Оби лишь потому, что его опоясывали металлические канаты» [2, С. 216].

Во второй половине 1950-х годов началась реконструкция завода. По воспоминаниям Тверетиной Анны Григорьевны: «строили хозспособом. Работали сутками. Идеей обновления родного завода были заражены все без исключения, поэтому трудились вдохновенно» [2, С. 216–217].

Только к середине 1960-х гг. на заводе заработал новый консервный цех: «Светлое, просторное здание со складом готовой продукции и жиромучным отделением» [2, С. 219]. В 1964–1966 гг. были запущены в эксплуатацию жестяно-баночное отделение, склад горюче-смазочных материалов, гараж, отделение регенерации улова, упаковочное отделение, склад готовой продукции. В 1967–1970 гг. были построены и пущены в эксплуатацию производственная котельная, цех горячего копчения, холодильник с копильным и маринадным отделением, компрессорная станция, центральные складские помещения. С 1963 г. энерге-

тические установки вырабатывающие электроэнергию появились на каждом рыбоучастке завода.

Таким образом, для производственных цехов предприятий была характерна крайняя степень изношенности, как самих зданий, так и располагавшегося в них производственного оборудования. Новые здания были построены только ко второй половине 1960-х годов. Для выполнения производственных планов предприятиям приходилось содержать большое количество вспомогательных рабочих, которые занимались непрофильной деятельностью: изготовлением жести и запчастей, заготовкой дров и льда.

Вопрос сырья

Организация работы рабочих рыбозаводов во многом зависела от оперативного поступления сырья. Министерством рыбной промышленности была разработана специальная инструкция, согласно которой у каждой ловецкой бригады, звена или ловца должна была быть отдельная лодка для приема и перевозки рыбы. Лодка должна была закрываться плотной, обитой матом из соломы или мешковины с сеном, опилочными или другими изоляционным материалом для того, чтобы рыба не прогревалась. Место для перевозки рыбы должно было содержаться в чистоте, после каждой разгрузки в приемной пункте тщательно очищаться, мыться и дезинфицироваться 2% раствором хлорной извести. Выловленную рыбу следовало раскладывать на мелкодробленый лед ровным слоем не толще 10 см и сверху засыпать 5 см слоем льда, образующуюся от таяния льда воду следовало вычерпывать черпаком. При отсутствии льда, рыба не позднее чем через 8 часов в холодное время и через 4 часа в жаркое время должна была быть сдана в приемный пункт, а до этого времени ее следовало укрывать влажной травой и хранить в затененном месте. Если по каким-то причинам, не зависящим от ловца, рыба не могла быть сдана в срок, то ее необходимо было засолить с соблюдением всех правил посола, либо хранить в садках в живом виде [17, Л. 16].

Но реалии ежедневной работы приводили к тому, что инструкции невозможно было выполнить. Во-первых, из-за недоступности части глубинных пунктов, отсутствия соли и тары, нехватки флота, рыбаки вынуждены были оставлять рыбу на местах лова.

В некоторые рыбоугодья округа можно было добраться только весной или зимой на саях: «Ежегодно остается продукция на р. Конде, так как в районе Карыма река узкая и на протяжении 150 км имеется 11 завалов. Здесь она проходима только весной на малых лодках. До пункта Шумилы нужно идти 25 км по болоту или плыть на плоскодонках 180 км по извилистому ручью в 1 м шириной» [17, Л. 1а].

Реальные практики производственной повседневности приводили к тому, что рыбоприемные пункты являющиеся началом производства и играющие основную роль в работе комбината, были плохо технически оснащены и не приспособлены для приемки и хранения сырка, что приводило к снижению его сортности. Большая часть рыбоприемных пунктов находилась в исключительно антисанитарном состоянии.

Хранение рыбы производилось без соблюдения технологических правил либо в непригодных складских помещениях, либо в тех же помещениях, где производилась обработка рыбы-сырка, хранилась соль и инвентарь [7, Л. 77]. Вследствие этого часть поступающего сырка была не пригодна для выпуска консервов. «Были такие случаи, когда из всей принятой рыбы в отдельные дни можно было направить только 40% на консервы» [13, Л. 9об].

Неравномерная поставка сырья (массовыми партиями) приводили к простоям, как отдельных цехов, так и всего комбината. К примеру, из-за отсутствия сырка консервный цех Самаровского консервного комбината в третьем квартале 1950 г. простоял 26 рабочих дней [14, Л. 18]. Простой возникали и по причине неисправности оборудования: «изношенность двигателя заставляла в обязательном порядке вводить часовую остановку, что срывало последовательность загрузки автоклавов и снижало суточный выпуск консервов» [14, Л. 20].

Наверстывание упущенного времени требовало в последующем работы с перегрузкой — штурмовщины, что вызывало ряд нежелательных явлений — отмену выходных, сверхурочные: «В некоторые месяцы цеху приходилось работать без выходных дней при 11-часовом рабочем дне. Круглосуточная работа не давала возможности делать перерывы в работе для текущей и генеральной уборки, что нарушало санитарный режим и санитарное состояние цеха, не позволяло рабочему сменять халаты в нужное время, они занасивались и теряли срок носки» [14, Л. 23].

Вторым фактором, влиявшим на повседневные трудовые практики рабочих, являлись особенности транспортировки рыбы. Флот на предприятиях был несамоходный (плашкоуты, изотермические суда, мелкий гребной флот) и самоходный (мотокатера, мотолодки, парокатера, газоходы). 35% несамоходного флота прослужило более 10 лет и по 3–5 раз капитально ремонтировалось [9, Л. 5].

Рыбозаводской сырец доставлялся навалом в изотермических плашкоутах, отчасти даже не приспособленных для перевозки рыбы. Пришедший плашкоут по инструкции должен быть разобран в течение 24 часов, но на Самаровском консервном комбинате в период напряженных месяцев суда могли простаивать под разгрузкой по 5–7 дней, в результате чего рыба оттаивала и теряла свою сортность.

Таким образом, выполнение ведомственных инструкций входило в противоречие с реальными практиками производственной деятельности рабочих по причине проблем с организацией добычи сырья, ее хранения и транспортировки.

Рабочие и техника

Труд рабочих в послевоенные годы по большей части оставался ручным, особенно погрузо-разгрузочные работы. В частности на Самаровском комбинате немеханизированная выгрузка рыбы происходила по причине отсутствия причальной линии для приема судов с рыбой.

С середины 1950-х гг. на предприятиях округа постепенно начинает внедряться механизация: «В 1953 г. получено и введено в эксплуатацию на Самаровском консервном комбинате две передвижные дизельгенераторные установки мощностью 24 квт, одна — 15 квт., 3 автоклава взамен списанных, перцемолка, освоены воздушные тестера для проверки герметичности банки, изготовлена паяльная ванна корпусообразующей машины, освоен двухсторонний упорный станок в бондарном цехе [10, Л. 17].

Во второй половине 1960-х гг. на Сургутском рыбоконсервном заводе были внедрены в консервном производстве плавникорезки, головоотсекающие машины, оборудование соусного и подготовительного отделений, панировочная машина. На первом этаже жестяно-баночного цеха в 1965 г. была установлена линия для сборной банки «Нагема» (ГДР) предназначенная для работы на лакированной жести. Во втором жестяно-баночном цехе в 1966 г. была установлена лакировочная машина выборгского завода для лакировки внутренней поверхности банок. В разделочном, обжарочном, расфасовочном, соусном, автоклавном отделении все процессы были механизированы» [2, С. 219].

Труд лесозаготовителей также являлся ручным и маломеханизированным: «Работали вручную поперечными и лучковыми пилами [8, Л. 11]. Перевозка леса в первые послевоенные годы осуществлялась гужевым транспортом. Нередко сезонные лошади не обеспечивались подсанками и саниями и вынуждены были простаивать ежедневно от 5 до 20 часов [8, Л. 21об].

С 1950-х гг. леспромхозы стали получать большое количество техники (тракторы К-12, электростанции, трехбарабанные лебедки, лесовозные автомашины и бензопилы «Дружба»), внедряя бригадный способ заготовки древесины с использованием поточного метода. В первое время новая техника использовалась крайне плохо. Например, в Ханты-Мансийском

леспромхозе из 20 лесовозных автомашин в 1950 г. работало 3–6, из 15 тракторов — 3–5, из 2 электростанций — 1. Заготовка леса электропилами выполнялась в 1949 г. по леспромхозу на 24%, вывозка автомашинами — 23%, подвозка леса тракторами — 17%. Основная причина была связана с не обеспеченностью кадрами шоферов, трактористов, электромехаников и лебедчиков [8, Л. 13].

С начала 1960-х гг. преобладающей технологией на лесозаготовках стала работа с применением укрупненных комплексных бригад, многосменного режима на всех фазах лесозаготовок и вахтового метода, одиночная валка леса, трелевка и вывозка леса с необрубленной кроной, крупнопакетная погрузка леса. К 1965 г. все трудоемкие работы на предприятиях были полностью механизированы: валка леса производилась электрическими и бензomotorными пилами, вывозка леса — тракторами и автомашинами.

По воспоминаниям водителя лесовоза Плотникова Юрия Александровича: «В 1965 г. получил новую машину ЗИЛ-157. Работы было много, возили лес за 30–40 км к речке на сплав. Лес возили большими темпами. Работали по 2–3 смены. Ели на ходу, чтобы на погрузке не стоять. Сами оборудовали машины для вывозки леса. Одним из первых сделал к машине металлическую площадку, лес стало возить удобнее, качество и объемы вывозимой древесины намного увеличились. В нашем экипаже было 3 человека. Работали без выходных. Сломается машина, на ремонт выходили вместе для того, чтобы быстрее устранить неполадки и снова приступить к работе. Работа шла круглыми сутками, мы сменяли друг друга, не останавливая работу ни днем, ни ночью» [3, С. 279]

Таким образом, в послевоенные годы труд рабочих оставался преимущественно ручным и немеханизированным, только со второй половины 1950-х гг. повседневные практики рабочих были связаны с освоением новой техники, что значительно повысило уровень механизации выполняемых работ.

Для производственного оборудования предприятий рыбной отрасли была характерна крайняя степень изношенности, так как большая часть его была установлена еще в 1930-е годы. Постоянная нехватка запасных частей заставляла рабочих производить ремонт оборудования на месте имеющимися подсобными средствами, что негативно отражалось на работе таких точных и сложных машин как закатка.

Кроме того, неоперативное снабжение предприятий инструментами со стороны ведомства, вынуждало рабочих заниматься их изготовлением на местах. К примеру, основным инструментом в работе разделывальщицы рыбы являлся нож, но ножи Самаровский рыбокомбинат изготавливал сам из непригодной для этой цели стали. Из-за этого ножи быстро тупели и изнашивались, снижая производительность труда. Остальной инвентарь (ведра, банки для соуса, противни, ковши, черпаки и ящики) также мастерился на месте из остатков бракованной жести. Работая на восстановленной жести, жестянобаночный цех снабжал консервный цех банко-тарой разной толщины, что впоследствии приводило к выпуску не вполне герметичных банок.

В повседневной практике лесозаготовителей также ощущалась нехватка инструментов и материалов, например, наждаков для точки циркулярных пил, гвоздей, горючего для работы тракторов и электростанций, запасных частей к электростанциям, автомашинам, тракторам [8, Л. 15].

Таким образом, на предприятиях округа в послевоенные годы сохранялся ручной малопродуктивный труд, особенно немеханизированными оставались погрузо-разгрузочные работы. Внедрение новой техники происходило медленно, только к концу исследуемого периода уровень механизации работ значительно увеличился. Ведомства не обеспечивали в должной мере предприятия округа необходимыми инструментами и приспособлениями, тем самым вынуждая рабочих приспосабливаться к существующим условиям и производить многие необходимые предметы производства кустарным способом.

Рабочие и окружающая среда

На ведомственные интересы рыбной отрасли отрицательно влияла бессистемная работа предприятий лесной промышленности. В частности молевой сплав древесины, засорение нерестовых участков отходами продукции лесного хозяйства выводили из строя рыбохозяйственные угодья. К примеру, «в Сургутском районе бессистемная рубка леса по берегам рек и сплав необработанной древесины по промысловым речкам, протокам и сора, особенно там, где происходил нерест рыбы, существенно снижали хозяйственное значение водоемов. В 1960-е гг. молевой сплав на всей территории Ханты-Мансийского национального округа был запрещен, но негативные последствия от этого еще долго давали о себе знать» [6, С. 21].

С началом освоения нефтегазовых месторождений был нарушен природный баланс в округе, приведший к загрязнению водоемов нефтью и нефтепродуктами, что снижало естественное воспроизводство рыбы и, соответственно, ее добычу и негативно сказалось на развитии рыбной отрасли в целом. Для лесной промышленности активные геологоразыскные мероприятия, наоборот, способствовали ее развитию: «Древесина была востребована нефтяниками для строительства кустовых оснований для бурения скважин, прокладки подъездных путей и дорог к промыслам по всему Среднему Приобью» [4, С. 45]. Для освоения больших лесных запасов Советского, Октябрьского и Кондинского районов в 1960–1967 гг. были построены две железные дороги: Тавда — Сотник и Ивдель — Обь. Вдоль строящихся дорог было образовано 12 лесозаготовительных предприятий.

Таким образом, местом столкновения ведомственных интересов становились водные артерии округа, которые для рыбной отрасли являлись источником сырья, а для лесной — способом сплава леса. Открытие нефти в округе оказало отрицательное воздействие на развитие рыбной отрасли, а для лесной промышленности наоборот дало толчок к освоению новых территорий и строительству леспромхозов.

Рабочие и социальная сфера

В фокусе советских предприятий находилась и социальная сфера. Профильные ведомства снабжали рабочих спецодеждой и обувью, которой из года в год не хватало. Плохое снабжение со стороны ведомства одеждой и обувью приводило к тому, что подавляющая масса рабочих была вынуждена доншивать обувь до отказа, а зачастую и работать босыми: «Вся партии деревянной и так называемой комбинированной обуви с резиновой подошвой была настолько не пригодна, что на 3–5 день развалилась и в результате работы вынуждены были работать босыми, больше спецобуви не имеется, а современной обуви подавляющая масса рабочих не имеет» [14, Л. 23]. На лесозаготовках не организовывались мастерские по ремонту обуви вследствие чего, часть рабочих не выходила на работу, занимаясь ее починкой [8, Л. 14об]. Важной составляющей производственных реалий являлось снабжение рабочих продовольствием. Снабжение рабочих рыбной промышленности осуществлялось по линии Окрыболовпотребсоюза, который объединял 6 райрыболовпотребсоюзов (41 рыбкооп), 1 горрыбкооп [10, Л. 75].

Торговля товарами осуществлялась через стационарные магазины, палатки и разъездные ларьки. Наиболее дефицитными товарами являлись крупа, табак, спички, хлеб, сахар, мыло, масло животное, макаронные, рисовые изделия, яичный порошок, сухое молоко [10, Л. 77]. Нередко магазины закрывались на месяц и более из-за отсутствия ассортиментного спроса товаров потребителями. Торговля на лесопунктах промышленными и продовольственными товарами организовывалась плохо. В самую горячую пору лесозаготовок в магазинах не было мяса, жиров, консервов, кондитерских изделий, дешевых папирос.

Отделы рабочего снабжения не обеспечивали должного снабжения рабочих на лесозаготовках. Продукты иногда продавались некачественные, так как значительная часть товаров из-за отсутствия надлежащих условий хранения подвергается порче. К примеру,

«в Октябрьском лесоучастке из-за отсутствия складов товары выгружались на берег и лежали под открытым небом» [30]. На части лесоучастков торговля осуществлялась в необорудованных помещениях и даже землянках.

При отсутствии многих товаров в торговой сети необходимой частью повседневности рабочих являлось посещение учреждений общественного питания. В путинное время в некоторых столовых устанавливалось трехкратное питание для стахановцев, выделялись особые столы с усиленным питанием. Всем работникам предоставлялось дополнительное питание за счет выдачи рыбы, отходов от консервного производства, консервов, овощей, молока и прочих продуктов [16, Л. 60б].

Ассортимент блюд в столовой Самаровского консервного комбината был следующий: мясные 7,7%, рыбные 53,5%, овощные 26,3%, чай 12,2%. Стоимость питания одного дня по плану составляла 5,36 рубля, а фактически доходила до 7,19 рублей [13, Л. 130б]. Ввиду высоких цен в столовой, ограниченности ассортимента блюд и их низкого вкусового качества, спрос на услуги столовой со стороны рабочих был невысоким.

Организация питания на лесоучастках вызывала немало нареканий со стороны рабочих, на что неоднократно обращалось внимание на страницах местных газет: «В столовых холодно и грязно, обеды готовятся невкусные. На всех участках пропускная способность столовых не соответствует количеству рабочих. В столовой каждый день готовятся одни и те же блюда: суп из недоваренного картофеля и гуляш из недоброкачественного мяса» [1]; «Помещение столовой маленькое, в нем может разместиться только 10 человек. Имеется лишь 15 тарелок, 4 вилки, 11 чайных ложек. Суп черпают чайной ложкой. Нет кастрюль для варки каши. Имеется один ковшик и тот ржавый. Блюда дорогие. Например, порция жареного язя стоит 2 рубля 70 копеек» [30]. На некоторых участках питание вовсе не организовывалось и каждому рабочему приходилось готовить самостоятельно.

Поэтому одной из стратегий выживания для рабочих становилось содержание подсобного хозяйства. На 1 января 1947 г. в рыбтресте имелся совхоз (село Реполово Самаровского района), 18 подсобных хозяйств, в которых содержалось около 1200 лошадей, 1100 голов крупного рогатого скота, в том числе 430 коров, 140 свиней, 58 оленей [9, Л. 70б].

Таким образом, ведомственное снабжение рабочих спецодеждой и обувью не отвечало запросам работников. Организация торговли и общественного питания не удовлетворяла всех потребностей рабочих, поэтому у рыбозаводов были собственные подсобные хозяйства. Отличительной особенностью рабочих-рыбников являлась возможность получения отходов рыбного производства.

Жилищная проблема

В повседневные практики рабочих включаются аспекты, связанные с жизнедеятельностью вне рабочего пространства, в частности, в условиях домашнего быта.

Патернализм со стороны предприятия наблюдался в предоставлении ведомственного жилья. В первые послевоенные годы жилищный фонд предприятий рыбной промышленности был представлен бараками и общежитиями барачного типа. Систематического ремонта жилья на протяжении многих лет не производилось, поэтому оно пришло в ветхость и стало почти непригодным для проживания. В среднем на одного человека приходится 3,45 кв. метров, поэтому в бараках наблюдалась скученность. В помещениях отсутствовали места для сушки обуви и одежды, что вынуждало рабочих производить сушку в жилых местах. Во многих домах были одинарные окна, не хватало столов и табуретов, топчанов, что вынуждало рабочих спать на полу.

Нехватка жилья наблюдалась на протяжении всего исследуемого периода: «Обеспеченность жилой площадью на одного проживающего по предприятиям рыбной промышленности на ряде заводов и рыбоучастков составляет только 2-3 кв.метра» [21, С. 245].

Рыбакам на местах лова приходилось жить под лодками, в шалашах и в лучшем случае в избушках без полов, потолков и окон. Баня работала нерегулярно в течение года из-за отсутствия достаточного количества дров [15, Л. 11], поэтому рабочие могли не мыться по два месяца.

Привлекаемым на лесозаготовки сезонным рабочим приходилось проживать на местах лесозаготовок в бараках, в которых наблюдалась «большая скученность рабочих, грязно, темно, холодно, постельными принадлежностями сезонные рабочие полностью не обеспечены, не оборудованы сушилки для просушки одежды и обуви, бараки освещаются керосиновыми лампами, которые в большинстве своем совсем без стекол. Бараки не обеспечены баками для питьевой воды, нет необходимого количества медикаментов, отсутствуют аптечки. Вместо железных коек и топчанов построены деревянные нары в один и два яруса» [8, Л. 11]. Во всех жилых помещениях не хватало столов, стульев, табуретов, тумбочек, требовалось утепление дверей и рам, устройство печей [19, Л. 112].

Нередко женатые рабочие и холостые проживали в одном бараке [19, Л. 306]. На отдельных лесозаготовках для семейных рабочих выделялась часть барака, которую досками разделяли на отдельные комнаты, как на Бобровском лесозаготовке Ханты-Мансийского леспромхоза [24].

Санитарное состояние бараков было крайне неудовлетворительным: «как правило общие коридоры в бараках никогда не промываются, потолки и стены бараков задымлены, помой и отходы выливаются вблизи бараков и жилых домов прямо на улицах, помоек нет, хуже того у всех 5 бараков нет ни одной уборной» [19, Л. 294]. Антисанитария приводила к распространению клопов, блох и вшей [20, Л. 1]. К концу 1960-х гг. на ряде лесозаготовок в комнатах продолжало проживать по 4–5 человек при наличии 2–3 тумбочек и табуреток [11, Л. 16].

По вечерам довольно часто рабочие вынуждены были сидеть в бараках без освещения. Клубы зачастую не работали из-за нехватки дров: «в помещении стоит невыносимый холод. В клубе нет мебели. Купленные для библиотеки 1000 экземпляров книг политической и художественной литературы закрыты в шкаф и читателям не выдаются» [22].

Таким образом, жилищные условия рабочих округа продолжали оставаться тяжелыми, в жилых помещениях барачного типа наблюдалась перенаселенность и антисанитария, не хватало предметов домашнего быта и интерьера.

Рабочие и трудовой режим

Власть формирует повседневность человеческой жизни и человеческого восприятия через прописанные права и обязанности. Реализация властного дискурса во многом определялась ведомственной принадлежностью предприятия, так как все сферы деятельности рабочих, так или иначе были связаны с коллективом, а предприятие становилось «вторым домом».

В пространстве ведомственного предприятия смыкались язык власти и реалии повседневной жизни рабочих. С одной стороны рабочие были вынуждены следовать распоряжениям, идущим из руководящего ведомства, и поступать как все, выполняя поставленные задачи, с другой стороны существующая реальность требовала выработки особых стратегий поведения, когда некоторые акторы уходили в сторону, проявляя своеволие, а нередко и сопротивление правилам и требованиям ведомственного начальства.

Многогранность действий проявлялась с одной стороны в наличии рабочих выполняющих нормы и становящимися передовиками производства, о которых потом писали на страницах местных газет. С другой стороны в каждом коллективе находились люди, проявляющие противоположные формы поведения, связанные с нарушениями трудовой и технологической дисциплины. К примеру, «в 1946 г. на предприятиях рыбной промышленности округа

85% сдельщиков не выполняло нормы. В то же время имеются бригады, колхозы и суда, выполнившие план на 200–300% и получившие 16 всесоюзных премий» [9, Л. 5].

Распространенным явлением в рабочей среде являлись девиантные формы поведения, к которым относились опоздания, самовольный уход с работы, прогулы, преждевременные уходы с работы, бесцельное просиживание на работе. К примеру, в 1947 г. на Самаровском консервном комбинате было совершено 39 прогулов [16, Л. 7об], в 1948 г. — 21 прогул, из которых 8 самовольно ушли с производства. 21 дело было направлено для привлечения к уголовной ответственности [15, Л. 19].

Неоднократно в приказах директора Самаровского консервного комбината отмечалось, что «ни в одном цехе не действует доски табеля», поэтому директор приказывал ужесточить контроль за трудовой дисциплиной: вести ежедневный учет опоздавших, устанавливать причины невыхода на работу, вести журналы регистрации уходящих сотрудников по делам, обязательно отмечая, куда и на сколько отсучился сотрудник. Но в действительности приказы директора не выполнялись и нарушения трудового режима сохранялись. К концу исследуемого периода постепенно увеличивалось число нарушений связанных с пьянством. Так, 13 января 1960 г. электромонтер лесотарного цеха Самаровского рыбокомбината явился на смену в нетрезвом состоянии, за что от вахты был отстранен. Но будучи пьяным, домой не пошел, а залез на распределительный щит и обрезал провод электросети, нарушив тем самым технику безопасности [18, Л. 36]. За данный поступок рабочего следовало уволить, но директор комбината, учитывая просьбу коллектива лесотарного цеха, передал дело в товарищеский суд, который вынес ему лишь строгий выговор.

Среди рабочих лесной отрасли также наблюдались подобные формы поведения, связанные несвоевременным подъемом после сна, несвоевременным выходом на работу, уходом с работы раньше времени, плохой подготовкой инструмента/ топоров, цепей к электропилам [8, Л. 146].

За 1958 г. и 5 месяцев 1959 г. на Ханты-мансийском леспромхозе было уволено 182 человека, из них 107 — по собственному желанию. Увольнение по инициативе администрации происходило только в случае неоднократных нарушений трудовой дисциплины. К примеру, 10 ноября 1969 г. рабочий Майковского лесоучастка не вышел на работу из-за пьянки, и так как ранее имел три выговора, то его уволили по 47 статье Кодекса законов о труде РСФСР [12, Л. 6].

Данные формы поведения приводили к повышенной текучести кадров среди предприятий округа, которая сохранялась на протяжении всего исследуемого периода. В 1954 г. на предприятия Треста «Ханты-Мансийсклес» прибыло по оргнабору 2125 человек, самовольно ушли и уволились 800 человек, в 1958 г. прибыло 1450 человек, уволилось по окончании срока договора 1223 человека [19, Л. 174]. Подобная тенденция сохранялась и в последующие годы, так в 1967 г. по Ханты-Мансийскому леспромхозу было принято 667 человек, а уволено 660 [11, Л. 17].

Таким образом, повседневные практики рабочих включали разные тактики и стратегии поведения. Ввиду острой нехватки рабочих кадров, руководство предприятий не применяло жестких наказаний к нарушителям трудовой и производственной дисциплины.

ВЫВОДЫ. Обращение к изучению регионального контекста функционирования советских промышленных предприятий позволяет увидеть, что действия людей в рамках ведомственного пространства, кажущиеся на первый взгляд рутинными, имели разные вариации. Рабочие предприятий лесной и рыбной промышленности округа в ходе своей ежедневной практической деятельности, направленной на освоение окружающего пространства, формируемого под влиянием ведомственных установок, становились акторами, которые демонстрировали различные, редко однозначные тактики и стратегии поведения, имея возможность отстаивать свою автономию на рабочем месте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. Улучшить работу ОРСов леспромхозов // Сталинская трибуна. 20 января 1951. С. 2.
2. Воспоминания Тверетиной Анны Григорьевны. Летопись сургутского рыбокомбината // Черный мыс. Место памяти: сборник статей и воспоминаний. Сургут, Издательско-полиграфический комплекс, 2020. С. 198–233.
3. Воспоминания Плотникова Юрия Александровича // Моя судьба в истории Югры: сборник документов. Тюмень: ОАО Тюменский дом печати, 2005. С. 273–279.
4. Воспоминания Евтихова Николая Дмитриевича // Труженики лесного цеха. Сургутский леспромхоз. / ГООО «Старожилы Сургута»; отв. За выпуск Р.Г. Уланова. сост и авт. текстов А.О. Давыдова. Сургут; Омск: Омскбланкиздат, 2014. С. 44–45.
5. Высотский О. Сделать леспромхозы крупными предприятиями // Ленинская правда. 7 мая 1957. С. 2.
6. Гололобов Е.И. Государственная политика по освоению биологических ресурсов Сургутского Приобья // Вестник Томского государственного университета. Серия. История. № 67. 2020. С. 19–25.
7. Государственный архив Югры. Ф. Р 1. Оп. 1. Д. 446.
8. Государственный архив Югры. Ф. Р 1. Оп. 1. Д. 397.
9. Государственный архив Югры. Ф. Р 1. Оп.1. Д. 293.
10. Государственный архив Югры. Ф. Р 6. Оп.1. Д. 141.
11. Государственный архив Югры. Ф. Р 58. Оп. 1. Д. 311.
12. Государственный архив Югры. Ф. Р 58. Оп. 1. Д. 326.
13. Государственный архив Югры.. Ф. Р 60. Оп. 1. Д. 75.
14. Государственный архив Югры. Ф. Р 60. Оп. 1. Д. 70.
15. Государственный архив Югры. Ф. Р 60. Оп. 1. Д. 83.
16. Государственный архив Югры. Ф. Р 60. Оп. 1. Д. 80.
17. Государственный архив Югры. Ф. Р 60. Оп. 1. Д. 84.
18. Государственный архив Югры. Ф. Р 60. Оп. 1. Д. 132.
19. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. П 107. Оп. 1. Д. 1828.
20. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. П 107. Оп. 1. Д. 1640.
21. Из истории промышленного развития Тюменской области (1917–1980 гг.): документы и материалы. Свердловск, 1988. 415 с.
22. Краснощеков А. Лесозаготовителям культурный отдых // Сталинская трибуна. 23 января 1951. С. 3.
23. Людке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с.
24. Не беспокоятся о быте семейных рабочих // Сталинская трибуна. 30 января 1951. С. 3.
25. Отюцкий Г.П. Структура повседневности: методологические подходы российских исследователей // Система ценностей современного мира. № 38. 2014. С. 13–17.
26. Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы аналлов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 4. № 1. 2014. С. 7–21.
27. Серто Мишель де. Изобретение повседневности. Искусство делать. Санкт-Петербург: изд-во Европейского университета, 2013. 328 с.
28. Стась И.Н. Проблема ведомственного города в Западно-сибирском нефтегазовом комплексе // Индустриальное наследие России: междисциплинарные исследования, опыт сохранения, стратегии реновации: Сб. тезисов Всероссийской научной конференции, посвящённой 175-ле-

тию Русского географического общества и 90-летию Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2020. С. 149–155.

29. Сухов Б. По хозяйски относиться к лесным богатствам // Ленинская правда. 9 мая 1961. С. 3.
30. Федоров Г. Больше заботы о лесозаготовителях // Сталинская трибуна. 21 января 1951. С. 3.

REFERENCE

1. Andreev A. *Uluchshit' rabotu ORSov lespromhozov* [To improve the work of ORSOV lespromkhozes] // *Stalinskaya tribuna*. 20 yanvarya 1951. S. 2. (In Russian).
2. *Vospominaniya Tveretinoj Anny Grigor'evny. Letopis' surgutskogo rybokombinata* [Memories of Anna Grigoryevna Tveretina. Chronicle of the Surgut fish processing plant] // *CHernyj mys. Mesto pamyati: sbornik statej i vospominanij*. Surgut, Izdatel'sko-poligraficheskij kompleks, 2020. S. 198–233. (In Russian).
3. *Vospominaniya Plotnikova YUriya Aleksandrovicha* [Memories of Plotnikov Yuri Alexandrovich] // *Moya sud'ba v istorii YUgry: sbornik dokumentov*. Tyumen': OAO Tyumenskij dom pechaty, 2005. S. 273–279. (In Russian).
4. *Vospominaniya Evtihova Nikolaya Dmitrievicha* [Memoirs of Evtikhov Nikolay Dmitrievich] // *Truzheniki lesnogo cekha. Surgutskij lespromhoz. / GOOO «Starozhily Surguta»*; otv. Za vypusk R.G. Ulanova. sost i avt. tekstov A.O. Davydova. Surgut; Omsk: Omskblankizdat, 2014. S. 44–45. (In Russian).
5. Vysotskij O. *Sdelat' lespromhozy krupnymi predpriyatiyami* [Make forestry enterprises large enterprises] // *Leninskaya pravda*. 7 maya 1957. S. 2. (In Russian).
6. Gololobov E.I. *Gosudarstvennaya politika po osvoeniyu biologicheskikh resursov Surgutskogo Priob'ya* [State policy on the development of biological resources of the Surgut Ob region] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Istoriya*. № 67. 2020. S. 19–25. (In Russian).
7. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 1. Op. 1. D. 446. (In Russian).
8. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 1. Op. 1. D. 397. (In Russian).
9. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 1. Op. 1. D. 293. (In Russian).
10. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 6. Op. 1. D. 141. (In Russian).
11. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 58. Op. 1. D. 311. (In Russian).
12. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 58. Op. 1. D. 326. (In Russian).
13. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 60. Op. 1. D. 75. (In Russian).
14. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 60. Op. 1. D. 70. (In Russian).
15. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 60. Op. 1. D. 83. (In Russian).
16. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 60. Op. 1. D. 80. (In Russian).
17. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 60. Op. 1. D. 84. (In Russian).
18. *Gosudarstvennyj arhiv YUgry* [The State Archive of Ugra]. F. R 60. Op. 1. D. 132. (In Russian).
19. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii Tyumenskoj oblasti* [The State Archive of Socio-Political History of the Tyumen region]. F. P 107. Op. 1. D. 1828. (In Russian).
20. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii Tyumenskoj oblasti* [The State Archive of Socio-Political History of the Tyumen region]. F. P 107. Op. 1. D. 1640. (In Russian).
21. *Iz istorii promyshlennogo razvitiya Tyumenskoj oblasti (1917–1980 gg.): dokumenty i materialy* [From the history of industrial development of the Tyumen region (1917–1980): documents and materials]. Sverdlovsk, 1988. 415 s. (In Russian).
22. Krasnoshchekov A. *Lesozagotovityam kul'turnyj otdyh* [Cultural recreation for loggers] // *Stalinskaya tribuna*. 23 yanvarya 1951. S. 3. (In Russian).
23. Lyudke A. *Istoriya povsednevnosti v Germanii: novye podhody k izucheniyu truda, vojny i vlasti* [The History of Everyday Life in Germany: new approaches to the study of labor, war and power]. M.: ROSSPEN, 2010. 271 s. (In Russian).
24. *Ne bespokoyatsya o byte semejnyh rabochih* [Do not worry about the life of family workers] // *Stalinskaya tribuna*. 30 yanvarya 1951. S. 3. (In Russian).

25. Otyuckij G.P. *Struktura povsednevnosti: metodologicheskie podhody rossijskih issledovatelej* [The structure of everyday life: methodological approaches of Russian researchers] // *Sistema cennostej sovremennogo mira*. № 38. 2014. S. 13–17. (In Russian).
26. Pushkareva N.L., Lyubichankovskij S.V. *Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istorich-eskom issledovanii: ot shkoly anallov k rossijskoj filosofskoj shkole* [Understanding the History of Everyday Life in Modern Historical Research: from the Annals School to the Russian Philosophical School] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. T. 4. № 1. 2014. S. 7–21. (In Russian).
27. Serto Mishel' de. *Izobretenie povsednevnosti. Iskusstvo delat'* [The invention of everyday life. The art of making]. Sankt-Peterburg: izd-vo Evropejskogo universiteta, 2013. 328 s. (In Russian).
28. Stas' I.N. *Problema vedomstvennogo goroda v Zapadno-sibirskom neftegazovom komplekse* [The problem of the departmental city in the West Siberian oil and gas complex] // *Industrial'noe nasledie Rossii: mezhdisciplinarnye issledovaniya, opyt sohraneniya, strategii renovacii*: Sb. tezisov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 175-letiyu Russkogo geograficheskogo obshchestva i 90-letiyu Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga — YUgry. Hanty-Mansijsk: YUgorskij format, 2020. S. 149–155. (In Russian).
29. Suhov B. *Po hozyajski otnosit'sya k lesnym bogatstvam* [To treat the forest riches in a masterly way] // *Leninskaya pravda*. 9 maya 1961. S. 3. (In Russian).
30. Fedorov G. *Bol'she zaboty o lesozagotovityah* [More concern for loggers] // *Stalinskaya tribuna*. 21 yanvarya 1951. S. 3. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.011

УДК 94(571.122)"1985/1990"

ББК 63.3(253.3)634-7

В.А. ЧЕРНОВ

**РЕАЛИЗАЦИЯ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ
КАМПАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
1980-Х ГГ. НА МЕСТНОМ УРОВНЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ Г. КОГАЛЫМА, ХМАО)**

V.A. CHERNOV

**THE ANTI-ALCOHOL CAMPAIGN
IMPLEMENTATION OF THE SECOND
HALF OF THE 1980S AT THE LOCAL LEVEL
(BASED ON THE MATERIALS OF KOGALYM,
KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG)**

Актуальность исследования определяется необходимостью рассмотрения регионального опыта борьбы с пьянством в исторической перспективе. В статье на материалах города Когалыма (Ханты-Мансийский автономный округ) анализируется опыт проведения последней советской антиалкогольной кампании (1985–1990 гг.). В ходе исследования были изучены архивные документы, характеризующие деятельность местных органов власти в этом направлении, материалы городской периодической печати за рассматриваемый период. Цель настоящей статьи — рассмотреть конкретные формы и методы борьбы с пьянством, проследить реализацию на практике норм антиалкогольного законодательства. Установлено, что антиалкогольная кампания в Когалыме, как и во всей стране, проводилась широко и включала в себя меры правоохранительного, медицинского, просветительского и экономического характера, при этом меры административного регулирования и контроля превалировали над воспитательной и разъяснительной работой, которая проводилась часто формально. Ограничительные меры привели к существенному уменьшению легального оборота алкоголя, но вызвали расцвет самодоварения и спекуляции, а также создали значительную социальную напряжённость в обществе. В целом, реализация государственной антиалкогольной политики в рассматриваемый период не принесла серьёзных положительных результатов.

The relevance of the study is determined by the need to consider the regional experience of struggle against drinking in a historical perspective. The article analyzes the experience of the last Soviet anti-alcohol campaign (1985–1990) based on the materials from Kogalym town (Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug). As part of the study the author studies archival documents characterizing the activities of local authorities in this direction and also materials of the town periodical press for the period under review. The purpose of this article is to consider specific forms and methods of struggle against drinking, to trace the implementation in practice the anti-alcohol legislation norms. It was established that the anti-alcohol campaign in Kogalym, as well as throughout the country, was carried out widely and included law enforcement, medical, educational and economic measures, while measures of administrative regulation and control took precedence over educational and explanatory work, which was often carried out formally. The restrictive measures led to a significant decrease in the legal turnover of alcohol, but caused the flourishing of moonshine and speculation, and also created significant social tension in society. In general, the results of the implementation of the state anti-alcohol policy in the period under review did not bring serious positive results.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Антиалкогольная кампания, борьба с пьянством и алкоголизмом, Когалым, Ханты-Мансийский автономный округ

KEY WORDS: Anti-alcohol campaign, struggle against drinking and alcoholism, Kogalym, Khanty-Mansi Autonomous Okrug

ВВЕДЕНИЕ. М.С. Горбачёв в докладе на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС обозначил назревшую необходимость ускоренного социального и экономического развития Советского Союза. В комплексе первоочередных задач новой «политики ускорения» он выделил модернизацию системы управления, повышение управленческой и производственной дисциплины. Результатом социально-экономических преобразований, по мнению руководства Коммунистической партии, должно было стать повышение благосостояния народа и создание благоприятных условий для гармоничного развития личности. [9]

Одним из факторов, препятствующих новому политическому курсу, считалось пьянство, широко распространившееся в Советском Союзе. Показатели потребления алкогольной продукции в СССР были одними из самых высоких в мире, что привело к обострению ряда социально-экономических проблем общества. Алкоголизация населения, по оценке специалистов, представляла уже прямую угрозу демографическому развитию страны, а её масштабы требовали принятия решений на государственном уровне. [27]

Антиалкогольная кампания второй половины 1980-х гг. в СССР должна была исправить создавшееся положение. Она предполагала применение мер преимущественно административного характера. Весной 1985 г. был принят ряд нормативно-правовых актов, предполагавших: ограничение производства и продажи алкоголя, искоренение самоварения, совершенствование работы наркологических служб, проведение масштабной культурно-воспитательной работы и т.д. За нарушение антиалкогольного законодательства была предусмотрена ответственность (вплоть до уголовной).

Анализ опыта проведения последней советской антиалкогольной кампании выглядит актуальным, поскольку даёт возможность оценить эффективность, а также социальные и экономические последствия принятия непродуманных решений в этой сфере. При этом важно не только рассматривать явление в целом, но и учитывать региональные, местные особенности проведения антиалкогольной кампании.

В настоящее время появились исследования, которые анализируют проведение перестроечной антиалкогольной кампании в г. Томске [24], на Дальнем Востоке [7], Смоленской [8], Челябинской [29], Горьковской [30] областях и в ряде других регионов. Данная статья посвящена анализу ситуации в городе Когалыме Ханты-Мансийского автономного округа. Выбор в качестве объекта исследования небольшого города (в рассматриваемый период — в пределах 50 тыс. человек) позволяет наиболее чётко показать как структуру принимаемых мер, так и их результат.

Как и во многих новых нефтяных городах Западной Сибири, в Когалыме имелись факторы, обостряющие проблему алкоголизма: высокая доля молодых мужчин в структуре населения города; относительно высокие зарплаты, позволявшие приобретать алкоголь даже после существенного повышения цен; общий уровень бытовой неустроенности в процессе освоения новой территории; часто — оторванность от семьи, выпадение из привычной обстановки после переезда «на Север». В 1985 г. потребление спиртных напитков на душу населения в городе достигло 40 литров (16 литров в пересчёте на чистый алкоголь) [4], что было существенно выше среднероссийских показателей (по подсчётам А.В. Немцова, в 1985 г. — 13,3 литра). [23] Таким образом, необходимость сдерживания потребления населением алкоголя (особенно — на нефтедобывающих предприятиях, где традиционно высока травмоопасность и тяжелы последствия аварийности) объективно назрела.

ЦЕЛЬ настоящей статьи — рассмотреть конкретные формы и методы борьбы с пьянством, проследить реализацию на практике норм антиалкогольного законодательства на примере г. Когалыма.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование проведено в контексте локальной истории на основе проблемно-хронологического метода. Анализ ситуации на примере малой территориальной и социокультурной общности — города Когалыма — даёт возможность оценить эффективность принимаемых на высшем государственном уровне решений в процессе их воплощения на практике.

Источниковую базу исследования составляют ранее не публиковавшиеся документы из фондов Архивного отдела Администрации г. Когалыма, а также материалы местной периодической печати за рассматриваемый период. Выбор в качестве основных источников исследования материалов преимущественно официального характера позволяет выявить формы и методы реализации государственной политики по борьбе с пьянством и алкоголизмом, а также проследить их трансформацию под влиянием общественного мнения и социально-экономической ситуации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Начало антиалкогольной кампании в стране совпало со значительными изменениями в организации органов местного самоуправления Когалыма: Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15.08.1985 г. посёлку Когалымский был присвоен статус города окружного подчинения. Реорганизация органов местного самоуправления несколько замедлила включение города в антиалкогольную кампанию, поэтому её активная фаза в Когалыме началась лишь с 1986 г. Однако уже одно из первых решений вновь сформированного Когалымского горисполкома (№ 5 от 27.09.1985 г.) было напрямую связано с исполнением антиалкогольного законодательства — в городе был открыт медвытрезвитель. [1]

Характерной чертой антиалкогольной кампании в Когалыме стали жёсткие меры по ограничению оборота алкогольной продукции и строгий контроль за их соблюдением со стороны правоохранительных органов.

К середине 1986 г. число магазинов, реализующих вино-водочные изделия, сокращено с 6 до 3, пересмотрен режим их работы: в будние дни продажа алкоголя производилась с 16 до 19 часов, в субботу и праздничные дни — с 11 до 15 часов, в воскресенье торговля спиртными напитками была запрещена. [2]

В июне 1986 г. ограничительные меры в торговле алкоголем достигли своего логического предела: продажа спиртного производилась только в одном специализированном магазине, располагавшемся, к тому же, в непосредственной близости от городского отделения милиции, что позволяло сотрудникам правоохранительных органов постоянно контролировать ситуацию. [2]

Кроме того, распоряжением горисполкома № 163 от 11.06.1986 г. «в целях активизации борьбы с пьянством и алкоголизмом, а также учитывая многочисленные пожелания горожан», с 1 по 30 июня 1986 г. в городе был объявлен «месячник трезвости» и полностью запрещена торговля спиртными напитками. [3]

В июле 1986 г. в Когалыме установлена единовременная норма отпуска вино-водочных изделий в одни руки — не более двух бутылок, а также введены дневные и месячные лимиты продажи алкогольной продукции. [3]

Согласно приказу Управления торговли Тюменского облисполкома от 19.06.1986 г. № 121 и последовавшему за ним распоряжению горисполкома № 220 от 30.07.1986 г., дополнительно разрешалась продажа вино-водочных изделий на свадьбы, юбилеи и похороны из расчёта 100 граммов водки и 100 граммов вина на человека. Обслуживание данных категорий покупателей проводилось до начала основной торговли (с 15.30 до 16.00) и на основании подтверждающих документов. [3]

Единственный в городе ресторан «Миснэ» в будние дни из алкогольных напитков предлагал посетителям только сухое вино, а по субботам зал ресторана отдавался в распоряжение горкома ВЛКСМ и отдела культуры горисполкома для проведения безалкогольных мероприятий.

Энергичные меры по ограничению торговли спиртными напитками привели к тому, что в городе в 1986 г. реализация вино-водочных изделий сократилась по сравнению с 1985 г. на 55%, вдвое снизилось потребление спиртных напитков на душу населения. [4]

Считалось, что отвлечению населения от пьянства будет способствовать расширение торговой сети, реализующей безалкогольные напитки. С этой целью в городе открыто безалкогольное кафе «Медвежонок», магазины «Соки», «Кулинария», винный бар переоборудован под кафе «Мороженое». [2]

Ограничительные меры неизбежно влекли за собой острый дефицит алкогольной продукции, а значит — поиск альтернативных каналов снабжения населения алкоголем, расцвет спекуляции. В 1986 г. 6 человек были привлечены правоохранными органами к ответственности за изготовление самогона, за этот же период выявлен 21 случай спекуляции спиртными напитками и 4 случая нарушений правил торговли спиртными напитками. [4] В 1987 г. выявлено 9 случаев приобретения спиртных напитков домашней выработки, возбуждено 6 уголовных дел за самогонование. [6]

Несмотря на определённую цензуру и чёткий курс на антиалкогольную пропаганду, недовольство горожан часто выплёскивалось на страницы местной прессы в виде писем с критикой форсированных антиалкогольных мер. Так, Н. Макаева в письме в газету «Когалымский рабочий» (август 1987 г.) подчёркивает негативные явления, вызванные дефицитом спиртного в городе (расцвет спекуляции, наркомании, самогонования, конфликтные ситуации в очередях) и размышляет о возможных вариантах выхода из сложившейся ситуации: «Нужно сделать свободную продажу вино-водочных изделий, в нормальном магазине, и, несомненно, будет больше порядка. <...> Сделать в Когалыме сухой закон? Но спекулянты всё равно продают спиртное. Везут из Сургута, Нижневартовска. Достают дрожжи, делают самогон и всё достают и везут по блату «за хорошие деньги», и это для всех не секрет». [15] Ей вторит Н. Агапова: «Ограничили у нас продажу спиртного и чего добились? Спекулянты наживаются ещё больше, чем раньше, а семьи сильнее страдают материально, т.к. бутылка водки стоит не 10 руб., как в магазине, а 30. Кто пил, тот и пьёт. И ещё больше. Так как раньше пили, когда есть настроение, праздник какой-либо, а теперь — когда «дают». [16]

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогонования» от 16.05.1985 г., были предусмотрены санкции за распитие алкоголя и появление в общественных местах в состоянии опьянения [28], что создало дополнительную нагрузку на правоохранные органы. Так, в течение 1986 г. на 430 человек были составлены административные протоколы за появление в нетрезвом состоянии в общественных местах [4], такое же количество горожан подверглось мерам административного воздействия и в 1987 г. [6]

В обеспечении охраны общественного порядка на улицах, помимо работников милиции, принимали участие добровольные народные дружины (ДНД). В марте 1986 г. в Когалыме создан штаб ДНД, и уже к середине 1986 г. в городе действовали 42 дружины численностью 1267 человек. [2]

Информация о нарушителях антиалкогольного законодательства, задержанных на улицах, направлялась по месту их работы для принятия мер общественного воздействия. Постановлением бюро горкома КПСС от 22.01.1986 г. в городе создано три совета общественности при опорных пунктах охраны порядка [2], при горисполкоме и на предприятиях созданы комиссии по борьбе с пьянством. Помимо общественного осуждения и предания гласности

информации о нарушителях, они могли рекомендовать руководству предприятий применение к нарушителям мер дисциплинарного и экономического воздействия.

В справке о первых итогах деятельности комиссий по борьбе с пьянством от 17.06.1986 г. уже приводятся примеры эффективности этих мер общественного контроля: «Следует отметить работу комиссии по борьбе с пьянством СМП-524 объединения «Тюменьстройпуть» (председатель Антонец Ю.А.). Комиссия осуществляет свою деятельность с января 1986 г., в четырёх подведомственных цехах созданы наркопосты, ими выявлено и поставлено на учёт 15 человек, употребляющих спиртные напитки и неправильно ведущих себя в быту. За всеми этими нарушителями закреплены шефы-наставники. В настоящее время по решению комиссии 3 человека проходят курс добровольного лечения в городском наркокабинете, за остальными осуществляется постоянный контроль в быту и на производстве. За 4 месяца 1986 г. на заседаниях комиссии обсуждено 6 нарушителей трудовой дисциплины (появление на работе в нетрезвом состоянии), все они были подвергнуты штрафу в 30 рублей». В справке также отмечается, что за 4 месяца работы комиссии в организации сократилось количество прогулов по причине пьянства в 4 раза (в 1985 г. — 16, в 1986 г. — 4), исчезли случаи привлечения сотрудников к уголовной ответственности за хулиганство. [2]

С. Мижаев, член комиссии по борьбе с пьянством треста «Когалымнефтеспецстройдорремонт», так подводил итоги деятельности комиссии в 1986 г. на страницах газеты «Когалымский рабочий»: «Головная комиссия по борьбе с пьянством и алкоголизмом работает <...> активно и целенаправленно. <...> Комиссия заседает регулярно, оперативно рассылает её решения, налажен ежемесячный учёт профилактических мер, проводимых во всех управлениях». В результате работы комиссии сократилось количество нарушителей трудовой дисциплины на 11,2%, число попавших в медвытрезвитель — в три раза, а потери рабочего времени — на 30%. [10]

В подразделениях треста также функционировали комиссии по борьбе с пьянством. В качестве образцовой в публикации приводится в пример деятельность комиссии по борьбе с пьянством СУМР-1: «На заседаниях комиссии управления регулярно отчитываются руководители производственных участков, председатели советов общежитий, старший инженер по безопасности движения, фельдшеры. По ходатайству комиссии 17 человек уже лишены вознаграждения по итогам работы за 1986 г., а 4 человека — прав управления автотранспортом. Десятки человек лишены текущей премии, многие выпивохи стали объектом обсуждения на заседаниях комиссии. Есть и лица, переведённые на нижеоплачиваемую работу». [10]

При этом подход комиссий к выполнению своих задач, за некоторыми исключениями, часто носил формальный характер. Так, в первом полугодии 1987 г. на информацию о нарушителях антиалкогольного законодательства, направленную правоохранительными органами в трудовые коллективы, поступило только 27,5% ответов о принятых мерах. В связи с этим был ужесточён контроль за нарушителями антиалкогольного законодательства со стороны работодателя: лиц, задержанных в нетрезвом состоянии, стали передавать непосредственно руководителям предприятий «с рук на руки». [14]

Ещё одним общественным формированием, проводящим в жизнь принципы государственной политики в сфере борьбы с пьянством, стала городская организация Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость. Она была создана в Когалыме в январе 1986 г. и уже к середине года имела 18 первичных организаций, охватывающих 238 человек. [2] Председателем городской организации стал С.М. Вайншток, заместитель генерального директора по кадрам и быту ПО «Башнефть» по Западной Сибири (впоследствии — заместитель генерального директора по социальным вопросам вновь созданного ПО «Когалымнефтегаз»). Опираясь на свой авторитет в городе, С.М. Вайншток ставил перед организацией амбициозные цели: «Хочу ещё раз подчеркнуть, что наша городская

организация общества борьбы за трезвость уже своим названием говорит о конечной цели этой борьбы — полном искоренении потребления алкоголя». Он предлагал развернуть широкую кампанию по борьбе с пьянством, агитировать за создание общества трезвости в каждом рабочем коллективе. [11]

В 1987 г., наряду с другими общественными организациями, городская организация общества трезвости выдвигала своих кандидатов на выборы Когалымского городского Совета народных депутатов. [5]

Большое значение в развитии антиалкогольной кампании в этот период придавалось выявлению и реабилитации больных алкоголизмом. При медсанчасти НГДУ «Повхнефть», выполнявшей функции городской больницы, открыт наркологический кабинет. К середине 1986 г. сотрудниками милиции совместно с наркологической службой города выявлено и поставлено на учёт 273 человека, из них 5 с алкогольными психозами. 25% выявленных больных направлены для прохождения стационарного лечения от алкогольной зависимости в Сургут. [2] В течение 1986 г. на предприятиях города было организовано 117 наркопостов. К концу 1986 г. на учёте в наркологической службе стояло 392 человека [4], к концу 1987 г. — 369 [6]. Более половины из них, по заключению нарколога, нуждались в стационарном лечении.

Практически все больные, проходящие лечение от алкоголизма, были направлены в наркологический кабинет правоохранительными органами. Согласно действовавшему законодательству, уклоняющиеся от лечения хронические алкоголики подлежали направлению в лечебно-трудовые профилактории (ЛТП) для принудительного лечения и трудового перевоспитания на срок до двух лет. [28]

В прессе периодически публиковалась информация о работе городского наркологического кабинета, в том числе отзывы пациентов. Так, в июне 1987 г. один из постоянных посетителей кабинета Ш. Иванов, «по поручению группы товарищей», писал в газете «Когалымский рабочий»: «[Теперь] я снова могу честно трудиться, прямо смотреть товарищам в глаза, восстанавливать свой потерянный авторитет. Я очень благодарен и администрации, поверившей мне и направившей в наркологический кабинет». [13]

Постановлением Совета Министров РСФСР от 28.06.1985 г. № 273 «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения» органам исполнительной власти на местах предписывалось, в том числе, «активнее вовлекать граждан в общественно-политическую жизнь, научно-техническое творчество, пробуждать глубокий интерес к художественной самодеятельности, искусству, физкультуре и спорту». Для этого предполагалось создать условия, благоприятствующие использованию свободного времени без употребления алкоголя — активизировать работу и расширить сеть кинотеатров, домов культуры, библиотек, спортивных сооружений. [26]

Отчитываясь о результатах работы по этому направлению, горисполком в июне 1986 г. отмечал, что режим функционирования городских культпросветучреждений перестроен в связи с ориентацией их деятельности на вечернее время, выходные и праздничные дни. Для координации культурно-просветительной и спортивно-оздоровительной работы создан Когалымский городской культурно-спортивный комплекс. Взяты на учёт все имеющиеся Красные уголки, актовые залы, спортивные сооружения предприятий и организаций.

Имея в виду в том числе и исполнение антиалкогольного законодательства, бюро горкома КПСС приняло постановление о проведении в Когалыме фестиваля самодеятельного народного творчества, проведён также смотр детской художественной самодеятельности. В подвальных помещениях школ и жилых домов открыты подростковый клуб «Факел», шахматный, радио— и судомодельный клубы, пункты проката спортивного инвентаря. Только за первое полугодие 1986 г. в городе проведено 14 массовых спортивных мероприятий, в которых приняло участие более 25 тыс. человек.

Учитывая слабое развитие городской сети культурно-просветительских и спортивных объектов (в городе отсутствовали кинотеатр, дом культуры, полноценный спорткомплекс), партийные и советские органы обратились за помощью к горожанам, после чего «все жители города взяли обязательство отработать по 4 дня безвозмездно на строительстве объектов социально-культурного назначения». [2]

Безусловно, развитие сети городских учреждений культуры и спорта было предусмотрено общим планом социально-экономического развития Когалыма. Включение этих мероприятий в контекст исполнения антиалкогольного законодательства повлекло за собой лишь незначительные частные корректировки, но дало возможность учитывать успехи в этой сфере в том числе как результат борьбы с пьянством и алкоголизмом.

В этой связи интересно упомянуть также о целом комплексе мер, проведение которых предусматривалось в общем ходе антиалкогольной кампании, но эффективность которых не могла быть точно просчитана. К ним относятся, в первую очередь, меры по антиалкогольной пропаганде. Так, административными органами и работниками здравоохранения перед населением и трудовыми коллективами за 6 месяцев 1986 г. прочитано 30 лекций антиалкогольной тематики, работниками ГОВД проведено 65 бесед в трудовых коллективах и школах по разъяснению законодательства по борьбе с пьянством и алкоголизмом (всего с момента выхода Указа до середины 1986 г. проведено 267 лекций и бесед).

Особенно активно такие формы работы использовались в школах: на классных часах проводились беседы и лекции («Алкоголь и подросток», «Вредное влияние алкоголя на организм», «Алкоголь и наследственность» и др.), организовывались читательские конференции с привлечением сторонних специалистов, которые приводили конкретные примеры негативного влияния алкоголя на жизнь человека. Антиалкогольная тематика была интегрирована в учебный материал уроков биологии, литературы, истории. [2]

В городской газете открыты постоянные рубрики «Трезво о пьянстве» и «Порок — за порог», где публиковались материалы антиалкогольной тематики (мнения врачей, отчёты о рейдах по контролю соблюдения антиалкогольного законодательства, сообщения о негативных проявлениях пьянства в быту и т.д.).

Некоторый пессимизм по поводу эффективности мер антиалкогольной пропаганды, констатация формального подхода к этой работе, отмечается в докладе первого секретаря горкома КПСС А.М. Спирина на пленуме горкома в мае 1987 г.: «Проводимая в трудовых коллективах работа дала определённый положительный результат. Нет необходимости в очередной раз повторять сколько, где и чего снизилось, для нас более важным является тот факт, что уровень пьянства и связанных с ним пороков продолжает оставаться высоким. <...> Многие первичные организации общества борьбы за трезвость лишь числятся на бумаге, нет в их действиях ни настойчивости, ни последовательности». [12]

Несмотря на широкий размах и разнообразие принимаемых мер в сфере борьбы с пьянством и алкоголизмом, к осени 1988 г. стало понятно, что антиалкогольная кампания в целом не дала ожидаемого положительного эффекта и даже обострила проблемы в обществе и экономике.

Из-за резкого сокращения продажи алкогольных напитков выросли очереди в торговле. Кроме того, освободившиеся от покупки спиртного денежные средства население перенаправило на покупку других товаров народного потребления, что вызвало сокращение товарных запасов и дефицит в торговле. Выросли спекуляция спиртными напитками и самогонование, количество случаев отравления бытовыми спиртосодержащими жидкостями, наркомания.

12 октября 1988 г. Политбюро ЦК КПСС приняло постановление «О ходе выполнения постановлений ЦК КПСС по вопросам усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом», в котором отмечалось, что «широкие возможности, созданные для усиления борьбы с пьянством

и алкоголизмом, во многих регионах не были использованы должным образом, не подкреплены кропотливой повседневной работой». Документ констатировал, что борьба с алкоголизмом велась зачастую формально и не вызвала широкого общественного отклика. Не отказываясь в целом от ранее намеченных антиалкогольных мер, ЦК КПСС рекомендовал вести борьбу с пьянством «не допуская ни пассивности, ни забегания вперёд, сосредоточивая усилия на профилактических, воспитательных мерах, формировании у всех советских людей твёрдых антиалкогольных убеждений». [25]

На местах постановление было понято как фактическое сворачивание активной фазы кампании. В обществе накопилась усталость от жёстких, а иногда и не имеющих логического обоснования запретов, поэтому смягчение антиалкогольных мер было воспринято с облегчением: местная власть получила возможность ослабить «накал борьбы», а граждане — отчасти самостоятельно принимать решения по поводу проведения своего досуга. К тому же, ухудшение социально-экономического положения в стране в этот период ставило перед людьми гораздо более серьёзные проблемы, чем борьба с пьянством. Призывы и лозунги антиалкогольной направленности становятся всё более формальными, эта тематика всё реже затрагивается в материалах местной прессы. Однако, несмотря на сворачивание непопулярных в обществе реформ, большинство антиалкогольных государственных мер оставалось в силе до 1992 г., постепенно теряя свою эффективность. [27]

Количество выявленных случаев нарушения антиалкогольного законодательства в Когалыме оставалось значительным. Так, в 1989 г. за спекуляцию спиртными напитками подверглись наказанию 5 человек [19], за самогонование было наказано 67 нарушителей, у которых изъято 907 литров продукции и 12 аппаратов. [20]

За 11 месяцев 1990 г. за появление в пьяном виде в общественных местах в административном порядке наказан 341 человек, 47 человек привлечено к ответственности за самогонование, у них изъято и затем уничтожено 2583 литров браги и самогона. За приобретение с рук крепких спиртных напитков домашней выработки наказаны 27 человек. [22]

В сфере торговли спиртными напитками также происходили постепенные изменения. С целью снижения напряжённости и в попытке уменьшить очереди, уже в 1987 г. торговля спиртными напитками вместо одного специализированного магазина была разрешена в вино-водочных отделах трёх крупнейших ОРСов города.

Одним из вариантов упорядочения торговли алкоголем виделось введение талонов на алкоголь, причём инициатива исходила от жителей города, которые писали в газету: «Если уж ограничивать потребление спиртного, так пусть будет талонная система, как в некоторых городах: по две бутылки водки в месяц на человека. И ничего в этом зазорного нет. Почему на мясо талоны — это не стыдно для города, а на спиртное — стыдно?» [16]

Этот подход первоначально встретил резкую критику со стороны горисполкома. Первый заместитель председателя горисполкома В.А. Тихончик отмечал в сентябре 1987 г.: «Скажу сразу: система талонов на спиртное в городе вводиться не будет. <...> Ввести талоны — значит узаконить спекуляцию этими талонами, заставить пить тех, кто не хочет, но имеет талон, а стало быть — вынужден его использовать». [16]

Однако в 1989 г. горисполком, при молчаливом одобрении партийных органов, всё же был вынужден ввести талоны на продажу спиртных напитков. Первый секретарь горкома КПСС А.М. Спирин, который и сам ранее был противником талонной системы, говорил в одном из интервью: «Буквально на всех собраниях, в трудовых коллективах высказывались претензии по продаже спиртного, это издевательство над людьми, прямо так и говорили. Поэтому считаю, что эта временная мера пока необходима. Думаю, это должно снизить и спекуляцию спиртными напитками». [18]

Следующим шагом стало решение Президиума горсовета № 72 от 17.11.1990 г., которое, пусть и с оговорками, фактически вводило на территории города свободную торговлю спирт-

ными напитками. Оно разрешало кооперативам и другим предприятиям, в уставе которых указана торгово-посредническая деятельность, коммерческую торговлю ликёро-водочными изделиями по согласованию с горисполкомом. Полученная в результате дополнительная выручка (разница между коммерческой и государственной ценой), должна была распределяться в следующем порядке: 40% — в доход бюджета РСФСР, 40% — в доход местного бюджета, 10% — предприятию-изготовителю, 10% — остаётся в распоряжении торгового предприятия. [21]

Учитывая то, что торгово-посреднические предприятия негосударственного сегмента в этот период переживали бурный рост, фактически предоставление им права торговли спиртными напитками означало окончание антиалкогольной кампании в Когалыме.

ВЫВОДЫ. Таким образом, антиалкогольная кампания в Когалыме фактически продолжалась с начала 1986 г. до конца 1990 г. и строилась преимущественно на методах административного воздействия и контроля. Опираясь на принятые в рамках антиалкогольной кампании нормативно-правовые акты, органы местной исполнительной власти резко ограничили торговлю спиртными напитками, алкоголь фактически исчез из свободной продажи. Правоохранительные органы активно боролись с нарушениями антиалкогольного законодательства, привлекая нарушителей к ответственности за нарушение общественного порядка, а также инициируя привлечение их к дисциплинарной ответственности по месту работы и направляя на принудительное лечение.

Вопрос об эффективности принятых мер остаётся дискуссионным. С одной стороны, легальный оборот алкоголя значительно уменьшился, но в то же время существенно вырос объём реализации спиртных напитков домашнего производства. Введение талонной системы не исправило ситуацию.

Форсированные ограничительные меры вызывали раздражение в обществе. Соглашаясь в целом с необходимостью борьбы с пьянством, горожане были недовольны выбранными методами, практически не оставляющими легальной возможности приобретения алкоголя.

Воспитательная и разъяснительная работа, антиалкогольная агитация велись часто формально, а при постепенном свёртывании антиалкогольной кампании от их системного применения отказались в первую очередь. При постоянной потребности предприятий в рабочей силе меры общественного осуждения пьяниц, а также привлечение их к дисциплинарной ответственности оставались малоэффективными.

Ещё одним косвенным свидетельством системных недоработок в организации антиалкогольной кампании является статистика разводов: если в 1986 г. в Когалыме, по данным органов ЗАГС, по причине пьянства в семье происходило 12% разводов [2], то в 1988 г. — уже 45%. [17] На наш взгляд, это говорит о снижении культуры употребления спиртных напитков, общем стремлении к маргинализации самого явления.

В целом, антиалкогольная кампания на примере города Когалыма показала, что административными мерами можно держать ситуацию под контролем, но для достижения долговременного положительного эффекта необходим комплексный, системный подход к проблеме, цели и методы которого логически непротиворечивы и понятны каждому члену общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архивный отдел Администрации г. Когалыма. Ф. 3 Оп. 1 Д. 5 Л. 12.
2. Архивный отдел Администрации г. Когалыма. Ф. 3 Оп. 1 Д. 13 Л. 149-155.
3. Архивный отдел Администрации г. Когалыма. Ф. 3 Оп. 1 Д. 16 Л. 63, 68, 88.
4. Архивный отдел Администрации г. Когалыма. Ф. 3 Оп. 1 Д. 19 Л. 28-36.
5. Архивный отдел Администрации г. Когалыма. Ф. 3 Оп. 1 Д. 21 Л. 7-8.
6. Архивный отдел Администрации г. Когалыма. Ф. 3 Оп. 1 Д. 62 Л. 17-24.

7. Ващук А.С., Крушанова Л.А. Антиалкогольная политика в СССР в годы перестройки и её последствия в дальневосточном регионе // Россия и АТР. 2014. № 4 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antialkoholnaya-politika-v-sssr-v-gody-perestroyki-i-eyo-posledstviya-v-dalnevostochnom-regione> (дата обращения: 15.03.2022).
8. Иванов А.М., Фоменков А.А. Последняя советская кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом: опыт Смоленской области (1985–1987) // Studia Humanitatis. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poslednyaya-sovetskaya-kampaniya-po-borbe-s-pyanstvom-i-alkogolizmom-opyt-smolenskoj-oblasti-1985-1987> (дата обращения: 15.03.2022).
9. Из доклада М.С. Горбачёва на Пленуме ЦК КПСС 25 апреля 1985 года. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/aprel_doklad_msg.pdf (дата обращения: 15.03.2022).
10. Когалымский рабочий. — 1987. — 29 января (№ 13).
11. Когалымский рабочий. — 1987. — 7 февраля (№ 17).
12. Когалымский рабочий. — 1987. — 21 мая (№ 62).
13. Когалымский рабочий. — 1987. — 9 июня (№ 70).
14. Когалымский рабочий. — 1987. — 16 июля (№ 86).
15. Когалымский рабочий. — 1987. — 22 августа (№ 102).
16. Когалымский рабочий. — 1987. — 8 сентября (№ 109).
17. Когалымский рабочий. — 1989. — 27 мая (№ 62).
18. Когалымский рабочий. — 1989. — 30 мая (№ 63).
19. Когалымский рабочий. — 1990. — 29 марта (№ 39).
20. Когалымский рабочий. — 1990. — 5 апреля (№ 43).
21. Когалымский рабочий. — 1990. — 4 декабря (№ 141).
22. Когалымский рабочий. — 1990. — 6 декабря (№ 142).
23. Немцов А.В. Потребление алкоголя и смертность в России // Социологические исследования. 1997. № 9. С. 113–116.
24. Нестеренко П.Л. Борьба с пьянством и алкоголизмом в Томске (1985–1988 гг.): успехи и неудачи // Вестник ТГПУ. 2015. № 2 (155). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-pyanstvom-i-alkogolizmom-v-tomske-1985-1988-gg-uspehi-i-neudachi> (дата обращения: 15.03.2022).
25. О некоторых негативных явлениях в борьбе с пьянством и алкоголизмом (информация) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 1 (288). С. 48–51.
26. Постановление Совета Министров РСФСР от 28.06.1985 г. № 273 «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_12784.htm (дата обращения: 09.12.2021).
27. Соколова Т.Л. Правовое регулирование производства и оборота алкогольной продукции в СССР в 1985–1991 гг. // Образование и право. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-proizvodstva-i-oborota-alkogolnoy-produktsii-v-sssr-v-1985-1991-gg> (дата обращения: 15.03.2022).
28. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16.05.1985 г. № 398-XI «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_12693.htm (дата обращения: 15.03.2022).
29. Фокина С.Н. Причины введения и основные результаты антиалкогольной кампании Советского государства второй половины 1980-х годов на территории Челябинской области // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-vvedeniya-i-osnovnye-rezultaty-antialkoholnoy-kampanii-sovetskogo-gosudarstva-vtoroy-pолоviny-1980-h-godov-na-territorii> (дата обращения: 15.03.2022).
30. Фоменков А.А. Антиалкогольная кампания в Горьковской области в годы перестройки // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2019. Том 4. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antialkoholnaya-kampaniya-v-gorkovskoy-oblasti-v-gody-perestroyki> (дата обращения: 15.03.2022).

REFERENCES

1. *Arhivnyj otdel Administracii g. Kogalyma* [Administration Archive department of Kogalym] F. 3 Op. 1 D. 5 L. 12. (In Russian).
2. *Arhivnyj otdel Administracii g. Kogalyma* [Administration Archive department of Kogalym] F. 3 Op. 1 D. 13 L. 149–155. (In Russian).
3. *Arhivnyj otdel Administracii g. Kogalyma* [Administration Archive department of Kogalym] F. 3 Op. 1 D. 16 L. 63, 68, 88. (In Russian).
4. *Arhivnyj otdel Administracii g. Kogalyma* [Administration Archive department of Kogalym] F. 3 Op. 1 D. 19 L. 28–36. (In Russian).
5. *Arhivnyj otdel Administracii g. Kogalyma* [Administration Archive department of Kogalym] F. 3 Op. 1 D. 21 L. 7–8. (In Russian).
6. *Arhivnyj otdel Administracii g. Kogalyma* [Administration Archive department of Kogalym] F. 3 Op. 1 D. 62 L. 17–24. (In Russian).
7. Vashhuk A.S., Krushanova L.A. *Antialkogol'naja politika v SSSR v gody perestrojki i ejo posledstviya v dal'nevostochnom regione* [Anti-alcohol policy in the USSR during the perestroika years of and its consequences in the Far Eastern region] // *Rossija i ATR*. 2014. № 4 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antialkogolnaya-politika-v-sssr-v-gody-perestrojki-i-eyo-posledstviya-v-dalnevostochnom-regione> (data obrashhenija: 15.03.2022). (In Russian).
8. Ivanov A.M., Fomenkov A.A. *Poslednjaja sovetskaja kampanija po bor'be s p'janstvom i alkogolizmom: opyt Smolenskoj oblasti (1985–1987)* [The last Soviet campaign to combat drunkenness and alcoholism: the experience of the Smolensk region (1985–1987)] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poslednyaya-sovetskaya-kampaniya-po-borbe-s-pyanstvom-i-alkogolizmom-opyt-smolenskoy-oblasti-1985-1987> (data obrashhenija: 15.03.2022). (In Russian).
9. *Iz doklada M.S. Gorbachjova na Plenum CK KPSS 25 aprelja 1985 goda* [From the report of M.S. Gorbachev at the Plenum of the Central Committee of the CPSU on April 25, 1985] URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/aprel_doklad_msg.pdf (data obrashhenija: 15.03.2022). (In Russian).
10. *Kogalymskij rabochij* [Kogalym worker]. — 1987. — 29 janvarja (№ 13). (In Russian).
11. *Kogalymskij rabochij* [Kogalym worker]. — 1987. — 7 fevralja (№ 17). (In Russian).
12. *Kogalymskij rabochij* [Kogalym worker]. — 1987. — 21 maja (№ 62). (In Russian).
13. *Kogalymskij rabochij* [Kogalym worker]. — 1987. — 9 ijunja (№ 70). (In Russian).
14. *Kogalymskij rabochij* [Kogalym worker]. — 1987. — 16 ijulja (№ 86). (In Russian).
15. *Kogalymskij rabochij* [Kogalym worker]. — 1987. — 22 avgusta (№ 102). (In Russian).
16. *Kogalymskij rabochij* [Kogalym worker]. — 1987. — 8 sentjabrja (№ 109). (In Russian).
17. *Kogalymskij rabochij* [Kogalym worker]. — 1989. — 27 maja (№ 62). (In Russian).
18. *Kogalymskij rabochij* [Kogalym worker]. — 1989. — 30 maja (№ 63). (In Russian).
19. *Kogalymskij rabochij* [Kogalym worker]. — 1990. — 29 marta (№ 39). (In Russian).
20. *Kogalymskij rabochij* [Kogalym worker]. — 1990. — 5 aprelja (№ 43). (In Russian).
21. *Kogalymskij rabochij* [Kogalym worker]. — 1990. — 4 dekabrja (№ 141). (In Russian).
22. *Kogalymskij rabochij* [Kogalym worker]. — 1990. — 6 dekabrja (№ 142). (In Russian).
23. Nemcov A.V. *Potreblenie alkogolja i smernost' v Rossii* [Alcohol consumption and mortality in Russia] // *Sociologicheskie issledovanija*. 1997. № 9. S. 113–116. (In Russian).
24. Nesterenko P.L. *Bor'ba s p'janstvom i alkogolizmom v Tomske (1985–1988 gg.): uspehi i neudachi* [The fight against drunkenness and alcoholism in Tomsk (1985–1988): successes and failures] // *Vestnik TGPU*. 2015. № 2 (155). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-pyanstvom-i-alkogolizmom-v-tomske-1985-1988-gg-uspehi-i-neudachi> (data obrashhenija: 15.03.2022). (In Russian).
25. *O nekotoryh negativnyh javlenijah v bor'be s p'janstvom i alkogolizmom (informacija)* [On some negative phenomena in the fight against drunkenness and alcoholism (information)] // *Izvestija CK KPSS*. 1989. № 1 (288). S. 48–51. (In Russian).

26. *Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR ot 28.06.1985 g. № 273 «O merah po preodoleniju p'janstva i alkogolizma, iskoreneniju samogonovarenija»* [The Council of Ministers Resolution of the RSFSR dated June 28, 1985, No. 273 «On measures to overcome drunkenness and alcoholism, and the eradication of moonshine»] URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_12784.htm (data obrashhenija: 15.03.2022). (In Russian).
27. Sokolova T.L. *Pravovoe regulirovanie proizvodstva i oborota alkohol'noj produkcii v SSSR v 1985–1991 gg.* [Legal regulation of production and circulation of alcoholic beverages in the USSR in 1985–1991] // *Obrazovanie i pravo*. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-proizvodstva-i-oborota-alkogolnoy-produktsii-v-sssr-v-1985-1991-gg> (data obrashhenija: 15.03.2022). (In Russian).
28. *Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR ot 16.05.1985 g. № 398-XI «O merah po usileniju bor'by protiv p'janstva i alkogolizma, iskoreneniju samogonovarenija»* [Ehe Presidium Decree of the Supreme Soviet of the RSFSR dated May 16, 1985, No. 398-XI «On measures to strengthen the fight against drunkenness and alcoholism, and the eradication of moonshine»] URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_12693.htm (data obrashhenija: 15.03.2022). (In Russian).
29. Fokina S.N. *Prichiny vvedeniya i osnovnye rezul'taty antialkohol'noj kampanii Sovetskogo gosudarstva vtoroj poloviny 1980-h godov na territorii Cheljabinskoj oblasti* [The reasons for the introduction and the main results of the anti-alcohol campaign of the Soviet state in the second half of the 1980s on the territory of the Chelyabinsk region] // *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-vvedeniya-i-osnovnye-rezultaty-antialkoholnoy-kampanii-sovetskogo-gosudarstva-vtoroy-poloviny-1980-h-godov-na-territorii> (data obrashhenija: 15.03.2022). (In Russian).
30. Fomenkov A.A. *Antialkohol'naja kampanija v Gor'kovskoj oblasti v gody perestrojki* [Anti-alcohol campaign in the Gorky region during the years of perestroika] // *Omskij nauchnyj vestnik. Serija «Obshhestvo. Istorija. Sovremennost'»*. 2019. Tom 4. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antialkogolnaya-kampaniya-v-gorkovskoy-oblasti-v-gody-perestrojki> (data obrashhenija: 15.03.2022). (In Russian).

Сведения об авторах

Амбарова Полина Анатольевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

Ambarova Polina Anatolyevna — Doctor of Science (Sociology), Professor, Department of Sociology and Technology of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg

E-mail: borges75@mail.ru

Барсегян Сирануш Тиграновна — студент, медицинский институт, Сургутский государственный университет

Barseghyan Siranush Tigranovna — student, Medical Institute, Surgut State University

E-mail: barseghyan.st@mail.ru

Богдан Дарья Ивановна — начальник отдела мониторинга качества обучения, Сургутский государственный педагогический университет.

Bogdan Daria Ivanovna — Head of the Department for Monitoring the Quality of Education, Surgut State Pedagogical University

E-mail: DFilippova@SURGPU.RU

Виниченко Михаил Васильевич — доктор исторических наук, профессор, профессор гуманитарного факультета Российского государственного социального университета

Vinichenko Mikhail Vasilievich — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of Faculty of Humanities, Russian State Social University, Moscow

E-mail: mih-vas2006@yandex.ru

Власова Ольга Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-экономического образования и философии, декан факультета управления, Сургутский государственный педагогический университет.

Vlasova Olga Vladimirovna — PhD (Sociology), Associate Professor of the Department of Socio-Economic Education and Philosophy, Dean of the Faculty of Management, Surgut State Pedagogical University

E-mail: ovlasova @surgpu.ru

Гаврилов Виктор Викторович — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет

Gavrilov Victor Victorovich — Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of the Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University

E-mail: victorg12@mail.ru

Гоголева Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Тульский государственный университет.

Gogoleva Elena Nikolaevna — PhD (Sociological Science), Associate Professor of the Department Sociology and Political Science, Tula State University

E-mail: elenagog@yandex.ru

Ермолаева Анастасия Владимировна — студентка 3-го курса направления «Реклама и связи с общественностью», уровень бакалавриата, Академия гражданской защиты МЧС России, Химки

Ermolaeva Anastasia Vladimirovna — 3d year Student of the Direction «Advertising and Public Relations», Undergraduate Level, Academy of Civil Defense of the EMERCOM of Russia, Khimki

E-mail: ermolaeva.nast17@gmail.com

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург.

Zborovskiy Garold Yefimovich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Honored Scientist of the Russian Federation, Yekaterinburg

E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Качесова Светлана Павловна — кандидат исторических наук, доцент факультета очного обучения, АНОО ВО «Сибирский институт бизнеса и информационных технологий», Омск.

Kachesova Svetlana Pavlovna — PhD (History), Associate Professor of the Faculty of Full-time Education, Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk.

E-mail: volf.svetlana.2015@mail.ru

Литовченко Ольга Геннадьевна — доктор биологических наук, профессор кафедры морфологии и физиологии, Сургутский государственный университет

Litovchenko Olga Gennadiyevna — Doctor of Biological Sciences, Professor of the Department of Morphology and Physiology, Surgut State University

E-mail: olgalitovchenko@mail.ru

Макушкин Сергей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент гуманитарного факультета Российского государственного социального университета

Makushkin Sergey Anatolievich — PhD (Historical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Faculty of Humanities of the Russian State Social University, Moscow.

E-mail: s_makin2009@mail.ru

Морозов Николай Михайлович — кандидат исторических наук, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук

Morozov Nikolay Mikhailovich — PhD (Historical Sciences), Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: oven.77777@mail.ru

Пиньковецкая Юлия Семеновна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономического анализа и государственного управления, Ульяновский государственный университет

Pinkovetskaia Iuliia Semenovna — PhD (Economics), Associate Professor, Associate Professor of Economic Analysis and State Management Department, Ulyanovsk State University

E-mail: judy54@yandex.ru

Рашевская Наталья Николаевна — к. ист. наук, доцент кафедры социально-гуманитарного образования, Сургутский государственный педагогический университет; старший научный сотрудник, Тюменский государственный университет.

Rashevskaya Natalia Nikolaevna — PhD (History), Associate Professor of Social and Humanities Study Department, Surgut State Pedagogical University; Senior Researcher at Tyumen State University.

E-mail: VNN.tmn@mail.ru

Стоянов Александр Сергеевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Академии гражданской защиты МЧС России, Химки

Stoyanov Alexander Sergeevich — PhD (Sociology), Associate Professor, Department of Advertising and Public Relations, Academy of Civil Defense, EMERCOM of Russia, Khimki

E-mail: stoianoff@mail.ru

Ткачук Наталья Витальевна — научный сотрудник отдела социально-экономического развития и мониторинга, БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», Ханты-Мансийск

Tkachuk Natalia Vitalievna — BI of KhMAO-Ygra «Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development», Researcher of the Department of Socio-economic development and monitoring, Khanty-Mansiysk

E-mail: Naksik1@yandex.ru

Тостановский Алексей Владимирович — доцент кафедры медико-биологических дисциплин и безопасности жизнедеятельности, Сургутский государственный педагогический университет

Tosanovsky Alexey Vladimirovich — Associate Professor of the Department of Bio-medical Disciplines and Life Safety of Surgut State Pedagogical University

E-mail: atos.70@mail.ru

Филиппова Ирина Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Московский государственный областной университет

Filippova Irina Nikolaevna — Doctor of Philology, Associate Professor Professor of Translation Studies and Cognitive Linguistics Department, Moscow Region State University

E-mail: little_lion06@mail.ru

Чернов Вячеслав Александрович — учёный секретарь, МАУ «Музейно-выставочный центр», Когалым

Chernov Vyacheslav Aleksandrovich — Scientific Secretary, Museum and Exhibition Center, Kogalym

E-mail: tchernov08@inbox.ru

Чуркин Михаил Константинович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Омский государственный педагогический университет; главный научный сотрудник ФГБУН «Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН»

Churkin Mikhail Konstantinovich — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of the Department of Russian History, Omsk State Pedagogical University; chief researcher of the Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Правила представления рукописи авторами

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей в научном журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета»

1 Общие положения

- 1.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» принимает к рассмотрению материалы, отвечающие профилю издания, не опубликованные ранее в других научных журналах и в сети Интернет. Присланные в редакцию материалы должны представлять собой оригинальные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы, основные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук. Для подтверждения этого требования мы рекомендуем заполнить автору статьи бланк соответствующего обязательства (см. Приложение).
- 1.2 Журнал публикует материалы в соответствии с актуальными рубриками:
 - в области педагогических наук: теория и методика профессионального образования;
 - в области исторических наук: отечественная история;
 - в области социологических наук: социальная структура, социальные институты и процессы.
- 1.3 Периодичность издания: выходит 6 раз в год и распространяется на территории Российской Федерации.
- 1.4 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» в процессе рассмотрения публикации статей руководствуется нормами международного и российского законодательства, этическими нормами, принятыми международным сообществом (Committee of Publication Ethics), также принципами независимости, добросовестности и ответственности редакторов и рецензентов.
- 1.5 Передача автором материалов в издание рассматривается как добровольная, безвозмездная и бессрочная передача прав на произведение научному журналу «Вестник Сургутского государственного педагогического университета».

2 Приём научных статей для публикации

- 2.1 Статьи принимаются к рассмотрению при строгом соблюдении требований к авторским оригиналам статей и наличии всех сопроводительных документов (сведения об авторах, авторское обязательство, отзыв научного руководителя для аспирантов).
- 2.2 Основаниями для включения статьи в журнал являются:
 - выполнение правил представления рукописей, сведений об авторах и требований к их оформлению;
 - оригинальность представленных материалов: она должна составлять не менее 75% (редакция проводит проверку статей с помощью сервиса «Антиплагиат»);
 - положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционной коллегией журнала.
- 2.3 К статьям аспирантов необходимо прилагать отзывы-рекомендации научных руководителей о целесообразности опубликования статьи.
- 2.4 Авторы несут ответственность за содержание статьи, за оригинальность, объективность и обоснованность публикуемых материалов, за достоверность приводимых результатов, отсутствие плагиата/фальсификации, за правильность ссылок на цитированные работы.

- 2.5 В журнале принято ограничение на возможное количество статей одного автора в одном выпуске журнала — до одной статьи, выполненной индивидуально, и до двух статей, выполненных в соавторстве.
- 2.6 Редакция оставляет за собой право редактирования текста статьи (небольшие исправления стилистического и формального характера, внесение несущественных изменений, не меняющих сути публикации, редактирование производятся без согласования с авторами) или отклонения материалов от публикации. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку. Исправленная рукопись (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию в течение 14 дней и повторно направляется на рецензирование.

3 Рецензирование научных статей, поступивших в редакцию

- 3.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих его тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3-х лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Редакционная коллегия определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой рукописи. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учётом создания условий для максимально оперативной публикации статьи, но составляют не более 30 дней. Рецензирование является слепым.
- 3.2 Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция научного журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий в электронном виде в случае мотивированного отказа опубликовать статью. Редакция также обязуется направлять копии рецензий в Высшую аттестационную комиссию и/или Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.
- 3.3 Неопубликованные рукописи не используются для личных целей и не передаются третьим лицам полностью или частично без письменного согласия автора.
- 3.4 С 1 июня 2016 года авторам опубликованных материалов бесплатно предоставляется электронная версия журнала. Печатный вариант можно получить, оформив полугодовую подписку.
- 3.5 Каждой опубликованной статье присваивается дискретный идентификатор объекта DOI (стандарт обозначения представленной в сети информации об объекте).

4 Требования к материалам и рукописям

- 4.1 Статьи и электронные версии всех необходимых документов (сведения об авторе/авторах, отзыв-рекомендация научного руководителя и т.п.) отдельными файлами направляются в редакцию журнала по электронной почте на адрес: vestnik@surgpu.ru. При пересылке материалов по электронной почте в строке «тема» указать: «Статья в журнал».
- 4.2 В сведениях об авторе/авторах на русском и английском языках указываются:
- фамилия, имя, отчество (полностью);
 - учёная степень (полностью, без сокращений, с указанием специальности, по которой защищена диссертация и основных направления научных исследований);
 - учёное звание;

- должность и место работы (без сокращений; название организации должно совпадать с названием в Уставе организации);
- адрес с почтовым индексом;
- контактные данные: телефоны (рабочий, домашний, сотовый), адрес электронной почты.

Образец:

Гололобов Евгений Ильич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарного образования, проректор по научной работе, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Golobov Evgeny Ilyich — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of Social and Humanities Study Department, Vice-rector on scientific work, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: pr_science@surgpu.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ СТАТЬИ**Электронная копия**

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия автора русскими буквами (например: Иванов_doc.).

Гарнитура (шрифт)

Times New Roman, размер — 14 пт.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ — 1 см. Междустрочный интервал — полуторный.

Выравнивание по ширине. Все поля — 2 см. Без уплотнения и ручных переносов.

Оформление статьи

Структура текста:

- индексы УДК и ББК с выравниванием по левому краю;
- информация об авторе/ авторах: инициалы и фамилия (с выравниванием по левому краю заглавными буквами) на русском и английском языках;
- название статьи (заглавными буквами с выравниванием по центру) на русском и английском языках;
- аннотация статьи (объем — от 500 до 1800 знаков с пробелами) размещается после названия статьи на русском и английском языках (слово «аннотация» не пишется) с обязательными компонентами: «Введение», «Цель», «Материал и методы» и «Результаты и научная новизна»;
- ключевые слова по содержанию статьи размещаются после аннотации с заголовком «Ключевые слова» (указывается до 8 слов на русском и английском языках);
- основной текст статьи должен включать в себя следующие разделы: Введение; Цель; Материалы и методы; Результаты и обсуждение результатов; Выводы. В статье необходимо обозначить актуальность и новизну исследования. Объем статьи — 15–40 тыс. знаков;
- литература должна быть представлена на русском языке с переводом на английский язык (требования к списку литературы указаны ниже).

Не допускается вставка разрывов страниц, разделов и т.д.

Примечания. Сокращения. Ссылки. Цитаты

Примечания, комментарии и пояснения к тексту статьи даются в виде постраничных сносок. Вводимые в статью сокращения (кроме общеизвестных),

аббревиатуры организаций, названия тестов, анкет, условные обозначения и т.д. должны быть расшифрованы сразу после первого упоминания.

Ссылки на первоисточники приводятся по тексту статьи. В конце предложения заключаются в квадратные скобки с указанием номера источника из библиографического списка и страницы, например: ...о преимуществах деятельностного подхода [3, с. 52]. Если осуществляется ссылка на несколько источников, то они перечисляются в порядке возрастания номеров в списке литературы через запятую, например: [3, с. 29-28; 5, 12].

Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются.

Цитаты заключаются в кавычки, например: «...однозначно принято решение о реализации компетентностного подхода в вузе» [7, с. 21]. В квадратных скобках первым указан номер источника, после запятой — номер страницы, с которой взята цитата.

Требования к списку литературы

Список литературы (входит в общий объём статьи) должен обозначаться словом «Литература», размещаться в конце статьи.

Количественные требования: не менее 7 и не более 15 для статьи, для обзора — не более 30.

Качественные требования: желательно упоминать работы не только отечественных исследователей, но и зарубежных; не включать в список литературы учебные пособия, если это не оправдано целями исследования, научных трудов, которые не имеют отношения к теме исследования, степень давности литературных источников не должна превышать 10 лет, кроме случаев отсутствия аналогичных источников за данный период, к таким, в частности, относятся классические работы без переизданий.

Этические требования: допускается самоцитирование автора не более 30% всех источников из списка литературы, обязательна новизна исследования, если оно опирается на ранее изданные самим автором работы.

Образец:

Литература

1. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Т.Г. Динесман. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 990 с.
2. Авдеева О.А. Средства выражения концепта «возраст» в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 220 с.
3. Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян / пер., примеч. и послесл. С.И. Радцига. 3-е изд., испр. М.: Флинта: МСПИ, 2007. 233 с.
4. Бессарабова Н.Д. Метафора и образность газетно-публицистической речи // Поэтика публицистики: [Сб. ст.] / Под ред. Г.Я. Солганика. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 21-34.
5. Королькова А.В. Афористика И.С. Тургенева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2 (83). С. 113-116.
6. Патенко Г.Р. Русская антропонимия романического пространства Д.И. Стахеева: Автореф. ... канд. филол. наук. Елабуга, 2007. 22 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
8. Токтагазин М.Б. Жанрово-стилистические особенности русской эпистолярной публицистики в исторической ретроспективе и современности.

URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=19766> (дата обращения: 11.08.2020).

References

1. A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie [A.A. Fet and his literary environment]: v 2 kn. Kn. 1 / otv. red. T.G. Dinesman. M.: IMLI RAN, 2008. 990 s. (In Russian).
2. Avdeeva O.A. Sredstva vy'razheniya koncepta «vozrast» v anglijskom yazy'ke [Means of Expressing the Concept «Age» In English]: Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2007. 220 s. (In Russian).
3. Aristotel'. Afinskaya politiya. Gosudarstvennoe ustrojstvo afinyan [Athenian polity. State structure of the Athenians] / per., primech. i poslesl. S.I. Radciga. 3-e izd., ispr. M.: Flinta: MSPI, 2007. 233 s. (In Russian).
4. Bessarabova N.D. Metafora i obraznost' gazetno-publicisticheskoy rechi [Metaphor and imagery of newspaper and publicistic speech] // Poe'tika publicistiki: [Sb. st.] / Pod red. G.Ya. Solganika. M.: Izd-vo MGU, 1990. S. 21-34. (In Russian).
5. Korol'kova A.V. Aforistika I.S. Turgeneva [The aphoristics of I.S. Turgenev] // Ucheny'e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e i social'ny'e nauki. 2019. № 2 (83). S. 113-116. (In Russian).
6. Patenko G.R. Russkaya antroponimiya romanicheskogo prostranstva D.I. Staxeeva [Russian anthroponymy of the romantic space of D.I. Stakheeva]: Avtoref. ... kand. filol. nauk. Elabuga, 2007. 22 s. (In Russian).
7. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantiko-kognitivny'j analiz yazy'ka [Semantic-cognitive analysis of language]. Monografiya. Voronezh: Istoki, 2007. 250 s. (In Russian).
8. Toktagazin M.B. Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti russkoj e'pistol'noy publicistiki v istoricheskoy retrospektive i sovremennosti [Genre and stylistic features of Russian epistolary journalism in historical retrospective and the present]. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=19766> (data obrashheniya: 11.08.2020). (In Russian).

Таблицы. Рисунки. Иллюстрации. Диаграммы

Все таблицы, рисунки, диаграммы и прочие графические объекты размещаются строго в рамках указанных полей шириной 12,5 см, размер кегля — 10 пт, междустрочный интервал — одинарный.

Таблицы (не более 10 столбцов) должны иметь содержательное название.

Как таблицы, так и рисунки следует пронумеровать, если их несколько. В примечаниях к таблицам объясняются все сокращения или обозначения. В тексте статьи должны быть ссылки на таблицы и рисунки после первого же упоминания, например: (табл. 1), (рис. 3).

Иллюстрации в статье должны быть чёткими, графики и диаграммы должны быть подписаны, каждая ось координат должна иметь название или единицы измерения.

5 Опубликование статей

- 5.1 После принятия Редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации ответственный за выпуск журнала информирует об этом автора и указывает сроки публикации.
- 5.2 Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей.
- 5.3 Публикация осуществляется бесплатно.

5.4 С «Правилами направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета», с примерами оформления литературы, сведений об авторе, PDF версиями журнала можно ознакомиться на сайте Сургутского государственного педагогического университета»: www.surgpu.ru

Состав редколлегии

Главный редактор:

КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор,
Президент Сургутского государственного педагогического университета

Ответственный редактор:

ГАВРИЛОВ Виктор Викторович, кандидат педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:

АЛЕКСЕЕВА Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор
АМБАРОВА Полина Анатольевна, доктор социологических наук, доцент
БОЗИЕВ Руслан Сахитович, доктор педагогических наук, профессор
ВАТОРОПИН Александр Сергеевич, доктор социологических наук, доцент
ГОЛОЛОБОВ Евгений Ильич, доктор исторических наук, профессор
ДВОРЯШИН Юрий Александрович, доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
ДЖОЗЕФСОН Пол Роберт, доктор исторических наук, профессор (США)
ДОКТОРОВ Борис Зусманович, доктор философских наук, профессор (США)
ДУЛИНА Надежда Васильевна, доктор социологических наук, профессор
ДУРНОВЦЕВ Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор
ЗАСЫПКИН Владислав Павлович, доктор социологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки ХМАО — Югры
ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович, доктор философских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
КОРЫЧАНКОВА Симона, доктор педагогических наук (Чехия)
ЛАЗАРЕВ Валерий Семёнович, доктор психологических наук, профессор,
академик РАО
ЛАРКОВИЧ Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор
ЛАШКОВА Лия Лутовна, доктор педагогических наук, доцент
МИЛЕВСКИЙ Олег Анатольевич, доктор исторических наук, доцент
МИЩЕНКО Владимир Александрович, доктор педагогических наук, доцент
СЕМЁНОВ Леонид Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор
СИНЯВСКИЙ Николай Иванович, доктор педагогических наук, профессор
СИПКО Йозеф, доктор педагогических наук (Словакия)
СТЕПАНОВА Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор
ШИБАЕВА Людмила Васильевна, доктор психологических наук, профессор
ШУКЛИНА Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор

Editorial staff

The Chief Editor:

KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
President of the Surgut State Pedagogical University

The Editor-in-Chief:

GAVRILOV Victor Viktorovich, Ph.D., Pedagogical Sciences

The Editorial Staff:

ALEKSEEVA Lubov Vasilyevna, Doctor of Historical Sciences, Professor
AMBAROVA Polina Anatolyevna, Doctor of Sociology, Associate Professor
BOZIEV Ruslan Sakhitovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
VATOROPIN Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
GOLOBOV Yevgeniy Ilyich, Doctor of Historical Sciences, Professor
DVORYASHIN Yuriy Aleksandrovich, Doctor of Philological Sciences, Professor
JOSEPHSON Paul Robert, Doctor of Historical Sciences, Professor (USA)
DOCTOROV Boris Zusmanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (USA)
DULINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor
DURNOVTSEV Valery Ivanovich, Doctor of History, Professor
ZASYPKIN Vladislav Pavlovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor
ZBOROVSKIY Garold Yefimovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor
KORYCHANKOVA Simona, Doctor of Education (Czech Republic)
LAZAREV Valeriy Semyonovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Academician of the Russian Education Academy
LARKOVICH Dmitriy Vladimirovich, Doctor of Philological Sciences, Professor
LASHKOVA Liya Lutovna, Doctor of Education, Associate Professor
MILEVSKIY Oleg Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
MISHCHENKO Vladimir Alexandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
SEMYONOV Leonid Alekseyevich, Doctor of Education, Professor
SINYAVSKIY Nikolay Ivanovich, Doctor of Education, Professor
SIPKO Joseph, Doctor of Education (Slovakia)
STEPANOVA Galina Alekseevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
SHIBAYEVA Lyudmila Vasilyevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor
SHUKLINA Yelena Anatolyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor